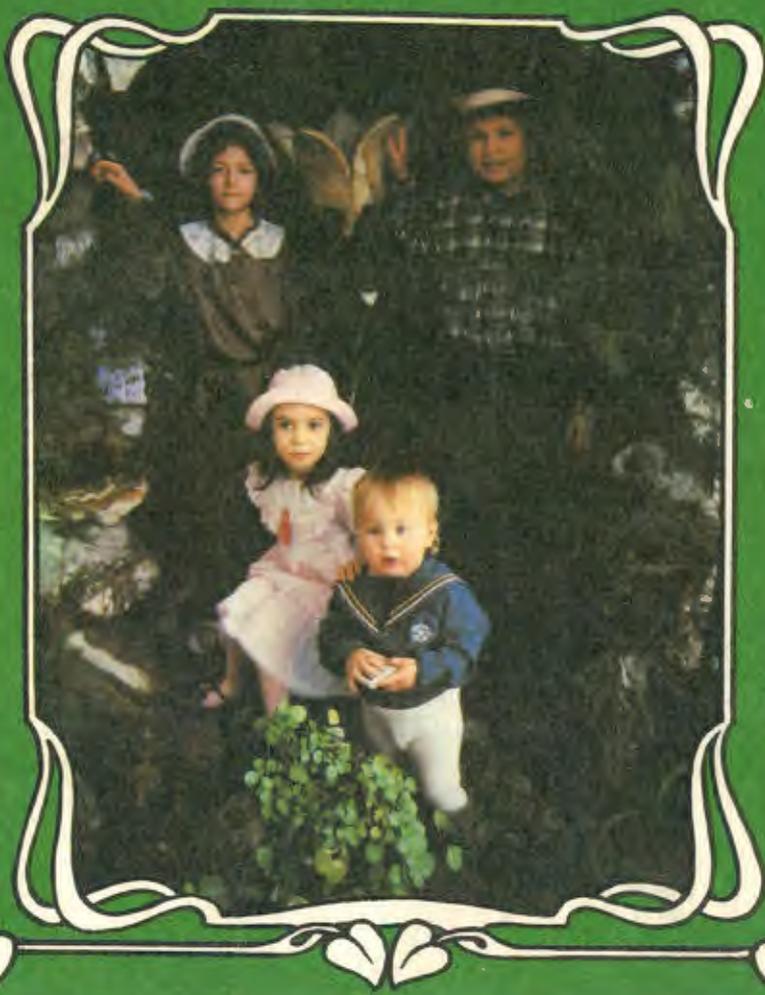

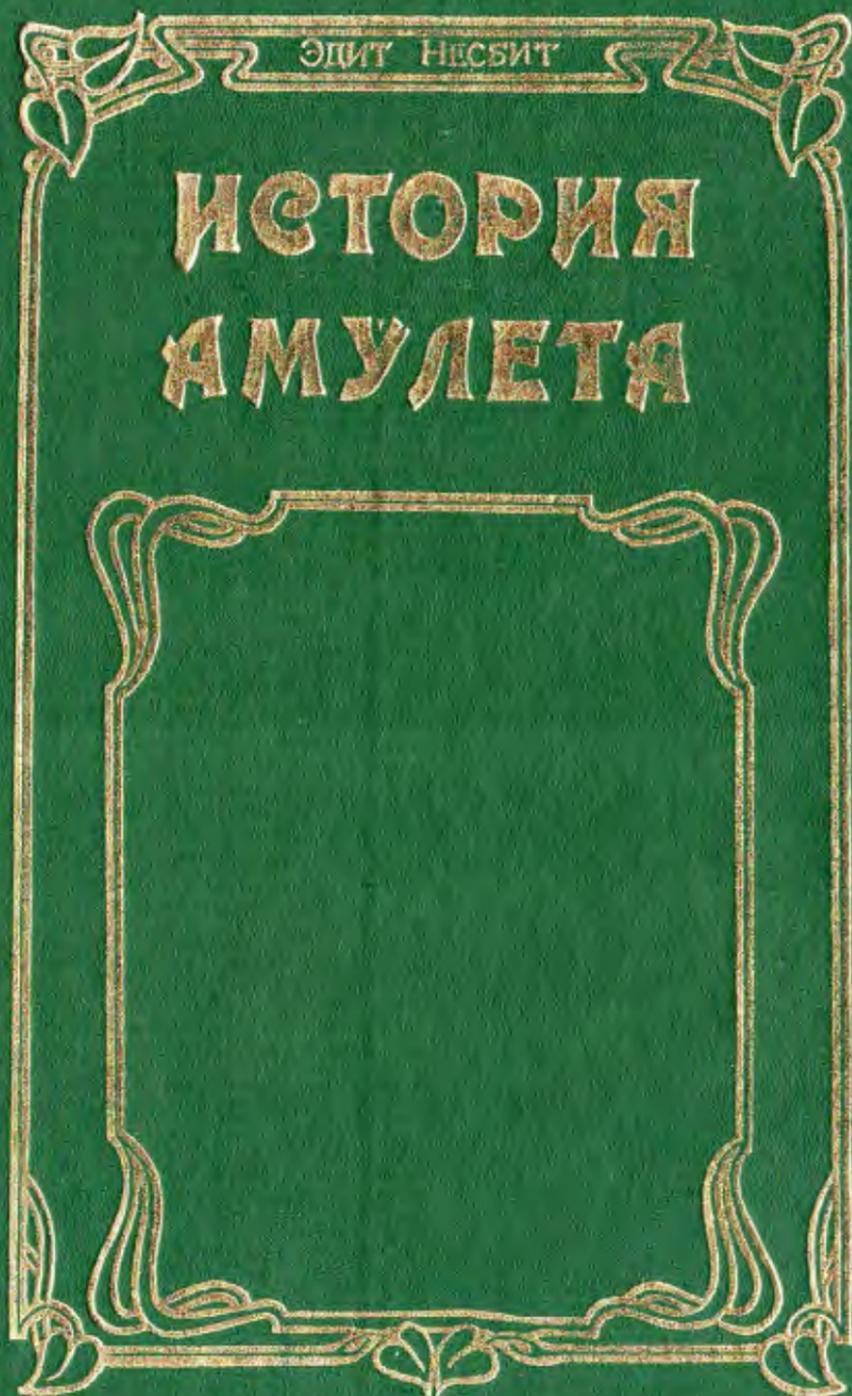
ЭДИТ НЕСБИТ

ИСТОРИЯ АМУЛЕТА

ЭДИТ НЕСБИТ

ИСТОРИЯ АМУЛЕТА

ЭДИТ НЕСБИТ

ИСТОРИЯ АМУЛЕТА

Екатеринбург

«Ладъ»

1994

ББК 83.34 Вл
Н55

Подготовка текста Агентства Кубин Лтд
(г. Екатеринбург)

Перевод с английского *И. Богданова*
Составитель серии *Ф. Еремеев*
Художник *Х. Р. Миллар*
Оформление *И. Мосина*

Несбит Э.

Н55 История амулета: Сказочная повесть / Пер с англ.
И. Богданова.— Екатеринбург: Изд-во «Ладъ»,
1994.— 464 с.

ISBN 5—7584—0089—0

В сказочной повести «История амулета» читатели вновь встретятся с неутомимыми искателями приключений. На этот раз дети становятся обладателями половинки древнего амулета. В поисках второй его части, затерявшейся в веках, они совершают головокружительные путешествия в прошлое (не без помощи старого знакомого Псаммиада).

Н $\frac{9803020000}{E68(03)—94}$ без объявл.

ББК 83.34 Вл

ISBN 5—7584—0089—0

© Издательство «Ладъ», 1994
© Кубин Лтд, перевод, 1994

Глава 1

ПСАММИАД

Жили да были четверо детей, которые имели обыкновение проводить свои летние каникулы в маленьком беленьком домике, весьма удачно расположившемся между песчаным и меловым карьерами. Однажды им случилось возиться в песчаном карьере и наткнуться там на очень странное существо, которое дети прозвали Чудищем. Глаза у этого существа были расположены на длинных рожках — совсем как у улитки — и могли свободно выдвигаться и втягиваться внутрь наподобие двух маленьких телескопчиков. Уши у него были как у летучей мыши, руки и ноги походили на обезьяньи, а тело напоминало нечто среднее между небольшим бочонком и большим пауком. Кроме того, оно было с ног до головы покрыто мягкой густой шерстью. Так вот, это самое Чудище поведало детям (которых, кстати, звали Сирил, Роберт, Антея и Джейн), что его зовут Псаммиадом, а в народе кличут Песчаным Эльфом. Ему было очень, очень, очень много лет — он родился почти

одновременно со всем остальным миром. И все это время он скрывался в песке. Но, несмотря на столь почтенный возраст, ему удалось сохранить присущие эльфам волшебные качества, которые заключались в том, что он мог исполнять любые желания, какие только взбредут вам в голову. (Впрочем, что это я вам объясняю — вы, наверное, много чего читали про эльфов и все знаете не хуже меня). Сирил, Роберт, Антея и Джейн не преминули от души попользоваться волшебным зверьком, но, как ни странно, все их желания почему-то сбывались не так, как надо, и выливались в сплошные неприятности (по правде говоря, дети просто никогда не думали о последствиях). В конце концов, в результате всех своих сумасбродств дети попали в такой переплет (помнится, Роберт по этому поводу выразился примерно так: «Ну и обфукались же мы, честное слово!»), что понадобилась вся волшебная сила Псаммиада для того, чтобы вытащить их оттуда. Правда, за это им пришлось пообещать Песчаному Эльфу, что они никогда в жизни больше не будут загадывать ему желаний и никому ни словечком не обмолвятся о самом его существовании,— дело в том, что Псаммиаду вообще не хотелось больше исполнять ничьих желаний. Когда дети расставались со своим Чудищем, вежливая Джейн сказала:

— Хотела бы я, чтобы мы когда-нибудь снова увиделись!

И Чудище, до глубины души тронутое столь безыскусным проявлением дружеских чувств, пообещало детям исполнить это жела-

ние. Обо всем этом вы можете прочесть в книжке, которая называется «Пятеро детей и Чудище». Правда, как это часто бывает у писателей, книжка эта кончается на самом интересном месте:

«Дети и впрямь снова увиделись с Псаммиадом, но случилось это не в песчаном карьере, а в...

Но это уже совсем другая история».

В то время я не могла сказать ничего больше, потому что и сама толком не знала, где и когда дети снова встретились с Псаммиадом. Но зато я ни минуты не сомневалась в том, что эта встреча произошла, потому что Псаммиад всегда был эльфом слова и если уж он что пообещал, это непременно исполнялось. Некоторым людям надо бы брать с него пример — в первую очередь это касается тех, кто постоянно вешает нам на уши лапшу насчет того, какая погода будет в следующую субботу в Лондоне, на Южном побережье или в проливе Ла-Манш!

Итак, прошлогодние каникулы в деревне, во время которых дети нашли Псаммиада и чуть было не обфукались со своими неосторожными желаниями, запомнились всем четверым как самое лучшее время в жизни, и этим летом они ожидали чего-нибудь подобного. Нужно сказать, что зимние каникулы были озарены волшебным светом необычайных приключений, описанных мною в книжке «Феникс и ковер». К сожалению, и то и другое было безвозвратно утрачено детьми, и они непременно впали бы в беспросветное отчаяние, если бы их не согревала мысль о предсто-

ящей поездке в деревню — за новыми чудесами. Они вообще не были нытиками и не без основания полагали, что в мире постоянно случаются всяческие удивительные вещи — во всяком случае, с ними четверыми. Так что они спокойненько ждали себе лета, но когда оно наконец наступило, начали происходить всякие непредвиденные ужасности: папе нужно было срочно отправляться в Маньчжурию и писать там репортажи о войне для «Вечернего Обогревателя» — кажется, именно так называлась эта занудливая газета, в которой ему не посчастливилось работать. А мамочка, бедная дорогая мамочка внезапно заболела и уехала лечиться на Мадейру, да еще и забрала с собой Ягненка (для тех, кто еще не знает, Ягненок — это такой миленький пупсик, он же младший братишка наших четверых приятелей). Что же до тетушки Эммы, маминой сестры, то она не нашла ничего лучше, как скоропостижно выскочить замуж за дядюшку Реджинальда, папиного брата, и уехать с ним на медовый месяц в Китай, который, к несчастью, находится примерно за тысячу миль от Лондона, — ни один, даже самый любящий родственник не согласился бы взять с собой в такую даль четверых не в меру притких ребятишек. Так что детей пришлось оставить на попечение их старой няни, что проживала на Фицрой-стрит неподалеку от Британского музея. Хорошая старушка души в них не чаяла и потихоньку от родителей баловала чем только могла, но, несмотря на это, едва только папин экипаж, нагруженный бесчисленными сундуками, ружьями, одеялами, пледами

и котелками прогромыхал по булыжной мостовой и скрылся за поворотом, все четверо ощутили, как внутри у них разливается тоскливая пустота. В этот момент дрогнуло бы даже каменное сердце, а потому нечего удивляться, что девочки залились слезами и бросились друг другу в объятия, а мальчики прилипли носами к высоким (и, признаться, темным от пыли) окнам гостиной и принялись изо всех сил притворяться, что им ни капелюшечки не хочется плакать.

Надеюсь, вы обратили внимание на то, что у детей достало мужества не плакать, пока папа был в доме,— они знали, что у него и без того было много поводов для расстройств. Но стоило ему только уехать, как всем четверым вдруг почудилось, что они сдерживались от слез всю свою жизнь и что за это время у них накопилось внутри столько этого добра, что они непременно лопнут, если будут сдерживаться и дальше. Вот они и заплакали--- каждый на свой манер.

За чаем, к которому были поданы креветки и кресс-салат, листья которого были сплетены в удивительно достоверное подобие живой изгороди, опоясывавшей пузатую стеклянную солонку, дети немного приободрились. Но в общем и целом настроение у всех было невеселое.

После чая Антея поднялась в комнату, которая еще совсем недавно была папиной спальней. Сейчас она зияла какой-то потусторонней пустотой, и Антея, вспомнив, что с каждой минутой папа все больше и больше удалялся от них в направлении русских пушек, снова принялась всхлипывать. А когда она подумала

о маме (больной и одинокой бедной мамочке, которая, возможно, как раз в этот самый момент больше всего на свете нуждалась в том, чтобы ее любимая доченька положила ей на голову холодный одеколоновый компресс и поднесла ко рту чашку горячего чаю), она разревелась, как самая последняя белуга, и наверняка проредела бы целый день, если бы вдруг не вспомнила, что ей сказала мама накануне своего отъезда на Капри. А мама сказала, что теперь Антея остается в семье за старшего, и ей следует всеми имеющимися у нее силами следить за порядком, развлекать остальных и все такое прочее. Так что Антея перестала плакать и принялась думать, а когда это занятие стало ей невмоготу, она умылась, расчесала волосы и отправилась к остальным в гостиную, попутно пытаясь изобразить на лице выражение, долженствовавшее убедить каждого встречного и поперечного в том, что она в принципе не умеет плакать — хоть натри ей глаза луком.

В гостиной царила такая плотная атмосфера уныния, что ее не могли разогнать никакие героические попытки Роберта, который, стараясь хоть как-то развлечь остальных, потихоньку — чтобы не было обидно — дергал Джейн за косички.

— Послушайте! — сказала Антея. — Давайте устроим совет старейшин.

Эта фраза родилась в тот злополучный день, когда Сирилу вдруг пришло в голову пожелать, чтобы в Англии водились краснокожие индейцы, — которые тут же и не преминули в ней завестись. Вспомнив об исполнен-

ных удивительными приключениями прошлогодних каникулах, дети отчаянно застонали. У каждого в голове пронесся манящий образ маленького белого домика, окруженного прекрасным, несмотря на полную одичалость, садом, где поздние розы, игольчатые астры, пестрые ноготки, душистая резеда и косматая спаржа произрастали наподобие маленьких ярких островков посреди океана спутанных сорняков, колючек и прочей неухоженности, из которой когда-то хотели сделать образцовую фруктовую плантацию и которая теперь, по выражению папы, превратилась в «пять акров чертополоха с обитающими в нем призраками новорожденных вишневых побегов». Они вспомнили о прекрасной долине, где печи для обжига известняка грелись на солнышке, как небольшие дворцы Аладдина, и где находился их *секретный песчаный карьер*, гребень которого был увенчан полевыми цветами с проволочными стеблями, а склоны пестрели крохотными черными дырочками, служившими парадными входами в жилища крохотных черных ласточек. Потом они вспомнили о кристально чистом воздухе, исполненном запаха дыма, неторопливо поднимавшегося от деревенских печных труб,— а еще потом оглянулись на развешанные по стенам няниной гостиной пыльные гобелены и в один голос завопили:

— Господи, скучища-то какая!

Так оно и было на самом деле. До того, как папа поручил старой нянечке заботиться о детях, она имела обыкновение сдавать комнаты жильцам, так что они, комнаты то есть, были

обустроены «под сдачу в наем». Если вы когда-либо в жизни видели комнаты, обустроенные «под сдачу в наем», то наверняка знаете, что они кардинальным образом отличаются от комнат, предназначенных просто для жилья. В гостиной, например, окна были занавешены тяжелыми темно-красными шторами (из тех, на которые можно вылить ведро крови, и все равно никто ничего не заметит), скрывавшими под собой еще и по здоровенному куску грубоватого тюля, что служили занавесками на дневное время. Ковер по большей части был невыносимого фиолетово-желтого цвета — исключение составляли коричневые клееночные заплатки, стыдливо прикрывавшие облысевшие места. Камин украшали аляповатые гипсовые завитушки и дешевая позолота. Еще там наличествовали: огромный шифоньер (попросту говоря, буфет) с невероятно отполированными боками и сломанным замком; нестройная (ввиду чрезмерной для такого небольшого помещения многочисленности) толпа стульев, укрытых вышитыми тамбуром накидками, которые неизменно соскальзывали с наклоненных не в ту сторону сидений и собирали на себя всю имеющуюся на ковре пыль; обеденный стол с грязновато-зеленой скатертью, по которой, как окопы по полю битвы, во всех направлениях тянулись оранжевые полосы швов; необъятное зеркало, в котором все поголовно — вне зависимости от изначальной степени красоты — выглядели уродами; каминная полка, упакованная в темно-бордовый плюш с шерстяной бахромой, что само по себе уже было невыносимо; пугающе-

го обличья пристенные часы, похожие на гробницу из мрамора, в которой вот уж, наверное, больше века догнивал усопший часовой механизм; а также разноцветные стеклянные вазы, в которых отродясь не бывало цветов, разноцветный тамбурин, на котором никто никогда не играл, и разноцветные полочки, на которых странно было бы предположить наличие чего бы то ни было, кроме пыли.

*И в скромной рамке несколько гравюр:
Владычица морей, Парламент, Граг Господень
Соседствовали с красным носом гровосека.*

Да, чуть было не забыла! Там еще имелись две книги: декабрьский выпуск «Брэдшо»* и потрепанный том пламриджевских «Комментариев к Новому Завету». Однако, я более не хочу останавливаться на описании этой удручающей картины и ограничусь метким выражением детей: там действительно была «жуткая скучища».

— Давайте устроим совет старейшин! — повторила Антея.

— С какой стати? — зевая, осведомился Сирил.

— Тут хоть Федеральное собрание Государственной Думы устраивай — все равно никакого толку не будет, — сказал Роберт, с самым несчастным видом попинывая ножку стола.

— И вообще, у меня нет никакой охоты играть, — добавила Джейн сварливым тоном.

Антея изо всех сил старалась не рассердиться. И, нужно сказать, ей это удалось.

* «Брэдшо» — справочник расписания движения на всех железных дорогах Великобритании. Любимая книга Шерлока Холмса.

— Послушайте! — сказала она. — Не подумайте, что мне захотелось читать вам наставления или вообще повыдываться. Я просто хочу, как говорит папа, «прояснить ситуацию». Надеюсь, против этого вы не возражаете?

— Ладно, валяй! — сказал Сирил без особого энтузиазма.

— Тогда слушайте: все мы знаем, что должны торчать здесь все лето, потому что нянечка не может оставить дом из-за бедного ученого джентльмена, который снимает у нее каморку на чердаке. А другого такого человека, которому папа смог бы доверить нас на столь длительный срок, не существует в природе. Кроме того, мамина поездка на Мадейру плюс всякие там доктора и лекарства обошлись папе в кучу денег...

Джейн приглушенно всхлипнула.

— О, конечно, это ужасно! — поспешила добавить Антея. — Но только давайте не будем усугублять. Я хочу сказать, что в таком положении нам недоступны всяческие дорогостоящие развлечения, но хоть *что-нибудь-то* мы можем предпринять. В Лондоне наверняка имеется огромное количество вещей, на которые можно поглазеть, не заплатив ни цента. Вот я и предлагаю пойти и поглазеть на них! Все мы уже достаточно взрослые, чтобы гулять самим по себе, да и Ягненок на нас не висит...

На этот раз Джейн всхлипнула гораздо громче.

— Я только имела в виду, что теперь нам никто не сможет сказать «нет», дорогуша! — успокоила ее Антея. — Я полагаю, что прежде

всего нам нужно убедить няню в том, что мы уже страх какие взрослые и нам можно выходить на улицу одним. Без этого у нас ничего не получится и мы все лето просидим взаперти. Затем я предлагаю осмотреть все имеющиеся в округе достопримечательности. Начнем с того, что попросим няню выдать нам по ломтю хлеба и отправимся в Сент-Джейм-сский парк кормить уток — их там по меньшей мере сотни три, а то и четыре. Только мы должны обязательно настоять на том, чтобы няня отпустила нас *одних*.

— Да здравствует свобода! — закричал было Роберт, но тут же осекся. — Она этого ни за что не сделает.

— А вот и сделает! — неожиданно вступила Джейн. — Сегодня утром я почему-то как раз об этом подумала. Я спросила папу, и он сказал, что не имеет ничего против. Мало того, он еще и нянечке сказал, что мы можем гулять, сколько нам вздумается, только мы должны обязательно говорить, куда идем и когда вернемся, а то она нас не отпустит.

— Гип-гип-ура нашей предусмотрительной Джейн! — закричал Сирил, пробуждаясь от вызванной полнейшим отсутствием перспектив спячки. — Я предлагаю пойти гулять немедленно!

Единственное, о чем их попросила старая нянечка, это быть очень внимательными на перекрестках, а лучше так и вообще всякий раз, как им вздумается перейти на другую сторону улицы, просить о помощи полицейского. Но дети прекрасно разбирались в перекрестках, так как жили в Камдентаунском

районе с его оживленнейшей Кентиштаун-роуд, по которой в любое время дня и ночи, как сумасшедшие, носились железные трамваи, грозя переехать своими безжалостными колесами первого встречного-поперечного.

Они пообещали вернуться дотемна. Это было очень умно с их стороны, потому что на дворе стоял июль, и темнота ложилась на город не раньше одиннадцати часов вечера — то есть, по крайней мере, через час после того времени, когда им полагалось быть в постели.

Итак, дети отправились в Сент-Джеймский парк, имея в карманах по огромному ломтю хлеба и не поддающейся никакому определению массе вафельных крошек, предназначенных для кормления тамошних уток. Повторяю, они *отправились* в парк, но так туда и не попали.

Вы, конечно же, знаете, что между Фицрой-стрит и Сент-Джеймским парком протянулась целая паутина маленьких улочек и что если все время придерживаться прямого пути, вам неизбежно придется пройти мимо огромного количества всяческих лавочек и магазинчиков, не остановиться возле которых является самым настоящим преступлением. Понятно, что дети останавливались и по несколько минут торчали у каждой мало-мальски приличной витрины, разглядывая золотые кружева и перламутровые бусы, картины и статуэтки, платья и шляпки, омаров и устриц — одним словом, все те на редкость привлекательные вещи, какие имеют обыкновение выставлять в своих витринах лавочники. И чем дальше отходили они от дома номер 300 по

Фицрой-стрит, тем легче становилось у них на душе.

Наконец, повинувшись очередному бесшабашному приказанию Роберта, которого девочки, желая сделать ему приятное, избрали на сегодня капитаном (Роберт был и впрямь польщен, а Сирил не решился возражать, опасаясь, что его заподозрят в самой что ни на есть черной зависти), дети свернули за ближайший угол и очутились на маленькой извилистой улице, где — о счастье! — их глазам предстали самые завлекательные лавки на свете. Я, естественно, имею в виду лавки, где продают всяческую живность. Дети немедленно устремились к большой витрине, сверху донизу уставленной клетками с певчими птицами. Птицы были всех цветов и обличий, и дети любовались ими до тех пор, пока не вспомнили, как однажды им вдруг захотелось иметь крылья — и они их получили. Это воспоминание немедленно навело их на мысль о том, что всякое крылатое существо наверняка испытывает невероятные страдания, томясь в тесной клетке и не имея возможности лететь, куда ему вздумается.

— Ох, не завидую же я этим несчастным птичкам! — резюмировал Сирил. — Пойдемте отсюда!

Они отправились дальше. На ходу Сирил обдумывал план побега на Клондайк, где он в считанные дни мог бы сколотить себе огромное состояние, открыв золотоносную жилу. Это состояние должно было пойти на покупку всех томящихся в неволе птиц, какие только имелись в мире, с целью их немедлен-

ного и необратимого освобождения. Между тем дети подошли к лавке, где продавались кошки, но кошки тоже оказались в клетках, и Сирилу пришлось включить в свой план освобождение всех на свете зарешеченных кошек, которых затем нужно было как можно быстрее распределить по каминным коврикам, являющимся, как известно, их обычным местом обитания. Рядом с кошачьей лавкой стоял магазинчик, в котором продавали собак, и, нужно сказать, зрелище это было не из приятных, потому что половина собак была опять-таки в клетках, а другая половина сидела на цепи, но и те и другие призывно заглядывали детям в глаза и нетерпеливо помахивали хвостами, как бы говоря: «Купите меня! О, пожалуйста, купите меня! Возьмите меня с собой! Купите меня — и моих несчастных братьев тоже! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!» Это самое «пожалуйста» настолько явно проступало сквозь их негромкие подвывания, что дети едва не расчувствовались до слез. Впрочем, подвывали далеко не все — вот, например, здоровенный ирландский терьер так зарычал, когда Джейн протянула руку, чтобы погладить его.

— Рррр! — казалось, говорил он, скосив на детей свои большие черные глазищи. — *Вы не купите меня. Никто и никогда меня не купит, и мне так и придется помереть в этом чертовом ошейнике. А впрочем, мне на это в высшей степени наплевать!*

Не знаю, уразумели ли дети хоть слово из всего того, что он «говорил» — но однажды им довелось пожить в осажденном замке, и они

прекрасно понимали, как неприятно находиться в ситуации, когда тебе очень хочется пойти погулять, а тебя не пускают.

Естественно, они не могли купить ни одной собаки. Правда, для очистки совести они осведомились о цене самой миниатюрной из них — и в ответ услышали, что она стоит шестьдесят пять фунтов! Дети не могли знать, что эта крохотная шавка была самым что ни на есть настоящим японским декоративным спание-лем, приходившимся чуть ли не родным братом тому, с которым Королева, в бытность еще Принцессой Уэльской, позировала для своей парадной картины. А потому они решили, что, раз такой незначительный комок шерсти стоит так дорого, то цена остальных псов наверняка зашкаливает за тысячу фунтов, и отправились дальше.

Они шли по улице, больше не обращая внимания на птичьи, кошачьи и собачьи лавки, до тех пор, пока не очутились у витрины магазинчика, где были выставлены на продажу животные, которым, судя по их виду, было абсолютно безразлично, находятся ли они на свободе или в тарелке с супом. Там были белые мыши и золотые рыбки, актинии и прочая аквариумная нечисть, ящерицы и лягушки, ежики и черепахи, ручные кролики и морские свинки. У этой витрины дети задержались надолго. Они кормили морских свинок кусочками хлеба и попутно прикидывали, удастся ли им поселить одного из пепельно-серых ушастиков на первом этаже дома по Фицрой-стрит.

— Я думаю, наша милая нянечка не будет очень сильно возражать, — сказала Джейн. —

Кролики ведь такие славненькие и пушистенские! Он наверняка сразу же научится узнавать ее по голосу и будет выполнять все ее приказы.

— Да нет же! — сказал Сирил. — Она станет запинаться об него по двадцать раз на дню. Лучше завести змею..

— Нет тут никаких змей! — поспешно произнес Роберт. — И вообще, я с ними как-то не могу ужиться — сам не понимаю почему.

— Черви тоже не годятся, — добавила Антея. — Я уж не говорю об угрях и слизняках. Наверное, люди просто ничего не понимают в животных, у которых нет ног.

— А вот папа говорит, что у змей есть ноги, только они спрятаны у них внутри, — возразил Роберт.

— Ага! А еще он говорит, что у нас есть хвосты, так они тоже спрятаны у нас внутри, — сказала Антея. — Не знаю, правда это или нет, да только это ничего не меняет. Я все равно ненавижу всех этих безногих гадин!

— Да брось ты! Куда хуже, если у них чересчур много ног, — содрогнувшись, произнесла Джейн. — Вспомни о сороконожках!

Так они стояли на тротуаре, развлекая друг друга болтовней о всяческих приятных вещах и создавая массу неприятностей для пешеходов, которым, чтобы обойти их, приходилось сходить на грязную мостовую. Сирил облокотился о крышку клетки, которая сначала — когда они исследовали решетчатую пирамиду на прилавке — показалась детям пустой, и забавлялся тем, что пытался вернуть себе расположение маленького ежика, свернувшего

гося в клубок при его приближении, как вдруг у него из-под локтя прозвучал тоненький, но вполне различимый голосок, обращавшийся к нему на этот раз не на туманном кошачьем или собачьем диалекте, а на чистейшем английском языке:

— Купи меня! О, пожалуйста, купи меня!

Сирил вздрогнул, как если бы ему в спину воткнули здоровенную булавку, и отпрыгнул на ярд от клетки.

— Вернись! Прошу тебя, вернись! — позвал его таинственный обладатель тоненького голоса. — Подойди к клетке и нагнись пониже. Сделай вид, что завязываешь шнурки. Кстати, они у тебя и впрямь развязались — как обычно!

Сирил механически подчинился и, присев на одно колено посреди сухого, пыльного и раскаленного от солнца тротуара, принялся вглядываться в царивший в клетке полумрак. В следующую секунду он едва не повалился на асфальт от удивления — прямо перед ним, вцепившись когтями в железные прутья, сидел Псаммиад!

За прошедший со времени их последней встречи год Песчаный Эльф изрядно усох и теперь более всего на свете напоминал выжатый до последней капли винный бурдюк. Он был грязен и неухожен, а его великолепный некогда мех свисал нечесаными слипшимися космами. Одним словом, он был разительно не похож на самого себя, и это впечатление довершалось тем обстоятельством, что он (очевидно, для маскировки) глубоко втянул в себя свои улиточки глазки.

— Слушай меня *очень* внимательно! — заговорил Псаммиад голосом, в котором явно слышались раскаты приближающихся рыданий. — Я не думаю, чтобы это грязное животное, что заведует лавкой, запросило за меня слишком дорого. Дело в том, что я пару раз куснул его как следует — да и вообще старался вести себя как можно неприметнее. Естественно, я не позволил ему даже краем глаза взглянуть на мои прекрасные, мои замечательные и расчудесные рожки. Скажи остальным, что я здесь. Только пусть они не пялятся на меня, пока мы с тобой разговариваем, а вместо этого лучше поразглядывают всех этих хвостатых недоумков в соседних клетках, иначе хозяин решит, что вы мной заинтересовались, и заломит такую цену, что вам и не снилась. А, насколько я помню по прошлому лету, денег у вас никогда не водилось (слава Богу, кстати!). Да... Вот уж никак не думал, что могу обрадоваться при виде вас. Просто смех, да и только! — Он всхлипнул и быстро вытянул свои улиточьи глазки, чтобы навернувшаяся слеза упала в максимальном отдалении от его шерстки. — Ну давай же, скажи остальным, что я здесь, а потом я дам тебе подробные инструкции по поводу того, как меня купить.

Когда он закончил говорить, Сирил успел завязать шнурок на левом ботинке по крайней мере на пять узлов. Он поднялся на ноги и решительным тоном обратился к остальным:

— Слушайте меня *очень* внимательно! И знаете — я не шучу. Я взываю к вашей чести, — Сирил знал, что делал, ибо в рамках их семьи

H. R. MILLAR 95

этот призыв никогда не оставался без ответа.— Ни в коем случае не смотрите на эту клетку, а лучше глазейте пока на белую мышь. Запомните — что бы я сейчас вам не сказал, не смотрите на эту клетку!

Затем, чтобы избавить остальных от лишних соблазнов, он заслони́л собою клетку с Псаммиа́дом.

— А теперь приготовьтесь выслушать самую удивительную новость за последние полгода,— продолжал он.— Здесь, вот в этой самой клетке, сидит наш старый друг — да, да, но только не смотрите! — Псаммиад. Клянусь вам, наш старина Псаммиад собственной персоной. Он хочет, чтобы мы его купили. И еще он хочет, чтобы вы пока не обращали на него внимания. Разглядывайте белую мышь и считайте денежки, вроде как прицениваетесь! Честью заклинаю вас, не смотрите в эту сторону!

Роберт, Антея и Джейн вели себя в высшей степени благородно. Они так пристально впились глазами в бедного мышонка, что тот едва не умер от страха. В конце концов он забился в дальний угол клетки, прикрыл лапками мордочку и стал изо всех сил притворяться, что совершает вечернее омовение.

Сирил же снова присел на асфальте и занялся шнурком правого ботинка. Естественно, при этом он ни на секунду не переставал внимать инструкциям Псаммиада.

— Зайдите внутрь,— говорил Псаммиад,— и спрашивайте по очереди, сколько стоят все эти безмозглые твари. Сделайте вид, что они вам очень нравятся. Затем скажите так: «Что вы хотите за вон ту бесхвостую мартышку —

ту облезлую дохлятину, что сидит в третьей клетке с краю?» Да полно тебе волноваться по поводу моих оскорбленных чувств! Вы просто обязаны обозвать меня «облезлой мартышкой» — не зря же я так старался на нее походить! Не думаю, что хозяин за меня много попросит — с тех пор, как меня позавчера приволокли в этот зверинец, я укусил его ровно одиннадцать раз. Но если он все же заломит больше, чем у вас есть, пожелайте, чтобы у вас на руках оказалась требуемая сумма.

— Но ведь ты не можешь исполнять наши желания. Я же сам пообещал тебе, что больше не загадаю ни одного,— сказал слегка оторопевший Сирил.

— Теперь не время строить из себя идиота! — воскликнул Песчаный Эльф дрожащим от возбуждения голосом.— Лучше поскорее посчитайте, сколько у вас с собою денег, и сделайте то, о чем я вас прошу.

Сирил присоединился к остальным и, тыкая равнодушным указательным пальцем в направлении вконец запуганного белого мышонка (чтобы было похоже, что разговор идет исключительно о нем), вкратце объяснил положение дел. Тем временем Псаммиад изо всех сил сжился и кукожился в своей клетке, стараясь придать себе максимально омерзительный вид.

Наконец четверо детей вошли в магазин.

— Сколько вы просите за того белого мышонка? — спросил Сирил.

— Восемь пенсов,— был ответ.

— А за морских свинок?

— От восемнадцати пенсов до пяти шиллингов — в зависимости от породы.

— А за ящериц?

— Девять пенсов за штуку.

— А за жаб?

— Четыре пенса. А теперь слушайте меня,— неожиданно прорычал гороподобный хозяин этого тюремного зверинца с такой яростью, что дети невольно отпрянули назад и робко прижались к облицованной бесчисленными клетками стене.— Да слушайте хорошенько! Мне очень не нравится, когда в мой шикарный магазин заходят всякие там молодые прощелыги и начинают ради хохмы прицениваться к моим зверям. У меня честный бизнес, так-то! Если ты покупатель, так покупай. А вы уж больно не похожи на покупателей. Не бывает таких покупателей, которые хотят купить разом и белую мышь, и ящериц, и свинок, и лягушек! Так что лучше проваливайте отсюда, покудова целы!

— О, подождите пожалуйста! — сказал пристыженный Сирил, уразумев наконец, что слегка перегнул палку, стараясь как можно дотошнее выполнить инструкции Псаммиада.— Еще один вопрос, и мы уходим. Скажите, что вы хотите за вон ту облезлую мартышку в третьей клетке с краю?

Продавец воспринял слова Сирила за новое оскорбление в свой адрес.

— Сам ты облезлая мартышка! — сказал он.— Смотри-ка ты, молодой да ранний! А ну-ка, вали отсюда и дружков своих с собой забирай! Пошли вон, говорю вам!

— О, да не будьте же вы такой злюкой! — закричала Джейн, выходя из себя.— Вы разве не видите, что ему это и впрямь *позарез* нужно?!

— Ха! Ему, видите ли, нужно,— скривился было продавец, но уже в следующую секунду принялся подозрительно почесывать ухо. Он, видите ли, обладал прирожденным чутьем торговца, и в данный момент это самое чутье нашептывало ему, что Джейн говорит правду. У него на ладони красовалась свежая повязка, и если бы кто-нибудь заинтересовался «облезлой мартышкой» еще пару-другую минут назад, он был бы рад избавиться от нее за десять шиллингов. Но то было пару минут тому назад, а сейчас дело принимало иной оборот.

— Надо же! Ему, стало быть, позарез нужно,— повторил он.— А коли нужно, то вот вам моя цена: два фунта десять шиллингов, и все тут. Другой такой обезьянки не сыщешь по эту сторону экватора — чтоб я сдох, коли вру! Один Бог знает, где такие, как она, водятся. Уж в Лондоне-то их точно нету. Да этой мартышке место в зоопарке, точно вам говорю. Так что два фунта десять шиллингов и деньги на бочку, а не то *проваливайте отсюда!*

Дети в отчаянии переглянулись — вся их казна исчислялась жалкими двадцатью тремя шиллингами и пятью пенсами (а ведь еще сегодня утром им казалось, что это сущее богатство), причем двадцать шиллингов влились в нее всего лишь несколько часов тому назад в виде новехонького сверкающего софитов, который папа подарил им перед отъездом «на проказы» и с которым им отчаянно не хотелось расставаться.

— У нас всего лишь двадцать три шиллинга и пять пенсов,— сказал Сирил, для вящей убедительности позвякивая монетами в кармане.

— Двадцать три филина и пять персов! — презрительно фыркнул продавец, не веря, что у Сирила может оказаться при себе такая огромная сумма.

Последовала напряженная пауза. Затем Антея вспомнила наставления Псаммиада и сказала:

— О, как бы я хотела, чтобы у меня было два фунта десять шиллингов!

— Вот вам крест, мисс, мне этого тоже хочется, — ответил продавец с язвительной любезностью. — Да уж как хочется-то, просто сил нет!

Все это время антеева рука лежала на прилавке. Когда она загадала желание, что-то холодное и круглое незаметно скользнуло под нее. Антея тут же подняла руку, и — о чудо! — у нее на ладони лежали пять блестящих золотых полсоверенов.

— Как видите, у меня все-таки есть эти деньги, — хладнокровно заметила она. — Берите, они ваши, а нам сейчас же отдайте Псамми... э-э-э... я хотела сказать — мартышку.

Продавец старательно обнюхал каждую монетку, а потом одним молниеносным наклоном ладони ссыпал их себе в карман.

— Надеюсь, мисс, они достались вам честным путем, — сказал он, пожав плечами.

Затем он снова почесал ухо.

— Ладно! Так уж и быть, я отдаю его вам, хотя на самом деле он стоит в три раза дороже. Эх, да что там говорить!..

Он вышел наружу, осторожно приблизился к клетке с Псаммиадом, некоторое время покрутился вокруг нее, словно собираясь с духом,

и затем одним стремительным рывком распахнул дверцу и грубо схватил Песчаного Дайфа за загривок. Естественно, Псаммиад не упустил возможности припасть к руке своего мучителя в долгом прощальном укусе.

— Нате, забирайте эту скотину! — сказал лавочник, морщась от боли, и так сильно сжал Псаммиада своим мохнатым кулаком, что тот едва не задохнулся. — Еще немного, и он бы мне палец начисто откусил.

Понятно, что у него глаза полезли на лоб, когда Антея бесстрашно протянула руки навстречу Псаммиаду.

— Только потом, когда он вам отхватит щеки или глаз выхлестнет, не говорите, что я вас не предупреждал, — сказал он и разжал кулак.

Псаммиад одним гигантским прыжком перемахнул с его грязной, мозолистой ладони на руки Антее, которые, кстати сказать, тоже были не совсем чтобы чистые, но все же достаточно розовые и мягкие. Антея бережно прижала его к груди.

— Но мы же не можем нести его домой прямо так, — сказал Сирил. — Представляете, какая вокруг нас соберется толпа?

И в самом деле, на тротуаре перед лавкой уже собралось ее небольшое подобие — два мальчишки-посыльных и один полицейский заинтересованно поглядывали на косматую бесхвостую невидаль, в приливе чувств обвившую антееву шею лапами.

— У меня тут ничего нет — разве что бумажные пакеты, в которые мы складываем черепашки, — ворчливо сказал продавец.

Так что вся компания снова проследовала в магазин. Получив от продавца бумажный пакет, Антея осторожно развернула его, и Псаммиад не менее осторожно забрался внутрь. Нужно ли говорить, что при виде столь невиданного поведения своего заклятого врага глаза продавца едва не повылазили из орбит.

— Разрази меня гром! — пораженно воскликнул он. — Я ожидал от него чего угодно, но только не этого! Разве что вы раньше встречались с этим маленьким мерзавцем...

— Естественно, — любезно ответил ему Сирил. — Вообще-то, он наш старинный приятель.

— Знать бы мне раньше, — проворчал продавец, — так вы бы его и за пять фунтов у меня не выпросили. Да ладно уж, — добавил он, когда дверь за детьми затворилась и он остался в лавке один. — И так я на нем изрядно подзаработал. Обошелся-то он мне всего в пять шиллингов. Хотя, с другой стороны, он накусал меня на все десять фунтов. Тьфу ты!..

Пока он в отчаянье рвал себе волосы, дети, дрожа от радости и волнения, тащили Псаммиада домой. Псаммиад тоже дрожал в своем бумажном пакете, но совсем по другой причине.

Когда они наконец добрались домой, Антея принялась изо всех сил ласкать Псаммиада, то есть гладить по шерстке, трогать лоб губами и делать всякие прочие глупости, какие обычно делают девчонки, когда хотят кого-нибудь утешить. Она бы с удовольствием всплакнула над ним, если бы вовремя не вспомнила, что он ужасно боится сырости.

Когда Псаммиад наконец немного пришел в себя, он сказал:

— Достаньте мне где-нибудь песка — знаете, такого красивого серебряного песка, который продается в лакокрасочной лавке. И, пожалуйста, принесите как можно больше!

Дети сбегали в лавку и купили алюминиевой пыли. Они достали большой круглый таз и насыпали ее туда. Затем они запустили туда же Псаммиада. Песчаный Эльф тут же принялся кататься в тазу, скрестись, царапаться, чесаться, растираться, отряхиваться, обмахиваться и обдуться. Когда же он наконец почувствовал себя достаточно чистым и красивым, то молниеносно вырыл нору в песке и удалился в нее спать.

Дети спрятали таз у девочек под кроватью и отправились ужинать. Старая нянечка приготовила для них великолепный ужин, состоявший исключительно из хлеба с маслом и жареного лука. Последнее блюдо было приготовлено с самыми лучшими намерениями.

На следующее утро Антея проснулась от того, что Псаммиад, втиснувшийся между ее и джейновым плечом, принялся беззаботно щекотать ей нос своей пушистой лапой.

— Вы спасли мне жизнь, — сказал он. — Мне доподлинно известно, что это отвратительное чудовище из лавки рано или поздно облило бы меня холодной водой, и тогда мне бы пришлось умереть. Я собственными глазами видел, как он поливал из шланга морских свинок, а ведь они сидели всего лишь через две клетки от меня. Знаешь, я все еще не совсем проснулся, так что сейчас мне лучше отправиться обратно в нору и вздремнуть там пару часиков. А ты разбуди мальчишек, да и

эту засоню Джейн заодно, и скажи им, что после завтрака мне нужно будет с вами серьезно поговорить.

— А ты разве не будешь завтракать? — изумилась Антея.

— Может быть, немного попозже я и позволю себе перекусить, — ответил Псаммиад, — а сейчас единственное, что мне по-настоящему нужно, это песок. Песок заменит мне и мясо, и вино, и очаг, и кров, и жену, и детей — и даже песок.

С этими словами он соскользнул вниз по одеялу, нырнул в таз и — после нескольких секунд возни и бормотания — затих.

— Ну что ж! — сказала минутой позже Антея. — По крайней мере, теперь-то мы уж точно знаем, что у нас будут не совсем скучные каникулы. Как вовремя мы нашли Псаммиада!

— Нашли-то мы его нашли, — сказала сонная Джейн, неохотно натягивая на ногу чулок, — да только проку от него будет не больше, чем от самого обыкновенного домашнего кролика (которого вы, кстати, вчера так и не захотели мне купить). Он же теперь не может исполнять наши желания.

— Да хватит тебе ворчать попусту! — перебила ее Антея. — Если даже он вообще ничего не умеет делать, то хотя бы будет рассказывать нам про мегатериев и всякую прочую всячину.

Глава II

ПОЛОВИНКА АМУЛЕТА

Как-то раз, в незапамятные времена (а именно, прошлым летом), четверо наших приятелей обнаружили, что исполняемые для них Псаммиадам желания почему-то приводят слуг в самую настоящую ярость. Поскольку им не особенно хотелось ломать голову над причинами этого бедствия, они просто взяли да и попросили Песчаного Эльфа сделать так, чтобы их домашние вообще не замечали никаких случившихся с ними волшебных происшествий. Когда они прощались с Псаммиадам, вежливая Джейн выразила надежду когда-нибудь вновь увидеться с ним. Это было воспринято Псаммиадам весьма прямолинейно — как желание, — и в результате они снова встретились (причем, как выразился Роберт, Псаммиадам чертовски повезло, что это случилось). А раз появление Песчаного Эльфа в доме на Фицрой-стрит было результатом выполнения Джейнова желания, то, как вы уже наверняка догадались, оно и осталось совершенно незамеченным слугами. Под слугами в данном случае Псаммиад разумел старую добрую

нянечку, хотя она покинула эту стезю вот уже несколько лет тому назад и даже успела обзавестись собственным домом. Так или иначе, она ничего не заметила, и это было очень хорошо, потому что она никогда не позволила бы девочкам держать у себя под кроватью неведомых науке зверушек, да еще в тазу с алюминиевой пылью.

После того, как дети покончили с завтраком — а завтрак в тот день выдался просто замечательным, чему немало поспособствовали давно уже не виданные в этом доме горячие булочки, — Антея отправилась в спальню, выгатила из-под кровати таз с песком и разбудила Псаммиада. Псаммиаду это явно не понравилось.

— Если вы и впредь будете глотать свои завтраки, не прожевывая, — проворчал он, — то непременно кончите язвой желудка. И пяти минут не прошло, как я прилег, а ты уже тут как тут!

— На самом-то деле прошло уже больше часа, — непреклонно отвечала Антея. — Вставай, ты же обещал!

— Ну хорошо, — сказал Псаммиад, принимая сидячее положение и вытягивая во всю длину свои улиточки глазки. — Раз уж от вас все равно покою не будет, то лучше нам покончить с делом сразу. Я не буду долго ходить вокруг да около, а скажу тебе напрямик, что...

— О, пожалуйста! — взмолилась Антея. — Давай сначала спустимся к остальным. Представляешь, что они обо мне подумают, если мы с тобой станем шептаться наедине? Ну же, не будь злюкой, прыгай ко мне на руки!

Она опустилась перед тазом на колени и потянула вперед руки. Должно быть, Псаммиад еще не забыл, что эти самые миниатюрные детские ручки не далее как вчера избавили его от смертельной опасности быть окаченным холодной водой из шланга, потому что, издав еще одно недовольное ворчание, он все же соизволил покинуть свое песчаное ложе.

Антея аккуратно завернула его в передник и отправилась в гостиную. Сирил, Роберт и Джейн встретили их появление благоговейным молчанием.

Прошла добрая минута, прежде чем Антея решилась прервать его.

— Ну так что? — спросила она.

— Что это еще за подозрительное место? — сказал Псаммиад, выстреливая глаза высоко над головой и неторопливо поворачивая их вокруг своей оси.

— Гостиная, что же еще? — ответил Роберт.

— Что-то мне очень не нравится эта ваша гостиная, — сказал Псаммиад.

— Не переживай! — утешила его Антея. — Ты же знаешь, что мы в любой момент перенесем тебя, куда ты только не пожелаешь. Но к делу! Что ты порывался мне сообщить там, наверху, когда я сказала, что между нами не должно быть тайн, и попросила тебя спуститься к остальным?

Псаммиад окинул Антею столь уничижительным взглядом, что она покраснела до корней волос.

— Будет выпендриваться-то! — резко бросил он. — Всем и так давно уже известно, что ты любишь выставлять напоказ свою чест-

ность и принципиальность. Просто удивительно, как это еще твои братишки и сестренка терпят возле себя такую сверхдобродетельную особу?

— Не надо обижать Антею! — вступилась за сестру Джейн. — Она совершенно права. Так что ты собирался сказать, когда она тебя остановила?

— Ладно уж, — вздохнул Псаммиад. — Раз вам так не терпится узнать, что вы даже готовы пренебречь нормами морали, то получайте! Я собирался сказать следующее: вы спасли мне жизнь, и я, как ни крути, благодарен вам за это. Но вы должны понимать, что данное событие ничего не изменило ни в вашей, ни в моей природе. Вы, как были, так и остались глупыми, избалованными и невежественными пострелятами, а я... Я при любых обстоятельствах стою десять тысяч таких, как вы, а то и в десять раз больше!

— Так ведь никто в этом и не сомневается... — начала было Антея, но Псаммиад тут же одернул ее.

— Нет ничего хуже перебивать старших! — рявкнул он и после минуты обиженного молчания продолжал: — Так вот, я хотел сказать, что не потерплю от вас всяческих глупостей. Если вы думаете, что теперь имеете на меня какие-либо права — ну, вроде как на домашнего попугая или какого прочего бессловесного лизоблюда, — так вы серьезно заблуждаетесь. Я не собираюсь участвовать в ваших дурацких увеселениях и уж, тем более, их для вас устраивать. Понятно?

— Понятно, — сказал Сирил — Но, если ты помнишь, у нас с тобой всегда так и было.

— Что ж, тогда это решено,— облегченно выдохнул Псаммиад.— Каждый из нас должен получать то, чего он заслуживает. Я заслуживаю самого искреннего и глубочайшего почтения, а вы... Впрочем, я лучше не буду продолжать, чтобы случайно кого-нибудь не обидеть. Может быть, вам интересно узнать, как я очутился в этом грязном свинарнике, откуда вы меня так кстати выкупили? Да, да, я еще помню о вашем благородном поступке, более того, я никогда о нем не забуду! Меня еще никто не называл неблагодарным псаммиадам.

— Конечно, расскажи! — попросила Антея.— Мы не сомневаемся в том, что ты ужасно умный, но даже при всем твоим уме ты вряд ли хотя бы приблизительно представляешь, как сильно мы тебя любим и... это... почитаем! Не так ли? — добавила она, обращаясь к остальным.

Остальные не замедлили выразить свое согласие (при этом, правда, смущенно поерзав на стульях). В конце концов Роберт разрядил возникшую было атмосферу неловкости, спросив:

— Так что же с тобой случилось?

Псаммиад вальяжно развалился на зеленой скатерти стола и начал свой рассказ.

— Когда вы уехали в Лондон,— сказал он,— я зарылся в песок и заснул. Ваши идиотские желания, а особенно их непредсказуемые последствия, смертельно утомили меня. Мне казалось, что я не ложился в песок по крайней мере сто пятьдесят пять лет.

— Не ложился в песок? — переспросила Джейн.

— Ну да. Когда вы сильно хотите спать, вы ложитесь в постель. Я же ложусь в песок.

При упоминании о постели Джейн невольно зевнула.

— Хорошо! — оскорбленным тоном продолжал Псаммиад. — Мне и самому не очень-то хочется разливаться тут перед вами целый час. Короче говоря, меня поймал какой-то бродяга с ружьем. Я его, конечно же, укусил как следует, а он в ответ засунул меня в сумку, где уже имелись мертвый заяц и мертвый кролик. Потом он приволок меня в свой дом и посадил в корзинку — такую, знаете, большую плетеную сумку со множеством дыр, чтобы можно было наблюдать за всем, что происходит снаружи. При этом я укусил его еще раз. Он же привез меня в этот ваш Лондон, который, как я слышал, называют еще «современным Вавилоном» (хотя на самом деле он ни капельки не похож на тот Вавилон, который я знаю), и продал тому громиле, у которого я с вашей помощью и откупился. Да, пока они пересаживали меня в клетку, я еще по разу укусил их обоих. Ну, а у вас какие новости?

— С нами, к сожалению, ничего особенно искушательного... то есть, укусительного... тьфу, я хотел сказать, ничего интересного не происходило, — пожаловался Сирил. — Так, одни неприятности. Папа уехал в Африку воевать с японцами, а мама заболела и вместе с Ягненком отправилась на Мадейру. Господи, как я хочу, чтобы они все были живы-здоровы и поскорее вернулись домой!

По привычке Песчаный Эльф принялся было раздуваться, как в старые добрые времена, но

тут же спохватился и принял свои обычные размеры.

— Чуть не забыл, — сказал он. — Я же больше не могу исполнять ваши желания.

— Э-э-э... Но послушай! — сказал Сирил. — А что если мы позовем старую нянечку и попросим ее пожелать, чтобы мама с папой живыми и здоровыми вернулись домой? Я уверен, что она с радостью нам поможет.

— Нетушки! — ответил Псаммиад. — Заставлять других загадывать за себя желания — это все равно что желать самим. Ничего-то у вас не выйдет.

— Но вчера же вышло! Помнишь, как Антея заставила хозяина лавки пожелать, чтобы у нее вдруг стало два фунта? — спросил Роберт.

— А, этого недоумка! — ответил Песчаный Эльф. — Но вы же не просили его этого делать и, кроме того, абсолютно не ведали, что из этого выйдет. Нет уж, второй раз такая штука не сработает! У нее, как вы имеете обыкновенные выражаться, завод вышел.

— Так, значит, ты ничегошеньки не можешь для нас сделать? — расстроилась Джейн. — А я-то так на тебя надеялась! Только об этом и думала с тех пор, как мы вчера спасли тебе жизнь! Может быть, ты поможешь нам хотя бы с папочкой? Маме с Ягненком, слава Богу, русские медведи не грозят.

И она принялась безудержно всхлипывать.

— Ой, только не *это!* — испуганно встретился Псаммиад. — Прекрати немедленно — ты же знаешь, какое тяжелое впечатление производит на меня вид ваших слез. Постоянно приходится опасаться, что одна из них

попадет на меня. Ладно, послушайте меня! Вам нужно срочно раздобыть волшебный амулет.

— Проще сказать, чем сделать!

— А вот и нет! — возразил Псаммиад. — Если бы у вас хватило терпения выслушать меня до конца, то вы бы еще полчаса тому назад знали, что один из самых сильных и могущественных амулетов на свете пылится на витрине магазина, что расположен на расстоянии плевка от того вонючего зверинца, из которого вы меня вчера вызволили. Покусанный мною грубиян — я имею в виду того, что выкопал меня из песка — зашел в этот магазин осведомиться о цене некоего замысловатого музыкального инструмента по имени «концертина», и пока он доказывал продавцу, что за те деньги, которые тот с него просит, он мог бы купить десятка два этих самых концертин, я успел оглядеться по сторонам. Так вот, требуемый вам амулет лежит в витринном окне на чем-то вроде подноса. Там навалено еще много разной чепухи, но если вы сумеете купить амулет, он выполнит ваше самое заветное желание.

Сначала дети посмотрели друг на друга, а затем во все глаза уставились на Псаммиада. Затем Сирил смущенно кашлянул и, набравшись смелости, высказал то, что в ту минуту было у всех четверых на уме.

— Надеюсь, ты не воспримешь это как личное оскорбление, — сказал он, — но я хочу разъяснить все как есть. Видишь ли, когда прошлым летом ты исполнял наши желания, в итоге мы постоянно оказывались в той или иной рискованной переделке. У нас даже

сложилось впечатление, что ты получаешь от этого определенного рода удовольствие. Теперь же ты предлагаешь нам купить какой-то непонятный амулет. Знаешь, у нас ведь совсем немного денег, и если мы возьмем да и просадим их на эту штуку, которая вдруг окажется совсем не тем, о чем ты говоришь... Словом, ты понимаешь, что я имею в виду?

— Я понимаю только то, что вы по-прежнему не научились видеть дальше собственного носа, а это, смею вас заверить, совсем немного,— сердито взвился Псаммиад.— Прощлым летом я *был вынужден* исполнять ваши желания. Естественно, из этого не выходило ничего хорошего, потому что у вас не хватало ума заказать что-нибудь по-настоящему полезное, а прислушиваться к моим советам вы не желали. Что же до этого амулета, то с ним дело обстоит совсем по-другому. Никто не обязывал меня рассказывать вам о нем. Я сделал это ввиду своего природного добросердечия, а потому только от вас зависит, как он будет работать. Теперь, надеюсь, все понятно?

— Прошу тебя, не сердись! — взмолилась Антея.— Ты должен понять и нас. У нас на четверых осталось всего-то несколько шиллингов, и до самого папиного возвращения нам неоткуда больше ждать карманных денег (разве что он пошлет нам с фронта пару-другую японских рублей). Но все равно, *мы тебе верим!* — Она немного помолчала, а затем, обращаясь к остальным детям, продолжала: — А вам я бы посоветовала как следует пораскинуть мозгами! Неужели вам не кажется, что все деньги, сколько бы их там ни было на

свете, не идут ни в какое сравнение с самой ничтожной надеждой на благополучное возвращение мамы с папой? Ну же, решайтесь поскорее!

— Ладно, вы тут можете ломать себе головы сколько вам угодно,— сказал Псаммиад,— а я, пожалуй, пойду посплю. Когда до чего-нибудь договоритесь, разбудите меня.

— Нет, не уходи! — закричали дети в один голос, а Джейн добавила: — Ты разве не видишь, что мы уже обо всем договорились? О господи, куда подевалась моя шляпка? Нам нужно поторапливаться! Ты пойдешь с нами?

— Разумеется,— ответил Псаммиад.— Как же иначе вы найдете тот самый магазин?

Вскоре все четверо уже были в шляпах. Псаммиада решили посадить в плоскую плетеную сумку, которую обычно использовали в более прозаических целях,— в последний раз, например, старая нянечка принесла в ней с Фаррингдонского рынка два фунта живой камбалы. Теперь же в ней наличествовало три с половиной фунта живого Псаммиада, и детям, чтобы не надорваться, пришлось нести ее по очереди.

— Хорошо еще, что там сидит не Ягненко,— сказал Сирил.— Тот, пожалуй, будет раза в три потяжелее.

При упоминании о Ягненке девочки тоскливо вздохнули. Псаммиад то и дело приподымал крышку корзины и высовывал наружу свой бдительный улиточий глаз, после чего сквозь плетеные ивовые прутья до детей доносился его сдавленный голос, извещавший

о том, куда им следует свернуть на ближайшем перекрестке.

— Откуда ты так хорошо знаешь дорогу? — шумился Роберт.— Ума не приложу, как ты ухитрился все запомнить!

— В этом нет ничего удивительного! — резко оборвал его Псаммиад.— Просто у тебя нет того, что нужно прилагать.

В конце концов они нашли *тот самый* магазин. В его витрине и впрямь оказалось полным-полно всякой всячины. Там были концертны и шелковые носовые платки, китайские вазы и чайные чашки, голубые японские кувшины и невинного происхождения курительные трубки, сабли и пистолеты, кружевные воротнички и перчатки, серебряные ложки, связанные купами по шесть, и золотые обручальные кольца, разложенные парами по красным лакированным коробочкам (естественно, не обошлось и без офицерских эполетов с хирургическими ланцетами). Еще там были украшенные слоновой костью и легкомысленными медными завитушками индийские коробочки с соответствующим чаем, а также наполненные диковинного вида заграничными монетами отечественные блюда. Пожалуй, следует отдельно упомянуть одну поистине замечательную картину, на которой ненавязчиво присутствовала крохотная девочка, купавшая едва различимую даже для нее собачку,— эта картина заинтересовала Джейн чуть ли не больше, чем все вышеперечисленное. В самом центре витрины разлегался огромной величины серебряный (и давно не чищенный) поднос, на котором были кучей навалены перламутровые

игральные фишки, старые печатки, облезлые поясные пряжки, табакерки и прочая ерунда, которую не имело смысла выставлять отдельно.

Когда Сирил, вполголоса перечислявший для Псаммиада все эти предметы, дошел до «большой плоской тарелки со всякой швалью», Песчаный Эльф быстро высунул из корзины голову и взглянул на витрину. Некоторое время его улиточки глазки неторопливо оглядывали серебряный поднос, а потом, как видно, нащупав нечто экстраординарное, вдруг задрожали и вытянулись настолько сильно, что стали похожи на длинные и тонкие свинцовые карандаши. Шерсть у него на загривке встала дыбом, а когда он наконец обрел дар речи, дети заметили, что его голос заметно осел от волнения.

— Вот он! Вот он! — кричал Псаммиад. — Видите, вон там, из-под желто-голубой пряжки, высовывается такая красная штукovina? Так вот, это и есть амулет! Ну что, теперь видите?

— А, ты имеешь в виду вон ту красную сургучную подкову? — осведомился Сирил.

— Вот именно! — ответил Псаммиад. — Как бы ты его не называл, это самый настоящий волшебный амулет. Теперь вам следует действовать по уже проверенной схеме. Заходите в магазин и спрашивайте цену различных безделушек. Начните с тех сломанных пряжек — тогда продавцу придется достать поднос с витрины. Знаешь что? — Неожиданно он повернулся к Антее. — Я думаю, лучше всего тебе пойти одной. А мы подождем тебя здесь.

Так что остальным ничего не оставалось, как расплющить носы о витринное стекло и

бесшумно наблюдать за тем, что станет с амулетом. Вскоре зеленые шторы, отделявшие витрину от внутреннего помещения магазина, раздвинулись, и в поле зрения троих детей и Псаммиада появилась пухлая, грязная и довольно косматая рука с одетым в огромных размеров бриллиантовое кольцо безымянным пальцем. Рука небрежно подхватила серебряный поднос и скрылась за шторами. Естественно, с улицы не было видно, что происходило во время разговора между Антеей и продавцом, но детям показалось, что прошло достаточно времени для того, чтобы их сестра могла скупить (будь у нее на то деньги) весь магазин плюс бриллиантовое кольцо своего собеседника и прилегающий к нему безымянный палец. Наконец она появилась в дверном проеме. На лице у нее сияла счастливая (и немного глуповатая) улыбка, а в руках наличествовал отливающий красным амулет.

Амулет выглядел так:

Он был вырезан из какого-то красноватого, гладкого, переливчатого и явно страшно древнего камня.

— Купила! — прошептала Антея, на секунду приоткрывая ладонь, чтобы остальные могли взглянуть на него, не привлекая внимания прохожих. — Давайте пойдем домой! Не можем же мы стоять посреди улицы и до самого вечера паяльаться на амулет.

И они отправились домой.

Следует заметить, что гостиная на Фидрой-стрит никак не располагала к разного рода удивительным происшествиям. Другое дело деревня. Там, посреди цветочных кустов и зеленых лужаек, казалось возможным любое волшебство — и не только казалось, но и случилось. А кто же поверит в то, что какое-либо необычайное событие может произойти в доме, расположенном по соседству с Тоттенхем-Корт-роуд? Однако, что ни говори, а Псаммиад-то был именно там, и это само по себе уже было в высшей степени необычайно. А ведь кроме того он еще и умел говорить и находить в обыкновенных антикварных магазинах волшебные амулеты, делающие их обладателей безмерно счастливыми. Так что четверо наших знакомцев из всех сил поспешали домой — они размашисто шагали по улицам, выставив вперед подбородки и решительно поджав губы. Они неслись с такой скоростью, что Псаммиада немилосердно кидало и подбрасывало в его провонявшей камбалой сумке. При других обстоятельствах он бы сказал детям очень многое, но сейчас, опасаясь привлечь внимание праздношатающейся публики, предпочитал помалкивать.

Домой дети добрались чрезмерно разгоряченными. Ввалившись в гостиную, они поскидывали с себя шляпы и, отдуваясь, водрузили корзину с Псаммиадом на стол.

— Ну же, скорее! — приплясывал от нетерпения Сирил.

Но Псаммиад заявил, что если ему сейчас же не принесут тазик с песком, он непременно упадет в обморок, и Антее пришлось срочно бежать в спальню. Вволю покувыркавшись в песке и явно почувствовав себя лучше, Псаммиад произнес:

— Ну что же! Дайте мне взглянуть на него!

Антея осторожно положила красную подкову на покрывавшую стол зеленую скатерть. Псаммиад вытянул по направлению к ней (подкове, конечно, не скатерти) свои улиточки глаза, а потом укоризненно уставил их на Антею.

— Здесь только половинка амулета! — сказал он.

Это прозвучало как разрыв русского снаряда над головой бедного папочки.

— Но там больше ничего не было... — растерянно прошептала Антея, всем своим видом пытаясь уверить окружающих, что она была тут ни при чем.

— Должен быть еще один точно такой же кусок, — продолжал Псаммиад, — и нечто вроде застежки, соединяющей обе половинки.

— А, может быть, и половинка сойдет? — А что, одна эта штука не будет работать? — Я отдала за нее семь с половиной шиллингов! — Ой, ужас-то, ужас-то какой! — Да замолчите же вы, маленькие противные недоумки! —

закричали все разом (и в том числе Псаммиад), перебивая друг друга.

На несколько минут в гостиной воцарилась гнетущая тишина. Затем Сирил сказал:

— Что же нам теперь делать?

— Отправляйтесь обратно в магазин и посмотрите, нет ли у них другой половинки,— ответил Псаммиад.— А я до вашего возвращения, пожалуй, подремлю в песке. Да не горюйте вы! Даже с одной половинкой можно много чего добиться, но только целый амулет может исполнить ваше самое заветное желание.

Так что Сирил отправился в магазин, Псаммиад зарылся в песок, а оставшиеся трое уселись за стол, где уже давным-давно простывал приготовленный старой (и, ввиду отсутствия Сирила, очень недоброй) нянечкой обед.

Когда у подъезда дома по Фицрой-стрит наконец появился Сирил, вся троица уже изнывала от нетерпения у окна гостиной. Однако, не успев еще толком разглядеть выражения его лица, дети поняли — по безвольному наклону плеч, некой особой обвислости бровей и недвольной шаркающей походке, — что его походок окончился полнейшей неудачей.

— Ну что? Ну как? — обрушились они на него с вопросами, едва он переступил порог парадного.

— Да ничего! — ответил Сирил. — Продавец сказал, что продал нам вещь в идеальном состоянии и что это никакой не амулет, а женский медальон времен то ли поздних Августов, то ли ранних Сентябрей. Еще он сказал, что дестям вообще не следует покупать старинные медальоны, особенно если они ничего не смыслят в этой... архео... археопаталогии, и что сделка есть сделка, и что он не собирается нарушать законы бизнеса и вправе ожидать того же самого от покупателей... Словом, он вел себя как самый настоящий пижон. А теперь я хочу получить наконец свой обед, и баста!

Не требовалось большого труда догадаться, что Сирил был не в духе.

После провала сириловой миссии вероятность того, что в гостиной дома по Фицрой-стрит могут произойти какие-либо необычайные события, снизилась до нуля, и осознание этого тяжким грузом легло на плечи детей. Сирил мрачно поглощал свой обед, и в тот самый момент, как он запикивал в рот последний кусок яблочного пудинга, кто-то тихонько, но очень отчетливо поскребся в дверь

гостиной. Антея пошла открывать и вскоре вернулась с Псаммиадом.

— Что ж,— сказал Псаммиад, выслушав неутешительные новости,— могло быть и хуже. Вам придется приготовиться к тому, что у вас впереди будет немало приключений, прежде чем вы найдете недостающую половинку амулета. Если, конечно, вы собираетесь ее искать.

— Конечно, собираемся! — последовал единодушный ответ.— А против приключений мы ни капельки не возражаем.

— Да, конечно,— сказал Псаммиад.— Я чуть было не забыл, что приключения вам чуть ли не дороже собственных родителей. Ну хорошо, присаживайтесь и наострите уши! Сколько их там у вас? Восемь, говорите? Верно. Я очень рад, что вы хотя бы считать умеете. А теперь слушайте меня очень внимательно, потому что я не собираюсь растолковывать вам все по двадцать раз на дню.

Когда дети рассаживались полукругом на полу (что было гораздо удобнее, чем сидеть на скрипучих стульях, и гораздо вежливее по отношению к низкорослому Псаммиаду, в данный момент любовно поправлявшему на каминном коврике свои пушистые бачки), Антея вдруг почувствовала, как ледяная рука отчаяния сжала ей сердце. Господи, подумала она, где-то теперь, в какой неизведанной дали обретаются папа, мама и Ягненок? Но в следующий момент на нее накатила теплая волна благодарности. Слава Богу, у них были Псаммиад, половинка амулета и заманчивая перспектива обещанных Песчаным Эльфом приключений. (Кстати, ваше сердце когда-нибудь

сжимала ледяная рука отчаяния? Если нет, то и да вас самым искренним образом рада. Не дай нам Бог узнать, что это такое).

— Итак,— бодрым тоном начал Псаммиад,— мы уже с вами договорились, что вы не особенно добродетельны, не слишком умны и откровенно некрасивы. Однако, несмотря на все вышесказанное, вы спасли мне жизнь (я до сих пор содрогаюсь, стоит мне вспомнить это косолапое чудовище с его пожарным шлангом!), и я вам за это благодарен. А потому я расскажу вам все, что знаю. Впрочем, всего, что я знаю, мне вам и за сто лет не рассказать, но об этой красной штуковине вы получите исчерпывающие сведения.

— О, пожалуйста, расскажи нам про нее! — завопили дети в четыре глотки.

— Слушайте же! — продолжал Псаммиад.— Эта штуковина является половинкой невероятно волшебного амулета, с помощью которого можно проделывать огромное количество всяческих чудес,— скажем, выращивать на камнях пшеницу, поворачивать сибирские реки вспять, обращать их воду в водку и многое, многое другое, вплоть до появления на свет прекрасных малюток обоего пола. (Я, конечно, не могу согласиться с тем, что появляющиеся на свет малютки прекрасны — скорее уж они красны, а иногда иссиня-черны,— но так поголовно утверждают их счастливые мамы, а когда так много людей начинают во что-нибудь верить, это «что-нибудь» неминуемо становится правдой).

Сирил зевнул. Псаммиад поспешил продолжить.

— В полном виде амулет способен избавлять человека от вещей, которые делают его жизнь несчастной — я имею в виду лень, зависть, злобу, гордыню, сварливость, жадность и самовлюбленность. Во времена, когда был изготовлен амулет, люди называли эти вещи злыми духами. Ну что, хотели бы вы иметь такого защитника?

— Непременно! — согласились дети (впрочем, без особого энтузиазма).

— Еще он может наделить вас силой и храбростью, — добавил Псаммиад.

— Вот это уже лучше! — вставил Сирил.

— Мудростью!

— Здорово! — откликнулась Антея.

— Целомудрием!

— Пожалуй, я не против, — сказала Джейн, не совсем понимая, о чем идет речь.

— И, конечно же, он может исполнить ваше самое заветное желание.

— Ну наконец-то ты заговорил о деле! — сказал Роберт.

— Из нас двоих как раз я постоянно и говорю о деле, — язвительно парировал Псаммиад, — а потому от тебя гораздо больше пользы, когда ты молчишь!

— Ладно, Бог с ней, с силой! Я думаю, нам вполне будет достаточно, если он исполнит наше заветное желание, — сказал Сирил.

— Да, но все эти вещи может делать только целый амулет, — перебила его Антея, а затем обратилась к Псаммиаду: — Но ведь ты говорил, что и наша половинка тоже кое на что способна. На что именно?

Псаммиад кивнул.

— Да,— сказал он.— Ваша половинка надежна властью перенести вас в любое место на этой земле, где вам только вздумается искать ее утраченную пару.

Минуту-другую все были заняты изъявлениями восторга по поводу удачного разрешения дела, а потом Роберт спросил:

— А она знает, где нам искать эту ее пару? Псаммиад отрицательно покачал головой:

— Скорее всего, нет.

— А как насчет тебя?

— Я-то уж точно не в курсе.

— Тогда это все равно что искать иголку в стогу сена! — в отчаянии воскликнул Роберт.— Да что там в стогу — в целом океане сена!

— А вот и нет! — быстро возразил Псаммиад.— Как всегда, вы поспешили с выводами и, как всегда, дали маху. Вы решили, что знаете все на свете, а сами блуждаете меж трех сосен. Ладно, я продолжаю. Прежде всего вам нужно заставить амулет заговорить.

— А он разве умеет? — спросила Джейн.

Вопрос Джейн носил скорее риторический характер, потому что, несмотря на уже описанную выше прозаичность гостиной дома по Фицрой-стрит, дети почувствовали, как вокруг них, подобно золотому туману, сгущается атмосфера тайны и волшебства.

— Конечно, умеет! А вы, кстати, умеете читать?

— *O ga!* — ответили оскорбленные в лучших чувствах дети.

— Стало быть, вам всего-то лишь нужно прочитать имя, написанное на вашей половинке амулета, и дело с концом. Стоит вам произнести

это имя вслух, как амулет обретет способность делать... э-э-э... различные волшебные вещи.

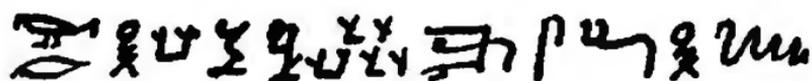
В гостиной снова воцарилось молчание. Амулет с почтением передавался из рук в руки.

— Так ведь на нем ничего не написано, — сказал наконец Сирил.

— Чепуха! — возразил Псаммиад. — А это, по-твоему, что такое?

— Ах, это! — изумился Сирил. — Но это же никакое не имя. Это просто птички, змейки и всякие прочие зверушки.

На самом деле вот что было изображено на талисмане:

— Нет, у меня на вас никакого терпения не хватит! — разозлился Псаммиад. — Если вы сами не можете прочесть, так найдите кого-нибудь, кто может! У вас есть на примете какой-нибудь ученый жрец?

— Не знаем мы никаких жрецов! — сказала Антея. — Есть у нас один знакомый викарий (викариев, кажется, иногда называют жрецами в Писании), но он знает только латынь, греческий и древнееврейский. А всяческих там птичек и змеек он явно толковать не умеет.

Псаммиад яростно топнул своей мохнатой лапой.

— О, лучше бы мне вас вообще никогда не встречать! — возопил он. — Ну скажите на милость, чем вы отличаетесь от каменных истуканов с острова Пасхи? Скажу вам по правде, почти ничем. Неужели во всем этом вашем

современном Вавилоне не найдется ни одного знающего мудреца, который был бы способен читать имена Великих?

— Почему же? — обиженно возразила Антея. — Вот, например, у нас наверху живет один бедный ученый джентльмен. Однажды мы тихонько заглянули в его комнату, так она битком набита этими самыми каменными истуканами, да и железными тоже. Старая нянечка говорит, что бедняга ест столько, что и поробышку не хватило бы, а все деньги проматывает на всякие камни и бумажные салфетки, которые называются «папиросами»... то есть, «папирусами».

— Вот и сходите к нему, — сказал Псаммиад. — Только соблюдайте предельную осторожность! Если он знает более древнее имя, чем то, что написано на амулете, и использует его против вас, амулет превратится в ничего не стоящую безделушку. Так что вы сначала должны связать его узами честного слова или даже заставить поклясться на крови, что он не будет мошенничать, а уж потом показывайте ему амулет. А теперь, прошу вас, отнесите меня наверх, в мою песчаную нору, и ступайте к вашему ученому жрецу. Я попросту умру, если мне не предоставят нескольких минут тишины и покоя!

Через несколько минут четверо наших приятелей, поспешно вымыв руки и причесавшись (это, слава Богу, Антея догадалась), уже стояли перед дверью «бедного ученого джентльмена», собираясь с силами перед тем, как «связать его узами честного слова или даже заставить поклясться на крови».

Глава III

ПРОШЛОЕ

Обед ученого джентльмена без толку засыхал на столе. На сей раз это была горка рубленой баранины, возвышавшаяся посреди застывшей подливки наподобие одинокого острова в центре затянутого льдом озера. Вы, конечно же, согласитесь, что на свете нет ничего отвратительнее с виду, чем застывшая, белая от жира подливка, и вполне разделите чувства, охватившие детей после того, как, постучав три раза и не получив никакого ответа, они повернули ручку, осторожно приоткрыли дверь и чуть было не уткнулись носами в эту самую окаменевшую жировую горку. Тарелка с бараниной стояла на ближнем к ним конце огромного стола, что тянулся вдоль одной из стен комнаты. Кроме нее, на столе имелись всевозможные статуэтки, чудного вида камушки и толстенные ученые книги. Над столом были навешены просторные полки, уставленные красивыми стеклянными колпачками, в которых можно было разглядеть какие-то непонятные и немного жутковатые предметы. А в общем и целом колпачки не

очень-то отличались от тех, что можно встретить в любой ювелирной лавке.

«Бедный ученый джентльмен» сидел за небольшим столиком у окна и был всецело погружен в изучение какой-то чрезвычайно крохотной вещицы, которую держал перед собой при помощи маленького блестящего пинцета. В правом глазу у него имелась мощная лупа, и это напомнило детям, с одной стороны, о часовой лавке, с другой — о длинных улиточьих глазках Псаммиада.

Джентльмен был невероятно худым и невероятно долговязым — во всяком случае, его необычайно длинные и худые ноги никак не хотели уместиться под столом и то и дело поровили вылезти в окно. Он был настолько занят своей работой, что не услышал, как открылась дверь. Некоторое время дети постояли в нерешительности, а затем Роберт решил-таки притворить дверь. Когда взору детей предстал ранее скрытый дверью участок стены, у них на мгновение перехватило дух — там, за дверью, стоял самый что ни на есть настоящий (и очень-очень большой) футляр для мумии! Он был раскрашен в красный, желтый, зеленый и черный цвета, а на его лице явственно прочитывалось весьма недоброе выражение.

Вы, конечно же, знаете, что такое футляр для мумии? Если нет, то я советую вам немедленно отложить книжку в сторону и отправиться в Британский музей, где этих футляров видимо-невидимо. Хотя, с другой стороны, для нас сейчас не важно, знаете вы это или нет. Важно то, что футляр для мумии — это

самая последняя вещь, которую человек ожидает повстречать на верхнем этаже обыкновенного дома в Блумсбери, особенно если этот футляр к тому же еще и смотрит на вас с таким выражением, будто хочет сказать, что вам тут абсолютно нечего делать.

Так что наши приятели не могли удержаться от того, чтобы не завопить «Ой-ей-ей!» и не попытаться назад, отчаянно грохоча башмаками.

Ученый джентльмен вынул лупу из глаза и сказал:

— Простите?..

Он говорил очень мягким, вежливым голосом, который безошибочно выдавал в нем бывшего оксфордского студента.

— Это мы должны просить прощения,— не менее вежливо ответил Сирил.— Извините, что мы вас побеспокоили..

— Заходите! — радушно приветствовал их ученый джентльмен, подымаясь со стула (с кошачьей грацией, как позднее выразилась Антея).— Я всегда рад видеть вас у себя. Не желаете ли присесть? Нет, только не сюда. Позвольте мне сначала убрать эти папирусы.

Он очистил от бумаг один из стульев и приглашающе взглянул на детей сквозь толстые круглые стекла очков.

— Он обращается с нами, как со взрослыми,— прошептал Роберт.— Правда, при этом он, кажется, до сих пор не понял, сколько нас в этой комнате.

— Тсс! — одернула его Антея.— Шептаться в гостях — ужасно неприлично! Давай, Сирил, начинай!

— Еще раз извините, что мы вас побеспо-

коили,— самым вежливым тоном, на какой он только был способен, начал Сирил,— но мы стучали три раза, а раз вы не сказали ни «Войдите!», ни «Убирайтесь!», ни «Я сейчас занят!», ни «Зайдите в другой раз!», как это обычно бывает, когда люди стучат в дверь, то мы и решили посмотреть, все ли с вами в порядке. Мы знали, что вы дома. Вы, видите ли, три раза чихнули, пока мы ждали за дверью.

— Никаких извинений! — сказал ученый джентльмен.— Присаживайтесь, прошу вас!

— До него наконец дошло, что нас четверо,— заметил Роберт, когда джентльмен принялся наводить порядок еще на трех стульях. Ему пришлось немало повозиться, снимая с сидений разнообразные ученые предметы и аккуратно раскладывая их на полу. На первом стуле были сложены небольшие кирпичики, выглядевшие так, словно по ним, когда они еще не успели засохнуть, прогулялась какая-то крохотная птичка. Правда, следы были какие-то уж чересчур ровные. На втором лежали неведомые круглые штуковины, напоминавшие очень крупные, продолговатые, белые бусы. А на третьем громоздилась кипа очень пыльных бумаг.

Когда операция по расчистке стульев была завершена, дети расселись каждый на свое место.

— Нам известно,— продолжал Сирил,— что вы очень и очень ученый джентльмен. Мы пришли к вам посоветоваться. Дело в том, что у нас имеется некий амулет, а на амулете написано некое имя. Мы бы хотели, чтобы вы

прочли нам его, потому что оно написано ни на одном из известных нам языков, включая латынь, греческий и древнееврейский.

— Хорошее знание хотя бы этих трех языков уже является прочным фундаментом для последующего образования,— вежливо ответил ученый джентльмен.

— Э-э-э, видите ли...— сказал покрасневший до ушей Сирил.— На самом деле, мы только можем отличать эти языки друг от друга, не более того... За исключением, конечно, латыни,— спохватился он.— Лично я, например, с удовольствием читаю Цезаря.

Ученый джентльмен снял очки, провел рукой по лицу и захохотал. Сирилу показалось, что смеялся он немного трескуче, как если бы это занятие было ему непривычно.

— Ну, конечно же!— сказал, отсмеявшись, ученый джентльмен.— Прошу вас извинить меня. Я, кажется, грезил наяву и подумал о вас Бог весть что. Вы ведь те самые дети, что живут на первом этаже, правда? Ну конечно, правда! Я же несколько раз видел вас, проходя через холл. Так вы говорите, что нашли какую-то вещь, которая представляется вам очень древней, и решили показать ее мне? Это очень любезно с вашей стороны. Я с удовольствием взгляну на нее.

— Должна вам сказать, что мы меньше всего думали о том, будете вы ее исследовать или нет,— сказала правдивая Антея.— Мы пришли к вам только потому, что нам нужно узнать написанное на ней имя...

— И вот еще что!— перебил ее Роберт.— Пожалуйста, не подумайте о нас плохо, но

перед тем, как показать вам амулет, мы должны связать вас... э-э-э, как это там?

— Узами честного слова или даже заставить поклясться на крови,— закончила за него Антея.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю...— сказал джентльмен, выказывая признаки легкой нервозности.

— Позвольте мне все объяснить вам,— сказал Сирил.— У нас на руках имеется половинка волшебного амулета. А Псаммии... то есть, один наш приятель сказал нам, что даже половинка амулета может творить чудеса, только нужно научиться произносить выцарапанное на нем имя. Но если вы знаете более древнее имя и скажете его вслух, то вся волшебная сила нашего амулета пропадет. Поэтому мы хотим, чтобы вы дали нам самое что ни на есть джентльменское слово чести, что не будете произносить вслух никаких имен, кроме того, что стоит на нашем амулете. Правда, теперь, когда мы познакомились поближе, я вижу, что в этом нет никакой необходимости, но я пообещал просить вас об этом и сдержу свое обещание. Итак, готовы ли вы дать джентльменское слово чести, что не будете называть более древних имен, чем наше?

Ученый джентльмен снова водрузил на нос очки и секунду-другую пристально рассматривал сквозь них Сирила. Затем он сказал:

— Господи Боже мой! И кто только вам наговорил всей этой чепухи?

— Я не могу вам сказать этого,— ответил Сирил.— Извините, но, честное слово, не могу.

По-видимому, в эту минуту ученого джентльмена посетили туманные, полузабытые образы собственного детства, потому что он снова взглянул на Сирила и улыбнулся.

— Понимаю,— сказал он.— Вы, очевидно, придумали себе какую-то завлекательную игру. Ну конечно же! Хорошо, я торжественно обещаю вам не произносить вслух никаких древних имен. И все-таки интересно, откуда вы могли узнать об именах силы?

— Этого мы вам тоже не можем сказать,— продолжал упорствовать Сирил. Антея же встала со стула и подошла к ученому джентльмену:

— Вот наш амулет,— сказала она, раскрывая ладонь.

Скорее из вежливости, чем из интереса, джентльмен взял красную подковку и поднес ее к свету. Однако при первом же взгляде на нее он вдруг напрягся, как чистопородный пойнтер, заведший в лесу куропатку.

— Прошу прощения,— сказал он изменившимся голосом и направился вместе с амулетом к окну.

Он разглядывал амулет сначала сквозь очки, потом через лупу. Он вертел его так и этак, то отстраняя от себя на расстояние вытянутой руки, то чуть ли не зарываясь в него носом. Все это время дети хранили молчание — лишь Роберт нетерпеливо шаркал ногами, да и то только до тех пор, пока Антея не пихнула его как следует в бок.

Наконец джентльмен глубоко вздохнул и повернулся к своим гостям.

— Где вы нашли эту вещь? — спросил он.

H. R. MILLER . 25.

— Вовсе мы ее не нашли, а купили в магазине. Магазин называется «Яков Абсалом». Это неподалеку от Чаринг-Кросс,— объяснил Сирил.

— Мы отдали за нее семь с половиной шиллингов,— добавила Джейн.

— Насколько я понимаю, она не продается? Вы не хотите продать ее кому-нибудь? Должен вас предупредить, что это очень ценный экземпляр— я бы даже сказал, необычайно ценный.

— О, да,— сказал Сирил.— Нам это известно. А потому, естественно, мы бы не хотели с ним расставаться.

— В таком случае,— взволнованно заговорил джентльмен,— храните его хорошенько! Но если вы вдруг все-таки захотите расстаться с ним, то не могли бы вы предоставить мне право первого выбора?

— В смысле?

— Я имею в виду, что если вы когда-нибудь захотите продать его, то я хочу быть первым покупателем.

— А, понятно! — сказал Сирил.— Но только мы не собираемся его продавать. Он нам нужен для всяких колдовских дел.

— Что ж, вы можете забавляться им, как хотите,— вздохнул ученый джентльмен.— Боюсь только, что времена магии и колдовства уже давно и безвозвратно миновали.

— Вовсе они не миновали! — горячо заверила его Антея.— Вы бы сами в этом убедились, если бы узнали о наших летних каникулах. Да вот беда, я не имею права ни словечка вам про это сказать. Но все равно, спасибо

вам за помощь. Так вы прочитали имя на амулете?

— Да, прочитал.

— А вы скажете его нам?

— Конечно,— ответил джентльмен.— Запоминайте хорошенько: *Ур-Гекау-Сетчех*.

— *Ур-Гекау-Сетчех*,— благоговейно повторил Сирил.— Огромное вам спасибо. Надеюсь, мы не отняли у вас слишком много времени.

— Ни в коем случае,— сказал ученый джентльмен.— Позвольте мне на прощание еще раз попросить вас обращаться с этой бесценной вещью со всей возможной осторожностью.

Дети принялись на все лады изъявлять свою благодарность, а когда их невеликий благодарственный лексикон был исчерпан, повалили из комнаты на лестничную площадку, а оттуда — к себе на первый этаж. Антея шла последней. Не успели дети спуститься и на один пролет, как она вдруг развернулась и побежала обратно.

Дверь в комнату все еще была открыта. Ученый джентльмен и футляр для мумии стояли лицом к лицу и смотрели друг на друга влюбленными глазами. У Антеи почему-то сложилось впечатление, что они стояли таким образом уже несколько столетий.

Когда Антея дотронулась рукой до локтя джентльмена, тот вздрогнул и посмотрел на нее невидящим взглядом.

— Прошу вас, не сердитесь на меня за то, что я лезу не в свое дело,— сказала она,— но вы только посмотрите, что стало с вашей бараниной! Не кажется ли вам, что ее все-таки

лучше съесть? Мой папа тоже иногда забывает пообедать, особенно когда пишет какую-нибудь важную статью в газету,— так мама мне говорит, что когда ее нет дома, я должна напоминать ему о еде. Видите ли, если человек питается нерегулярно, то рано или поздно он заработает себе язву желудка. Вот я и подумала, что, может быть, вы не станете возражать, если я буду и вам напоминать о еде — тем более что кроме меня желающих напоминать вам о еде что-то не видно.

При этих словах она подозрительно взглянула на футляр для мумии. Но у футляра был такой надменный вид, что ей сразу же стало ясно, что он скорее рассыплется в прах, нежели снизойдет до напоминания людям о еде.

Некоторое время ученый джентльмен молча смотрел на Антею, а затем вздохнул и произнес:

— Спасибо тебе, милая. Ты очень заботливая девочка. И ты совершенно права — никто и никогда еще не беспокоился о том, съел я свой обед или нет.

Он снова вздохнул и посмотрел на застывшую баранину.

— Что, не нравится? — строго спросила Антея. — То-то же! В следующий раз не доводите свой обед до такого состояния.

— Ты снова права, — согласился ученый джентльмен. — Ладно, съем-ка я его прямо сейчас, пока не забыл!

И все время, пока он пережевывал застывшую баранью отбивную, он беспрестанно вздыхал — то ли потому, что баранина на вкус оказалась такой же отвратительной, что и на

вид, то ли оттого, что дети не захотели продавать ему амулет. А, может быть, он просто впервые по-настоящему осознал, что прошло уже много-много лет с тех пор, когда его в последний раз заставляли вовремя съесть свой обед.

После того, как Антея присоединилась к остальным детям, они разбудили Псаммиада, и он скрупулезно объяснил им, как пользоваться именем силы, чтобы заставить амулет говорить. Сразу же оговорюсь, что не собираюсь повторять вам все то, что он сказал, не то вы наверняка попытаетесь сделать что-нибудь подобное. Результаты этой попытки могут быть самыми катастрофическими, потому что, во-первых, у вас есть всего лишь один шанс из миллиарда, что вы когда-либо завладеете волшебным амулетом, а во-вторых, даже если вы и впрямь наткнетесь на него в какой-нибудь антикварной лавке, вы никогда не сможете найти джентльмена, достаточно ученого и любезного для того, чтобы он прочитал вам выгравированное на нем слово.

Дети с Псаммиадом сидели кружком на полу девичьей спальни — они не решились экспериментировать в гостиной, потому что туда в любой момент могла заявиться старая нянечка, которой уже пора было накрывать стол к чаю. Так что они уселись на ковре между кроватями, а в центр круга положили амулет.

На улице ослепительно светило солнце, и потому в комнате было очень светло. Сквозь открытое окно до них долетали свойственные

огромному городу в любое время дня и ночи звуки — шум толпы, грохот экипажей и беспрестанные звонки трамваев, перекрываемые заунывными выкриками молочника, приближавшегося с нижнего конца улицы.

Когда все были готовы, Псаммиад подал знак Антее, и та произнесла слово силы.

В то же самое мгновение на детей словно бы набросили черное покрывало — дневной свет померк, и комната погрузилась в кромешную темноту. И не только комната. Каким-то посьмым чувством дети ощущали, что весь известный им до сегодняшнего дня мир был окутан беспросветным мраком. Вместе со светом исчезли и все звуки, так что дети были окружены настолько плотной тишиной, что вы не сможете представить ее себе, даже если будете целый год пыжиться да пучиться. Это было все равно что внезапно ослепнуть и оглохнуть, а потом еще для полноты ощущений быть выброшенным в космический вакуум.

Однако, прежде чем дети успели настолько оправиться от внезапного шока, чтобы начать бояться, в середине круга показалось слабое, но невероятно красивое свечение, и одновременно в ушах у них зазвучал слабый, но невероятно красивый голос. Свет был слишком нематериален, чтобы можно было разглядеть окружающую обстановку или хотя бы определить его источник, а голос — слишком далек и невнятен, но детям было приятно посреди этого внезапного угольно-черного безмолвия просто увидеть свет и услышать чей-то голос.

Постепенно свет разгорался все сильнее и сильнее. Он напоминал горящие в ночи зеленоватые фонарики влюбленных светлячков, тысячами кружащих по лесной поляне и подающих знаки своим крылатым подругам. Вскоре число светлячков возросло по крайней мере до нескольких миллионов, и в центре образованного детьми круга заплясало буйное изумрудное пламя. Голос приблизился тоже, и хотя он не слишком прибавил в громкости (хотя и это было), он стал в тысячу раз красивее. Таким чудесным стал этот голос, что, слушая его, детям хотелось заплакать и позабыть обо всем на свете. Он был как полуночная песнь соловья, как шум морского прибоя или рыдания скрипки. Он был похож на голос мамы, встречающей вас на пороге родного дома после долгих странствий.

И в голосе было:

— Говорите! Что вы хотите узнать? Говорите!

Я не могу вам сказать, на каком языке говорил амулет. Знаю только, что все присутствовавшие в комнате отлично понимали его. Вообще-то, я давно подозреваю, что на свете существует такой язык, который понимают все живые — от человека до полевой былинки, — да только никто и никогда не пытался прислушаться к нему. Точно так же я не могу сказать, каким образом безротый амулет вообще мог говорить. С другой стороны, у меня нет никаких оснований утверждать, что за амулет говорил кто-то другой. Даже наши четверо приятелей не до конца разобрались во всех этих тонкостях, а ведь они-то непосредственно присутствовали при разговоре. Прав-

да, все это время они вынуждены были отводить глаза от амулета, потому что он стал светить чересчур уж ярко. Вместо этого они рассматривали бледно-зеленые узоры потертого киддерминстерского ковра, выступившие по краю залитого светом круга. И, что самое странное, они вели себя на редкость спокойно — не лезли, как обычно, с дурацкими вопросами и даже не шаркали ногами. Дело в том, что все происходившее ничуть не напоминало им прошлогодние приключения с исполнением желаний. Тогда они по большей части откровенно забавлялись, теперь же все было по-другому. Им показалось, что они вдруг попали в церковь или, по крайней мере, в одну из сказок «Тысячи и одной ночи». Никто не осмеливался проронить ни слова.

Наконец Сирил набрался смелости и сказал:

— Извините, но нам бы хотелось узнать, где находится другая половинка амулета.

— Вторая половинка амулета,— начал прекрасный голос,— отломилась и затерялась в пыли у подножия ковчега, в котором она хранилась много тысячелетий тому назад. К настоящему времени и она, и скрепляющая обе половинки застежка уже сами обратились в пыль и были рассеяны над многими землями и водами.

— Ну ничего себе! — пробормотал Роберт, после чего внутри светового пятна воцарилось мертвое молчание.

— Значит, все кончено,— наконец произнес Сирил.— Бесплезно искать то, что уже несколько тысячелетий, как рассыпалось в прах и было развеяно по всему свету.

— Если вы действительно хотите заполучить мою половинку,— продолжал голос,— то вам следует искать ее там, где она еще не успела потеряться.

— Ничего не понимаю,— сказал Сирил.

— Вам нужно искать ее *в прошлом*, — пояснил голос.

— Ага! — скривил рот Сирил. — А еще лучше на Луне!

— О Господи, нельзя же быть таким тупым! — сердито зашептал ему на ухо Псаммиад. — Пойми же, в прошлом амулет по-прежнему цел и невредим. Если вы отправитесь в прошлое, то вполне можете найти его там. Почему я должен постоянно объяснять вам самые простые вещи? Видишь ли, пространство и время являются не более чем абстрактными понятиями, используемыми нашим мозгом...

— Понимаю,— сказал Сирил.

— Ничего ты не понимаешь! — оборвал его Псаммиад. — Хотя, с другой стороны, от тебя этого и не требуется. Так вот, я всего лишь хотел сказать, что если бы вы могли правильно пользоваться своими мозгами (что абсолютно невероятно), пространство и время были бы подвластны вам, как ручные мыши. Вы бы, например, могли видеть все, что происходило в данном месте во все времена и... э-э-э... наоборот. Но раз вы не умеете правильно пользоваться своими мозгами, то вам следует обратиться за помощью к амулету. Ну что, теперь понятно?

— Извини, пожалуйста, но ты только все окончательно запутал,— сказала Антея. — Я, наверное, очень глупая, но...

— Хорошо хоть, что ты это понимаешь,— удовлетворенно кивнул Псаммиад.— Так вот, потерянная половинка амулета находится в прошлом. Значит, в прошлом ее и нужно искать. Сам я не могу говорить с амулетом, так что спрашивайте его обо всем сами. Ну, что же вы молчите? Вперед!

— Где мы можем найти потерянную половинку амулета? — послушно спросил Сирил.

— В прошлом,— ответил голос.

— Где именно в прошлом?

— Я не имею права говорить об этом. Но вы можете выбрать любое время, и я перенесу вас в то место, где она тогда находилась. А потом вы уж сами будете искать ее.

— А когда вы видели ее в последний раз? — поинтересовалась Антея.— Я хотела сказать, когда она от вас отломилась?

Прекрасный голос отвечал:

— Это было очень давно — несколько тысяч лет тому назад. Тогда на мне не было ни единой царапины. Я лежал в уютном ковчеге (последнем своем ковчеге, как выяснилось) и, как обычно, творил всяческие чудеса. Потом пришло великое множество людей, и они были вооружены страшным оружием, и они разрушили ковчег, и похитили амулет, и унесли его среди прочего награбленного. Но один из пленников, бывший моим Верховным Жрецом, знал могущественное слово силы, и он произнес его надо мной, и амулет стал невидимым. Так я вернулся в свой ковчег, но ковчег вскоре был разрушен, и прежде чем мое волшебство смогло восстановить его, пришел жрец другого амулета и произнес надо

мною слово силы, перед которым вся моя магия оказалась бессильной. Долгое время амулет лежал среди разбитого ковчега — все еще невредимый, но поработанный могучими чарами. Затем пришел какой-то человек, и он захотел починить ковчег, но случайно уронил на него огромный камень, и амулет разломился напополам, и так он лежал еще много и много лет. Сам я не мог соединиться со своей утраченной половиной, и рядом со мной не было никого, кто мог бы сказать слово силы. Многие тысячелетия пролежал амулет в песках пустыни, и вот однажды пришел маленький человек, и у него была огромная армия солдат, и он завоевал всю тамошнюю землю. А вслед за ним пришло много людей, которые жаждали найти в бескрайних песках древнюю мудрость, и один из них нашел амулет, и положил в свою сумку, и привез в вашу страну. Но никто не мог прочесть написанное на мне имя, так что я проводил дни в бездействии. Потом этот человек умер, а вслед за ним умер его сын и сын его сына, и те, кто пришли вслед за ними, продали амулет торговцу древностями, проживающему в вашем городе. У этого-то торговца вы и выкупили его, и вот, после того, как вы произнесли слово силы, я явился на зов и отныне нахожусь в вашем распоряжении.

Вот что поведал голос детям. Полагаю, что под маленьким завоевателем он имел в виду Наполеона, потому что в учебниках по истории черным по белому написано, что однажды он со своей армией побывал в Египте и даже завоевал его. И что по его следам в Египет

привалило огромное количество ученых людей, которые изрыли тамошние пески вдоль и поперек и выудили оттуда множество всяческих ценных вещей. Вещи эти были бесконечно древними, и потому ученые немедленно вывезли их в Европу. Насколько я понимаю, одной из этих вещей был амулет. И это было самое ценное, что вообще когда-либо имелось в Египте.

Четверо наших друзей напряженно внимали амулету, пытаясь на ходу сообразить, что им делать дальше. А это, я вам скажу, не так-то просто, особенно если вы напряженно внимаете говорящему изумрудному свету.

Наконец Роберт сказал:

— А вы можете перенести нас в то самое прошлое... то есть, в тот самый ковчег, где вы лежали вместе со своей потерянной половинкой. Если бы мы оказались там, то мы бы нашли амулет целым и невредимым, несмотря на все прошедшие тысячелетия.

— Какие тысячелетия, тупица! — взвился на него Сирил. — Неужели ты не понимаешь, что когда мы перенесемся в прошлое, никаких тысячелетий еще не будет? Прошлое станет для нас настоящим, не так ли? — добавил он, обращаясь к Псаммиаду за поддержкой.

Псаммиад небрежно кивнул:

— На этот раз ты не так уж далеко ушел от истины.

— Так что же, — сказала Антея, — вы перенесете нас в то время, когда вы еще состояли из двух половинок и преспокойно лежали себе в ковчеге?

— Конечно, — ответил голос. — Вы должны

поднять меня высоко над головой, произнести слово силы, а затем один за другим, начиная с самого старшего и кончая самым младшим, пройти сквозь меня в прошлое. Но пусть тот, кто будет держать меня, проходит последним и пусть он ни на секунду не ослабляет своей руки, иначе вы потеряете меня и останетесь в прошлом на веки вечные!

— Только этого нам еще не хватало! — сказал Роберт.

— Когда вы пожелаете вернуться назад, — продолжал прекрасный голос, — встаньте лицом на восток, снова поднимите меня как можно выше и снова произнесите слово силы. Затем в том же самом порядке проходите сквозь меня в ваше время, и когда вы окажетесь в нем, оно станет для вас настоящим.

— Но как же...?

В этот момент посреди окружавшего детей черного безмолвия раздалась оглушительная трель колокольчика.

— Вот черт! — воскликнул Роберт. — Это нас зовут на чай. Прошу вас, сделайте поскорее так, чтобы снова был день и мы могли, не поломав по дороге рук и ног, спуститься в гостиную. Да, кстати, огромное вам спасибо за все, что вы намереваетесь для нас сделать.

— Говорить с вами было сущим удовольствием, — добавила изощренная в этикете Антея. — Большое спасибо.

Прекрасный изумрудный свет медленно померк, и дети вновь оказались в полной темноте. К счастью, это длилось недолго, и уже в следующую секунду комната была вновь исполнена лучами ослепительного послеполу-

дсиного солнца и теми шаркающими, шелестящими и шипящими звуками, что так свойственны ворочающемуся во сне огромному мохнатому зверю и замершему в ожидании вечерней прохлады городу по имени Лондон.

Пока дети на все лады протирали глаза и мотали головами, стараясь как можно быстрее прийти в себя, Псаммиад ретировался под кровать и молниеносно зарылся в песок. Спустившись наконец на первый этаж, дети уселись за стол, но им пришлось выпить не менее двух чашек чаю каждому, прежде чем знакомая им до последнего гвоздя гостиная приобрела плоть и кровь, а прекрасный голос и чудесный изумрудный свет отступили в область воспоминаний.

После чая Антея убедила остальных в том, что для всеобщего блага необходимо как можно скорее продеть сквозь амулет веревочку и в таком виде повесить его ей на шею.

— Представляете, какой будет ужас, если он вдруг потеряется? — сказала она, когда с этой операцией было покончено. — А ведь он может потеряться не только в нашем времени, а где и когда угодно. Не знаю, как вы, а я вовсе не хочу оставаться в прошлом на веки вечные.

Глава IV

ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

На следующее утро Антея уговорила старую нянечку позволить ей самолично отнести завтрак «бедному ученому джентльмену». В первый момент тот, очевидно, принял ее за новый футляр для мумии, но затем лицо его озарилось улыбкой узнавания, и он принялся радостно кивать головой.

— Как видите, я повесила амулет на шею,— сказала ему Антея,— и изо всех сил забочусь о нем — как вы и говорили.

— Вот и славно,— ответил ученый джентльмен.— Ну что, хорошо вчера повеселились?

— Я вам расскажу, но только вы ешьте свой завтрак, пока он совсем не остыл, хорошо? — сказала Антея.— Так вот, вчера с нами случилось много чего удивительного. Сначала амулет напустил в спальню темноты, потом начал светиться изумительным зеленым светом, а еще потом заговорил. О, если бы вы только слышали, как он говорил! У него такой волнительный голос! Он рассказал нам, что другая его половинка затерялась где-

то в прошлом, и, стало быть, там ее и нужно искать.

Ученый джентльмен осторожно пригладил обими руками свою косматую шевелюру и обеспокоенно посмотрел на Антею.

— Думаю, что тут все-таки нет ничего необычного — детское воображение и все такое прочее, — сказал он после минутного раздумья. — Но все же, странно... Кто мог вас надоумить, что у этой вещицы не хватает одной половинки?

— Этого я не могу вам сказать, — ответила Антея. — Понимаю, это звучит ужасно по-свински, особенно после того, как вы согласились прочитать для нас имя силы и, вообще, вели себя как самый настоящий дорогуша, но я поклялась никому не говорить ни слова о Пс... о том, кто нам обо всем этом рассказал. О, прошу вас, не забывайте о вашем завтраке!

Ученый джентльмен улыбнулся, а затем вдруг наморщил лоб. От удивления, конечно, — ведь сердиться ему вроде бы было не на что.

— Спасибо, — сказал он. — И запомни, что я буду всегда рад, если тебе случится заглянуть ко мне. Так что когда будешь проходить мимо, милости просим! И все-таки, странно...

— Я запомню, — прервала его Антея. — А теперь до свидания. Я всегда буду рассказывать вам все, что мне позволено.

Ученому джентльмену крайне редко доводилось иметь дело с детьми, и потому он не знал, отличается или нет Антея от всех остальных маленьких девочек, какие только имеются на свете. Он провел в размышлениях

над этим вопросом целых пять минут, а затем с удвоенной энергией набросился на пятьдесят вторую главу своей великой книги «Тайные ритуалы жрецов культа Амон-Ра».

* * *

Наши четверо приятелей и не пытались скрыть возбуждения, охватывавшего каждого из них при мысли о путешествии в прошлое при помощи амулета. Конечно, во всем этом была масса непонятого и даже неприятного, а возможность застрять в прошлом и никогда больше не увидеть папу с мамой и Ягненком так и вообще была ужасающей, но никто из великолепной четверки не решился в открытую заявить, что амулет стоит убрать куда подальше и позабыть о нем на веки вечные. И пусть в глубине души каждый был изрядно напуган неведомыми опасностями, какие им готовил день прошедший, друг перед другом они держали себя героями и, пожалуй, в буквальном смысле слова растерзали бы первого, кто осмелился бы высказать робкое, но вполне разумное в данных обстоятельствах предположение типа «А может, не надо?»

Путешествие в прошлое требовало самой тщательной подготовки. Было вполне вероятным, что оно могло продлиться целый день, а надежды на то, что звонок к обеду сумеет прорваться сквозь непомерные временные толщи, разделявшие две половинки амулета, напротив, не было никакой. Кроме того, не

стоило возбуждать любопытство старой нянечки, тем более что удовлетворить его абсолютно не представлялось возможным, даже если бы они и сказали ей всю правду. Дело в том, что, как бы хорошо они ни усвоили изложенную им амулетом и Псаммиадам концепцию пространства-времени (они, кстати, считали, что усвоили ее очень хорошо, и изрядно гордились этим), их не покидала уверенность в том, что старая нянечка не поняла бы из нее ни буквы. Так что они не стали ей ничего объяснять, а просто попросили разрешения пойти погулять в Риджент-парк и взять с собой обед, который им и был тут же предоставлен. Нет нужды упоминать, что он состоял из холодной баранины с томатным соусом.

— Можете по дороге купить себе сдобных булок, или бисквитов, или чего там еще вашей душеньке угодно, — сказала им старая нянечка, протягивая Сирилу шиллинг. — Только не берите пирогов с вареньем! От них и дома-то неприятностей не оберешься, а уж без вилок и ложек вы точно с ног до головы перемажетесь. Да и умыться вам потом негде будет — вот и станете шляться по городу чумазые, ровно абиссинцы какие!

Сирил засунул шиллинг в карман, и дети гурьбой повалили на улицу. Прежде всего они отправились на Тоттенхем-Корт-роуд и приобрели там порядочный отрез водонепроницаемой клеенки, в которую и упаковали Псаммиада на тот случай, если в прошлом вдруг случится дождливая погода. Как вы уже знаете, попасть под дождь означало для Песчаного Эльфа верную смерть.

Стоял один из тех редких погожих дней, в которые даже Лондон можно было назвать прекрасным. На залитых солнечными лучами улицах сидели женщины с огромными плетеными корзинами и продавали живые цветы. Антея не удержалась и купила по одной розе на каждого. Ах, какие это были замечательные розы! Огромные, ярко-красные, благоухающие тенистыми летними лужайками, они были теми самыми вожделенными розами, которые всегда так хочется получить на Рождество вместо вылинявшей до степени полной недоступности зрению и обонянию омелы да опостылевшего остролиста, понюхать который вообще нет никакой возможности, так как при первой же попытке сделать это он пребольно впивается вам в нос своими колючками. Но сейчас было не Рождество, а самый разгар лета, и у каждого из наших четверых приятелей в петлице пламенело по пахучему розовому бутону, и безмятежному их расположению духа не могло помешать даже то обстоятельство, что листва деревьев в Риджент-парке, под которыми они расположились на привал, была не зеленой и яркой, как это свойственно их деревенским братьям, а по-столичному блеклой, запыленной и коричневой по краям.

— Я думаю, нам нужно сразу же приступить к делу,— сказала Антея.— Так как первым должен пойти самый старший, то тебе, Джейн, придется быть последней. Надеюсь, ты хорошо запомнила, как нужно держать амулет, когда мы будем проходить через него?

— Я не хочу быть последней! — заявила Джейн.

— Если боишься, можешь взять корзинку с Псаммиадом,— сказала Антея.— То есть, конечно,— поспешно добавила она, вспомнив о капризном характере Песчаного Эльфа,— если он позволит тебе нести себя.

Псаммиад, однако, отреагировал на это замечание неожиданно дружелюбно.

— Мне, знаете ли, все равно, кто меня понесет,— сказал он.— Лишь бы только меня не роняли. Я абсолютно не переношу, когда меня роняют.

Дрожащими от волнения руками Джейн приняла у Антеи корзинку с Псаммиадом и изо всех сил прижала ее к себе. Затем Антея повесила ей на шею амулет, и все поднялись на ноги. После минутного колебания Джейн отставила от себя амулет на расстояние вытянутой руки, и Сирил торжественно произнес имя силы.

Не успел он договорить, как амулет начал стремительно расти у Джейн в руках и вскоре превратился в огромную красную арку весьма замысловатой формы, за самый краешек которой и держалась теперь Джейн. Внутри арка была на удивление узкой, но искусственный в преодолении заборных щелей Сирил сразу же определил, что сумеет пролезть в нее. По извилистому периметру арки виднелась все та же тусклая листва городских деревьев и измятая трава Риджент-парка, на которой какие-то маленькие оборванцы водили английское подобие русского хоровода, но внутри арки ослепительно сияли три цветочные полосы — голубая, желтая и красная, — придавая открывшемуся детям зрелищу сход-

ство с государственным флагом какой-то неведомой державы. Сирил глубоко вздохнул, крепче уперся ногами в землю (по большей части для того, чтобы остальные не видели, как у него дрожат коленки) и с криком «Вперед!» ринулся сквозь арку. Результатом этого отважного действия явилось его полное исчезновение с парковой лужайки. Антея храбро последовала за ним. Роберт, который по возрасту шел третьим, крепко ухватился за рукав начавшей тихонько повизгивать Джейн и втащил ее вместе с собою в узкий проход. Когда все четверо оказались по ту сторону арки, она с непостижимой быстротой исчезла, а вместе с нею исчез и Риджент-парк, и теперь обо всем происшедшем детям напоминал только принявший обычные размеры амулет, который Джейн все еще крепко сжимала в правой руке. Я уже говорила, что в тот день в Лондоне ослепительно сияло солнце, но если бы вы могли взглянуть на то сверкающее безобразие, посреди которого оказались дети, наше северное светило наверняка показалось бы вам не более чем тусклой свечкой. Немудрено, что первым делом все четверо принялись энергично моргать и тереть глаза руками. Антея при этом еще ухитрилась нашарить амулет и хорошенько запрятать его под отворотом Джейнова платья, чтобы он, не дай Бог, не сорвался с бечевки и не затерялся (вместе с детьми!) в прошлом. Вдоволь наморгавшись и чуть ли не до синяков намозолив себе глаза, дети стали с любопытством оглядываться по сторонам.

У них над головами раскинулось поразительной синевы небо — оно сверкало, перели-

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

валось и поигрывало яркими бликами, совсем как море под лучами полуденного солнца. Они стояли посреди небольшой поляны, с трех сторон окруженной невысокой густой порослью, в которой преобладали неведомой породы деревья, буйно разросшиеся кусты, а также какие-то переплетенные между собой и на редкость колючие лианы. Обе кромки леса вплотную подходили к полосе угольно-черной грязи, за которой сияла желто-коричневая лента воды. На другом берегу реки не было видно ничего, кроме все той же спекшейся на солнце грязи и темно-зеленой стены джунглей. Если бы не эта явно искусственного происхождения полянка да не ведущая к реке и заканчивающаяся круглым тростниковым ограждением тропинка, детям бы и в голову не пришло предположить, что в таком диком месте могут жить люди.

Четверо наших приятелей нерешительно переглянулись.

— Гм! — сказал наконец Роберт. — По крайней мере, мы, что называется, переменили климат.

Он был прав. В прошлом оказалось гораздо теплее, чем мог бы себе представить даже самый теплолюбивый лондонец.

— Хотел бы я знать, где это мы очутились, — сказал Сирил. — Смотрите-ка, тут и река есть! Наверное, это что-нибудь вроде Амазонки, Тибра или Енисея...

— Это Нил, — прервал его Псаммиад, высывая из корзинки один глаз.

— Тогда мы в Египте! — заключил Роберт, у которого был высший балл по географии.

— Что-то я не вижу ни одного крокодила,— возразил Роберт, у которого был высший балл по биологии.

На этот раз Псаммиад высунул из корзинки одну из своих волосатых лапок и помахал ею в сторону огромной кучи мусора, безмятежно покоившейся на самой кромке воды.

— А это, по-твоему, что такое? — спросил он. Не успело последнее слово слететь с его губ, как куча мусора ожила, засопела и, подобно куску плохо перемешанного цемента, сорвавшегося с мастерка каменщика, тяжело соскользнула в реку.

— О! — только и могли вымолвить все четверо.

В следующий момент на другом берегу под напором какого-то массивного тела затрещал камыш.

— А вот и речная лошадка! — обрадованно закричал Псаммиад, когда на черной полоске грязи показалась огромная серовато-голубая туша, больше всего на свете напоминавшая чрезмерно откормленного слизняка.

— Это гиппопотам,— пояснил Сирил.— И, скажу вам по правде, он кажется мне гораздо более настоящим, чем тот, что засел в нашем лондонском зоопарке.

— Хорошо еще, что он на другом берегу реки,— сказала испуганная Джейн.— Представляешь, каким настоящим он бы тебе показался, если бы ему вздумалось появиться на нашем берегу?

Словно в ответ на ее слова шуршание и треск камышей вдруг послышались у них за спиной. Это был по-настоящему ужасный мо-

мент. Никто не сомневался в том, что это был еще один гиппопотам. Хотя, конечно, это мог быть всего лишь крокодил или лев. На худой конец, это могла оказаться ядовитая змея.

— А ну-ка, Джейн, поскорее доставай амулет! — сказал Роберт дрожащим от храбрости голосом. — Мы должны быть готовы улизнуть отсюда в любую секунду. Готов поклясться, что в этом треклятом месте с нами может случиться все, что угодно!

— Надеюсь, гиппопотам с нами не случится, — сказала готовая разреветься Джейн. — Особенно такой же огромный, как тот, на другом берегу.

Все четверо повернулись, чтобы встретить опасность лицом к лицу.

— Ладно уж, хватит вам дрожать, как четырьмя маленьким утиным хвостикам! — раздался из корзины почему-то очень довольный голос Псаммиада. — Это не речная лошадка. Это человек.

Как всегда, он оказался прав. На дальнем конце поляны показалась маленькая туземная девочка примерно антеевых лет. У нее были короткие светлые волосы и очень смуглая кожа — однако при первом же взгляде на маленькую дикарку дети догадались, что если бы она жила где-нибудь поблизости от них в Камдентауне, ее кожа была бы такой же светлой как и у них самих. Но, во-первых, она жила не в Камдентауне, а в Египте восьмисотлетней давности, и, во-вторых, на ней не имелось никакой достойной упоминания одежды, так что четверо светлокожих английских детей, с ног до головы затянутых в платья,

шляпки, чулки, носки, башмаки, куртки, воротнички и все такое прочее, поймали себя на том, что невольно завидуют этому безыскусному продукту первобытного мира. У них не было никакого сомнения в том, что ее костюм больше подходит к местным условиям, чем повешанные на них бельевые кучи.

На голове у девочки имелся большой глиняный кувшин, разрисованный черными и красными узорами. Она не заметила детей, повремя отпрянувших к границе джунглей, и испоропливо направилась к берегу реки, намереваясь, очевидно, набрать воды. Когда она проходила мимо затаившихся за кустами детей, до них донеслись весьма странные звуки, которые маленькая смуглянка издавала на ходу. Звуки были очень однообразными, очень ритмичными и очень унылыми. Антея не могла удержаться от мысли о том, что даже для восьмитысячелетней давности песня, которую напевала девочка, была слишком примитивной.

Между тем девочка наполнила кувшин и поставила его рядом с собой на берегу. Затем она забрела по колено в воду и, перегнувшись через круглое тростниковое ограждение, принялась шарить внутри его руками. Одну за другой она вытащила оттуда шесть крупных, сверкавших на солнце чешуей рыб и, по очереди переломав им шеи, насадила на принесенную с собою длинную ивовую лозу. Когда с этой операцией было покончено, она связала концы лозы, набросила получившийся кукан на локоть, взяла свободной рукой кувшин с водой и повернулась лицом к лесу.

Естественно, в тот же самый момент она увидела наших четверых знакомцев плюс корзину с Псаммиадом. И все из-за того, что белые платица Антеи и Джейн, подобно снегу, выделялись на фоне однородной темной массы леса. Маленькая туземка не могла знать, что такое снег, но это не помешало ей завизжать от ужаса и уронить на землю кувшин, который хоть и не разбился, но все же основательно залил содержавшейся в нем водой засохшую грязь под ногами у девочки, а заодно и еще раньше свалившуюся туда же рыбу.

Вода медленно впитывалась в глубокие трещины на засохшей грязи.

— Не бойся! — прокричала девочке Антея. — Мы тебе ничего не сделаем!

— Кто вы такие? — прокричала та в ответ.

А теперь я хочу сказать вам вот что: я не собираюсь тратить тридцать три с половиной страницы на то, чтобы объяснить вам, каким образом туземная девочка могла понимать Антею, а Антея могла понимать туземную девочку. Если уж вы не поняли, что пространство и время являются абстрактными понятиями, которые использует наш мозг, то *этого* вы ни за что не поймете, испиши я хоть триста тридцать три страницы, чего, мне, кстати не позволяют законы жанра и необходимость экономить место для дальнейшего рассказа. Так что можете думать все, что вам угодно. Возможно, детям удалось наткнуться на всеобщий язык всех живых существ, над которым вот уже не одну сотню лет без всякого толка бьются ученые профессора. У вас было

полным-полно времени убедиться, что наши четверо приятелей были необычайно везучими детьми, а раз так, то почему им не могло повезти и в этом? А, может быть... Впрочем, и предлагаю оставить в покое этот запутанный вопрос и вернуться к приключениям Сирила, Роберта, Антеи и Джейн. Заметьте лишь, что, где бы они ни оказались, перед ними ни разу не вставало такой идиотской (и, прямо скажем, непреодолимой для многих) преграды, как незнание иностранных языков. Они могли понимать кого угодно и, наоборот, быть всегда понятыми. Если вы можете найти этому объяснение, то вам и карты в руки. Надеюсь, в отличие от вас, я все сумею понять.

Как бы то ни было, когда маленькая дикарка спросила: «Кто вы такие?», все четверо детей ее тут же отлично поняли.

— Мы такие же обыкновенные дети, как и ты, — отвечала ей Антея. — Пожалуйста, не бойся нас! Мы просто хотим увидеть то место, где ты живешь.

Пока происходил этот диалог, Джейн почти целиком засунула голову в корзинку с Псаммиадам и, почти вплотную прижавшись губами к его пушистой голове, зашептала:

— А это не страшно? Они нас не съедят? А вдруг они людоеды?

Псаммиад сжался в комок и попытался забиться в самый дальний угол корзины.

— Ты не могла бы говорить нормальным человеческим голосом? — негодуя осведомился он. — От твоего сдавленного дребезжания у меня в ушах свербит. И вообще, забудь ты о своих идиотских страхах! Как только

тебе захочется перенестись обратно в Риджент-парк, достань амулет и скажи имя силы.

Подойдя поближе, дети увидели, что маленькая туземка явственно дрожит от страха.

Нужно сказать, что на руке у Антеи имелся браслет. Это была дутая медная безделушка ценою в семь с половиной пенсов, которую Антее подарила проходящая убираться в доме на Фицрой-стрит работница, но зато она была покрыта каким-то отдаленно смахивающим на серебро составом, и еще к ней была приделана цепочка, на которой болталось маленькое стеклянное сердечко бирюзово-синего цвета.

— Вот! — сказала великодушная Антея, снимая браслет с руки. — Это тебе! Этим подарком я хочу показать, что мы не причиним тебе зла. А если ты примешь его, то и я буду знать, что ты нас не обидишь.

Девочка робко протянула вперед руку. Антея надела на нее браслет, и в тот же самый момент лицо маленькой туземки осветилось радостной улыбкой собственника.

— Ладно! — сказала она, так и эдак поворачивая руку, чтобы вдоволь полюбоваться браслетом. — Пусть будет мир между моим и твоим домом.

Она подняла с земли рыбу с кувшином и направилась по тропинке вглубь леса, из которого до того столь неожиданно появилась. Остальные последовали за ней.

— Вот это уже похоже на приключение! — бодро заметил Сирил, изо всех сил стараясь показать, что ему ни капельки не страшно.

— Точно! — поддержал его Роберт, стараясь показать то же самое. — Это самое что ни на

ость настоящее и к тому же первосортное приключение. Путешествовать в прошлое, скажу я вам, это не то, что без толку носиться туда-сюда с Фениксом и ковром!

Им пришлось около мили идти сквозь почти непролазную чащу деревьев и кустов, большинство из которых были с виду очень колючими и какими-то растрепанными. Тропинка была очень узкой, а лес — мрачным и неприветливым. Наконец впереди показалась полоска света, пробивавшегося сквозь плотную листву нависших у них над головами крон.

Неожиданно все четверо (плюс Псаммиад) ступили из царства лесного сумрака под Ниагару солнечных лучей, которые, кроме всего прочего, падали еще и на просторную песчаную равнину, усеянную грудями серых скал и колючих кактусообразных растений с пестрыми оранжево-розовыми цветами и поникшими запыленными листьями. Справа от детей виднелось некое подобие огромной сероватобуровой изгороди, из-за которой к раскаленным небесам мирно поднимался голубой дымок костра. И надо всем этим, повторю, висело огнедышащее солнце, под которым невозможно было простоять и пяти минут без того, чтобы не захотеть раздеться.

— Вот здесь я и живу, — сказала туземная девочка, указывая на изгородь.

— Я не пойду туда до тех пор, пока ты не скажешь, что с нами там будет все в порядке, — сказала несносная Джейн, снова засовывая голову в псаммиадову корзинку.

Вообще-то, Псаммиад должен был только обрадоваться очередному проявлению безого-

ворочной веры в него, но, по-видимому, именно в этот момент он был склонен воспринять слова Джейн за проявление недоверия, а потому ограничился лишь кратким заявлением следующего содержания:

— Если ты не перестанешь валять дурака, я никогда больше не буду вам помогать.

— О, нет! — испуганно прошептала Антея. — Джейн, милая, будь же умницей! Вспомни о папе с мамой, вспомни о нашем самом заветном желании. И вспомни, наконец, о том, что мы можем вернуться домой, как только пожелаем. Ну же, пошли!

— Кроме того, — поддержал ее Сирил, — Псаммиад сам туда ни за что бы не сунулся, если бы не знал, что там совершенно безопасно. Уж кто-кто, а он-то не ломает из себя храбреца, когда дело касается его драгоценной персоны. Так что пошли, и все тут!

И Джейн пошла.

Оказавшись в непосредственной близости с загадочной серо-буро-малиновой изгородью, дети разглядели, что она была сложена из наваленных друг на друга колючих кустов, с которыми они уже имели возможность познакомиться в лесу, и насчитывала не менее восьми футов в высоту.

— А зачем она вам? — поинтересовался Сирил.

— Внушать страх нашим врагам и диким зверям, — гордо, но не совсем точно ответила маленькая туземка.

— Страх не страх, но уважение она точно внушает, — согласился Сирил. — Смотрите-ка, вон та колючка, пожалуй, будет длиной с мою ногу.

Вскоре они достигли прохода в изгороди и устремились по нему вслед за своей смуглой провожатой — только для того, чтобы оказаться перед еще одной изгородью, не такой высокой, но не менее грозно оцетинившейся длинными, толстыми и ужасно колючими с виду шипами. За этой изгородью, слава Богу, начиналась деревня.

В деревне не было ни садов, ни огородов, ни даже собственно домов. И в самом деле, нельзя же было назвать домами крытые пальмовыми листьями птичьи гнезда, слепленные из глины пополам с какими-то невразумительными веточками и шишечками и более всего напоминавшие разбросанные где попало мусорные кучи. Попасть в такую хижину можно было только через очень узкое отверстие, какие в цивилизованных странах служат входом в собачью конуру. Никаких улиц и тропинок между домами не было, и все огороженное внутренним тыном пространство представляло из себя равномерно утоптанную песчаную арену.

Однако в самом центре этой арены, за еще одной колючей изгородью (без которых, как видно, тамошние жители просто не умели обходиться), виднелся кусок вполне ухоженной земли размером с садик во дворе хорошо известного нам камдентаунского дома, и посреди его находилось некое огромное строение неведомого назначения.

Не успели дети выпутаться из хитросплетений второй колючей изгороди, как их окружила возбужденная толпа таких же светловосых и смуглых, как и первоначальная ма-

ленькая дикарка, мужчин, женщин и детей. Все они, казалось, в одно мгновение повыскакивали из своих хижин и принялись с непонятным ожесточением наступать на наших порядком перетрусивших приятелей.

Но тут их маленькая проводница выступила вперед и, охранительно раскинув руки, закричала:

— Не трогайте их! Это волшебные дети, и они пришли из волшебной страны, что начинается за пустыней. Кроме того, они принесли с собой волшебные подарки, и я пообещала им, что у нас с ними будет мир.

И она продемонстрировала собравшимся блестящую безделушку, купленную за бесценок в Лаутерском Пассаже*.

Четверо детей, выросшие в современном Лондоне, где уже никого ничем невозможно удивить, были по-настоящему потрясены видом такого огромного количества удивленных людей.

А удивленные люди между тем сомкнулись вокруг детей и принялись весьма бесцеремонно ощупывать их одежду, включая ботинки, пуговицы на ребячьих куртках и коралловые бусы на девчачьих шеях.

— Скажи же им что-нибудь! — зашипела на Сирила Антея.

— Мы пришли, — послушно начал Сирил, в голове у которого внезапно со всей отчетливостью всплыли воспоминания о том ужасном дне, когда ему пришлось сидеть в тесной

* Лаутерский Пассаж — Бывший торговый центр на Западном Стрэнде. Представлял собой аркаду восьмидесяти футов длиной, крытую стеклянными куполами. Был снесен в 1904 году.

приемной адвокатской конторы и в ожидании паны, занятого беседой с ее хозяином, читать «единственно имевшийся там скучнейший номер «Дейли Телеграфа», — из страны, где никогда не заходит солнце. И единственное, чего мы хотим, это мир и процветание всех народов. Мы — это великая англо-саксонская раса, известная еще как раса завоевателей. Это вовсе не означает, что мы хотим вас завоевать, — поспешно поправился он. — Просто мы хотим взглянуть на ваши дома и то, что в них... э-э-э... я хотел сказать, взглянуть на все, что вы нам соизволите показать, после чего мы вернемся к себе на родину и расскажем о вас во всех ее уголках, так что ваше имя прославитя на века. Уф!

Нужно сказать, что напыщенная сирилова речь несколько не помешала туземцам и дальше крутить и вертеть в своих заскорузлых от тяжелой работы руках разнообразные предметы детского туалета. Наконец Антея догадалась, что все эти едва прикрытые обрывками звериных шкур люди первый раз в жизни видят сотканную из хлопка одежду, и потому было немудрено, что она показалась им истине волшебной. Что до машинных швов, так они вообще показались им небесным откровением. Впрочем, местные дикари, судя по всему, тоже умели махать иглой — на нескольких мужчинах, почитавшихся среди остальных вождями, имелось, например, некое подобие английских бриджей, только они были сшиты из грубоватой замши и поддерживались на поясе при помощи перевязи из бычьих жил, а женщины, в свою очередь,

носили длинные лоскутные юбки — правда, опять-таки кожаные. Говоря же о внешности туземцев, могу лишь добавить, что они были низкорослыми, светловолосыми (причем, мужчины и женщины стриглись одинаково коротко) и голубоглазыми, что для Египта было по крайней мере странно. Большинство из них было с ног до головы покрыто татуировкой, как это принято у современных матросов, только у современных матросов татуировки, пожалуй, все же позамысловатее.

— Что это такое? А это? А то? — без конца повторяли они, с любопытством ощупывая одежду детей.

Антея поспешно сорвала с шеи Джейн оборчатый кружевной воротничок и вручила его женщине, которая показалась ей настроенной дружелюбнее всех остальных.

— Вот, возьмите! — сказала она. — И разглядывайте его себе на здоровье, а нас оставьте в покое. Нам нужно кое о чем переговорить между собой.

Она говорила тем властным тоном, к которому прибегала в тех случаях, когда у нее не оставалось времени убеждать своего маленького братца (по имени Ягненок, если вы вдруг забыли) сделать то, чего от него просят. И тон этот возымел должное действие. Толпа немедленно отступила, и дети были предоставлены самим себе. Возбужденные туземцы остановились в порядочной дюжине шагов от наших четверых приятелей и принялись изо всех сил рассматривать кружевной воротничок, издавая восторженные вопли и жестикулируя самым отчаянным образом.

Дети так никогда и не узнали, о чем именно совещались ополоумевшие от удивления дикари, но при всем при этом их ни на минуту не отпускало неприятное осознание того, что разговор постоянно вьется вокруг них — четырех очень странных и, может быть, вовсе даже не дружелюбных пришельцах неведомо откуда. Правда, они немного успокаивали себя мыслью о том, что встреченная им у реки девочка нерушимо обещала им мир и безопасность. И, конечно же, они постоянно думали об амулете и его неведомом ковчеге. Усевшись на песок в тени, отбрасываемой колючей изгородью в центре деревни, они

принялись с самым живым любопытством оглядываться по сторонам, благо за все время пребывания в деревне у них впервые появилась возможность поглазеть на что-нибудь еще, кроме изрядно уже надоевшей толпы жадных до чужой одежды дикарей.

Среди всего прочего они обратили внимание на то, что все без исключения туземные женщины носят на шее ожерелья из разноцветных камней, и с этих ожерелий свисают весьма необычной формы каменные подвески. А у некоторых женщин имелись к тому же браслеты из кремния и слоновой кости.

— Чему только мы бы их не научили, если бы задержались здесь подольше! — сказал Роберт.

— Полагаю, что и они могли бы нас научить паре-тройке полезных вещей, — отозвался Сирил. — Ты обратил внимание на потрясающий кремниевый браслет на шее у той женщины, которой Антея всучила воротничок? Так вот, без особых навыков такую вещь ни за что не сделать, как ни старайся. Ну да ладно, если мы все время будем шептаться между собой, наши милые дикари, чего доброго, могут нас заподозрить в чем-нибудь нехорошем. А нам, между прочим, не мешало бы разузнать побольше об их туземной жизни. Давайте попросим ту перезагорелую девчонку, что мы встретили у реки, показать нам местные достопримечательности, а заодно попытаемся выяснить *где они держат амулет*. Только помните — нам ни в коем случае нельзя разделяться!

Антея призывно помахала их давней знакомой, которая в данный момент стояла неподалеку и, кажется, была очень удручена тем обстоятельством, что центр всеобщего внимания сместился с нее на идиотский кружевной воротничок. Та радостно бросилась на зов.

— Скажи нам, как вы делаете ваши замечательные каменные браслеты? — спросил ее Сирил.

— При помощи других камней, как же еще, — ответила смуглокожая дикарка. — У нас для этого есть специальные люди, которые знают про камни все на свете.

— А почему вы не пользуетесь железными инструментами?

— А что такое «железо»? — вопросом на вопрос ответила девочка. — Ты не мог бы выражаться пояснее?

Это было первое слово, которое она не поняла.

— У вас что, все инструменты сделаны из кремния? — удивился Сирил.

— А из чего же еще их делать? — ответила девочка, широко распахнув свои голубые глаза.

Жаль, что у меня нет времени подробно рассказать вам о дальнейшем разговоре. Если говорить кратко, то дети ужасно хотели узнать как можно больше об этом удивительном месте, но в то же самое время, как это свойственно всем английским детям их возраста, пытались как можно больше рассказать маленькой туземке о своей собственной стране. Это все равно что вернуться домой с рождественских каникул и пытаться одновременно

рассказать и услышать все новости — надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю. Так вот, чем дальше заходил этот не совсем вразумительный обмен новостями, тем больше появлялось в нем слов, которые маленькая туземная девочка никак не могла понять, и вскоре дети были вынуждены оставить бесплодные попытки описать свою блистательную родину со всеми переполнявшими ее чудесами цивилизации. Напротив, у всех четверых вдруг стало складываться удивительное убеждение в том, что большая часть вещей, без которых они не мыслили обойтись в своем драгоценнейшем Лондоне, на поверку оказывались абсолютно бесполезными и даже вредными для здорового образа жизни.

Девочка показала им, как нужно строить дома, — на их счастье, в тот день на окраине деревни как раз решили возвести одну хижину, и девочка повела своих несмышленных гостей посмотреть на это поучительное зрелище. Нужно признать, что дома в каменном веке строили совсем иначе, чем сейчас. Первым делом мужчины чертили на земле окружность размером с требуемую хижину и начинали, следуя чертежу, втыкать в землю длинные деревянные колья. Строители втыкали их на расстоянии восьми дюймов друг от друга, а когда эта операция была закончена, принимались на расстоянии тех же восьми дюймов возводить второй частокол. Все это повторялось три раза, после чего пространство между тремя рядами кольев плотно заваливалось прутьями и гибкими ветвями деревьев и заливалось черным речным

илом, который перед тем старательно разми-
шался ногами до тех пор, пока не становился
мягким, как воск.

Еще девочка рассказала четырем малень-
ким англичанам, как нужно охотиться на
диких зверей при помощи одних только крем-
невых стрел и копий и как строить лодки из
камыша и глины. Заодно она объяснила, что
на самом деле было тем круглым тростнико-
вым ограждением, которое дети видели на
реке и из которого она играючи выловила
шесть здоровенных рыбин. Как вы, наверное,
уже догадались, это было нечто вроде совре-
менного бредня — элементарнейшая ловушка,
построенная из расположенных по кругу ка-
мышовых прутьев с одним-единственным от-
верстием у самой поверхности воды, за кото-
рым начинался туннель, плавно опускавшийся
к речному дну, так что каждая по глупости
заплывавшая в него рыба уже никогда не
могла выбраться наружу, сколь бы она не
прибавляла в уме за время сидения взаперти.
Кроме того, она показала детям великое мно-
жество разрисованных черными и красными
узорами глиняных котелков, кувшинов, тарел-
лок и прочей посуды, заставила их вволю
поохать и поахать над прекрасными украше-
ниями из кремния и прочих пород камня,
среди которых выделялись особым изящест-
вом бусы и шейные ожерелья, и, конечно
же, замереть в опасливом восхищении перед
разнообразными могучими орудиями войны
и труда.

— Это поистине удивительно, — покрови-
тельственно произнес Сирил, когда осмотр

был закончен.—Особенно, если вспомнить, что все это было сделано восемь тысяч лет тому назад...

— Я снова тебя не понимаю,— сказала маленькая туземка.

— Какие *восемь тысяч лет тому назад?* — яростно прошептала Джейн.— Разве ты не понимаешь, что все это происходит *сейчас?* Вот это-то мне больше всего и не нравится. Послушайте, давайте лучше отправимся домой, пока с нами чего-нибудь еще не случилось! Сами же видите, никакого амулета у них тут нет.

— А что у вас там, за этой колючей оградой? — спросила озаренная внезапной догадкой Антея и указала рукой в сторону большой хижины, возвышавшейся в центре деревни.

— О, это ужасно священное место! — сказала маленькая туземка, переходя на благоговейный шепот.— Никто не знает, что у нас там. В этом доме много комнат, и в самой дальней из них хранится *Это*, но никто, кроме жрецов, не видел *Его* и потому не знает, что это на самом деле такое.

— Могу поклясться, что уж ты-то точно знаешь,— сказал Сирил, пристально глядя маленькой врунье в глаза.

— Если ты расскажешь нам, я подарю тебе это кольцо,— сказала Антея, снимая с пальца дешевое бисерное колечко, на которое дикарская девочка уже давно смотрела с нескрываемым вожделением.

— Хорошо,— сказала она, торопливо навинчивая кольцо себе на палец,— я скажу вам,

но если кто-нибудь узнает об этом, меня непременно убьют самым бесчеловечным способом. Так вот, мой отец — один из жрецов, а меня бабушка перед смертью научила одному водяному заклинанию, от которого всякий начинает говорить во сне. Мой отец тоже заговорил. Он сказал, что в самой дальней комнате большой хижины хранится большой каменный ковчег, а в этом ковчеге лежит Священный Амулет. Никто не знает, откуда он там взялся. Известно только, что его привезли из какой-то несусветно далекой страны.

— А ты его видела? — спросила Антея.

Девочка молча кивнула.

— А вот на эту штуку он, случайно, не похож? — внезапно выпалила Джейн, вытаскивая из-за пазухи заветную красную подковку.

При виде амулета лицо маленькой туземки приобрело нездоровый зеленоватый оттенок.

— Спрячь его сейчас же! — горячо зашептала она. — Спрячь и никому не показывай! Вы должны как можно скорее положить его на место. Если его вдруг кто-нибудь увидит, нас с вами непременно убьют. Вас — за то, что вы его украли, а меня — за одно лишь то, что я про него знаю. О, горе мне, горе! Зачем только я повстречала вас сегодня?!

— Да перестань же ты завывать, как раненый гиппопотам! — оборвал ее Сирил. — Не бойся, никто ничего не узнает. А что до тебя, Джейн, то если ты еще хоть раз попробуешь выкинуть подобную штуку, то увидишь, что я с тобой сделаю. А теперь, скажи-ка нам... — обратился он было к маленькой туземке, но

прежде чем ему удалось дойти хотя бы до середины вопроса, поблизости раздался ужа-сающий вопль, и из прохода, пересекающего внутренний ряд опоясывавших деревню ко-лючих заграждений, выскочил запыхавшийся от долгого бега туземец.

— Враги! Много врагов! — кричал он. — И все идут сюда! Готовьтесь к обороне!

На большее у него не хватило сил, и он с размаху повалился на землю, жадно хватая ртом горячий воздух пустыни.

— Ой-ей-ей! — завопила Джейн. — Пора возвращаться домой! Не знаю как вы, а я возвращаюсь!

Она снова вытащила амулет и подняла его над головой. К счастью, в тот момент светло-волосые туземцы были слишком заняты для того, чтобы обращать на нее внимание. Так что она беспрепятственно подняла амулет над головой...

И ничего не случилось.

— Ты забыла сказать слово силы, — напом-нила ей Антея.

Джейн поспешно произнесла слово силы — и снова ничего не случилось.

— Нужно повернуться лицом на восток, глупышка! — презрительно бросил ей Роберт.

— А где он, этот самый восток? — спросила она, приплясывая на месте от ужаса.

Как выяснилось, никто не знал, в какой стороне находится восток. Так что пришлось лезть в корзину и спрашивать об этом Псам-миада.

Но в корзине лежала одна лишь водонепро-ницаемая клеенка.

Псаммиада там не было.

— Спрячь Священный Амулет! — как безумная, нашептывала маленькая туземка. — Спрячь сейчас же!

Наконец Сирил пожал плечами и постарался придать себе настолько мужественный вид, насколько это ему позволяло едва сдерживаемое желание расплакаться.

— Спрячь его, Киска! — сказал он. — Кажется, мы тут больше ничего не можем поделать. Придется нам торчать здесь до самого конца представления.

Глава V

БИТВА ЗА ДЕРЕВНЮ

Вот вам пример по-настоящему ужасной ситуации! Четверо цивилизованных английских детей, которым по всем правилам следовало находиться в 1905 году от Рождества Христова неподалеку от дома номер 300 по Фицрой-стрит, застряли в 6000 году до нашей эры посреди египетской пустыни и не имели никакого понятия о том, как им оттуда выбраться. Они не знали, в какой стороне находился восток. Определять его местоположение по солнцу было в высшей степени глупо, потому что незадолго перед началом летних каникул одна очень важная в школьной иерархии персона объяснила Сирилу, что на самом деле солнце никогда не садится на западе — и, следовательно, не встает на востоке.

А всеобщий любимчик Псаммиад, улучив момент, когда на него никто не смотрел, потихоньку выскользнул из своей корзинки и самым свинским образом бросил их на произвол судьбы!

А враг между тем подступал все ближе и ближе. Ни у кого не оставалось никаких сомне-

ний, что скоро будет большая битва. А битвы, как вы знаете, предназначены для того, чтобы убивать людей. У наших четырех приятелей было иное предназначение, и им вовсе не улыбалась перспектива принять участие в битве, особенно если она обещала быть большой.

Туземец, принесший в деревню столь ужасающее известие, все еще лежал на песке с высушутым языком. (Попутно замечу, что язык у него был длинный и красный, как у собаки). Жители деревни, как угорелые, метались между огромной грудой колючего кустарника, покоившейся как раз на случай подобных неприятностей неподалеку от защитного вала, и обоими проходами, наглухо заваливая их бесчисленными охапками смертоносного хвороста. Стоявшие у проходов люди с длинными шестами подцепляли эти охапки своими орудиями и вскидывали их на самую верхотуру постепенно выраставшей стены, при этом ужасно напоминая современных полевых рабочих, бросающих вилами сено на стог.

Джейн закусила губу и принялась изо всех сил уговаривать себя не плакать.

Роберт решительно засунул руку в карман, вытащил оттуда огромный игрушечный пистолет и зарядил его розовым бумажным пистоном. Это было единственное оружие, которое при нем имелось.

Сирил затянул ремень на две лишние дырки.

Что же до Антеи, то она с рассеянным видом вытащила у всех четверых из петличек слегка уже увядшие красные розы и, пообкусав концы стеблей, воткнула их в кувшин с водой, стоявший в тени у порога ближайшей

хижины. Антея всегда была немного без ума от цветов.

— Послушайте! — сказала она. — Мне кажется, что на самом деле Псаммиад сейчас пытается что-нибудь придумать, чтобы помочь нам. Я ни за что не поверю, что он может вот так просто сбежать и бросить нас одних-одинешенек в прошлом. Этого просто не может быть!

Джейн удалось уговорить себя не плакать — по крайней мере, прямо сейчас.

— Так что же нам делать? — спросил Роберт.

— А ничего! — живо ответил Сирил. — Разве что держать ушки на макушке, а глазки на салазках... или на чем-то там еще, не помню. Смотрите-ка! Этот бедняга вестник, кажется, приходит в себя. Пойдемте, послушаем, что он скажет!

Вестник и впрямь приподнялся с земли и теперь сидел в крайне неудобном положении, известном в индийских колониях как «поза лотоса». Едва дети успели подойти поближе, как он поднялся на ноги и заговорил. Он начал с последовательного перечисления многочисленных заслуг деревенских жрецов перед туземным народом, и дети успели изрядно соскучиться, прежде чем он перешел к делу.

— Я отправился на своем плоту вверх по реке ловить ибисов. В часе пути от деревни я остановился, раскинул свои силки и принялся ждать. Я ждал очень долго, а потом вдруг услышал в небе биение многих крыл. Взглянув наверх, я увидел целую тучу цапель, беспокойно круживших высоко над камышами. Я сразу понял, что они чем-то напуганы, и

принялся размышлять. Хищный зверь может напугать лишь одну цаплю, да и то если только подберется незамеченным, и, конечно же, ни один зверь на свете, будь то сама речная лошадка, не сможет напугать целую стаю цапель. А цапли все так же носились кругами над камышами и не хотели спускаться к своим гнездам. Тогда я понял, что их могли напугать только люди, причем люди, которые не умеют, подобно нам, бесшумно ходить по камышам и подкрадываться к цаплям незаметно. А раз так, то эти люди не принадлежали нашему народу и не происходили из наших краев. Потому я бросил свой плот, прокрался вдоль берега навстречу всему этому переполоху и, раздвинув куст камыша, увидел чужеземцев. О, сколь же их много! Они как песок в пустыне, а наконечники их копий сияют, как маленькие красные солнца. О, это жестокие, беспощадные люди, и идут они прямо на нас! Как только я увидел все это, я бросился бежать что было сил, и я не оставался, пока не достиг деревни.

— Это ваш народ! — яростно прорычал один из жрецов, внезапно поворачиваясь и указывая пальцем почему-то именно на Сирила. — Они послали вас вперед как шпионов!

— Как вам не стыдно! — возмущенно воскликнул Сирил. — Вот уж мы-то точно никогда и ни на кого не шпионили! Готов поклясться, что эти ужасные люди ни капельку не похожи на нас. Так ведь? — обратился он к вестнику.

— Что правда, то правда, — ответил вестник. — У тех людей очень темные лица, а их волосы и вообще черны, как ночь. Но, может

быть, эти странные дети являются их богами, и они пришли к нам, чтобы подготовить путь для своих воинов?

По толпе пробежал враждебный ропот.

— Да нет же! — снова закричал Сирил. — Мы на вашей стороне. Мы пришли, чтобы помочь вам защитить вашу святыню.

На жреца произвело огромное впечатление одно лишь то, что Сирил вообще знал о существовании подлежащей защите святыни. Некоторое время он стоял в нерешительности, разглядывая детей так, как если бы видел их первый раз в жизни, а затем произнес:

— Хорошо, пусть будет так! А теперь все должны принести жертву сокровенному бо-

жеству, чтобы оно вселило в нас силы для битвы.

Толпа быстро рассеялась по домам, а девять закутанных в антилопьи шкуры жрецов в молчании выстроились у прохода, ведущего за расположенную в центре деревни колючую изгородь. Постепенно из хижин начали появляться туземцы. По одному приближаясь к жрецам, они смиренно передавали им в руки самые разнообразные вещи — шматки гиппопотамова мяса, пучки страусиных перьев, пригоршни сушеных фиников, куски красной и зеленой охры (если последняя вообще бывает на свете), а также свежельовленную из реки рыбу и свежеподстреленных в горах молодых козлов. Жрецы по-прежнему молча принимали дары. За первой колючей изгородью высилась вторая, точно такая же, так что они образовывали своего рода узенькую кривую улочку не более ярда шириной, и с того места, где они стояли, детям было видно, как время от времени один из нагруженных дарами жрецов уходил по этой улочке неведомо куда. Когда он возвращался, в руках у него ничего не было.

— Они совершают жертвоприношения амулету, — прошептала Антея. — Мне кажется, нам лучше последовать их примеру.

Все четверо принялись торопливо рыться по карманам. В результате осмотра обнаружилось: а) один обрывок розовой ленточки, б) один кусок красного сургуча и в) одни почти целые карманные часы с цепочкой, которые Роберт решил разобрать на прошлое Рождество, да так потом и не удосужился собрать воедино

ввиду отсутствия времени и нескольких шестеренок. Впрочем, не будем винить Роберта — у большинства мальчишек часы находятся именно в таком состоянии.

Дети с гордостью вручили свои дары, к которым Антея в последний момент догадалась присовокупить еще и четыре увядшие розы, охранявшему вход в святилище жрецу.

Жрец с благоговением рассматривал невиданные в здешних местах вещи. Особенно его восхитили красные розы и останки карманных часов.

— Вот уж воистину, сегодня день великих свершений! — торжественно произнес он. — У меня в голове больше не осталось места для удивления. Одна из наших девушек сказала, что между нашим и вашим домом царит мир. Но все-таки нам нужно как следует разобраться в вашей причастности к этому неожиданному нападению.

Дети зябко передернули плечами.

— Отвечайте же! Вы на нашей стороне или нет?

— Конечно, на вашей! — вспыхнул Роберт. — Сколько же раз нужно вам это повторять? Послушайте, если вы нам все еще не верите, то я дам вам знамение. Видите эту штуку? — Он вытащил из кармана свой игрушечный пистолет и сунул его под нос жрецу. — Сейчас я поговорю с ним, и если он мне ответит, то это будет вам знаком, что я и все остальные пришли охранять вашу сокровенную святыню, которой, кстати, мы только что принесли жертву.

— Скажи-ка, твой бог, изображение которого ты держишь в руке, будет говорить только с тобой, или же я тоже услышу его голос? — подозрительно осведомился туземец.

— Ты обязательно услышишь его голос, — ответил Роберт. — И, клянусь тебе, ты будешь очень неприятно поражен. Ну ладно, начали!

Он посмотрел на пистолет и, обращаясь к нему, произнес:

— Если мы и вправду пришли сюда, чтобы защищать сокровенную святыню, — он указал на огражденное колючей стеной пространство, — то подтверди это своим громким голосом, и всем останется только подчиниться тебе!

Он нажал на курок, и пистолет выстрелил. Выстрел получился очень громким — недаром пистолет стоил целых два шиллинга, да и пистоны тоже влетели Роберту не в один пенни.

В каменном веке явно не слышали ничего подобного. Все жители деревни, как подкошенные, попадали ничком на песок.

Жрец, благодаря подозрительности которого и произошло это замечательное испытание, первым поднялся на ноги.

— Я слышал голос бога, — сказал он. — Проводите их к месту, где хранится святыня, но ни в коем случае не пускайте дальше прихожей.

Четверых детей повели по кольцевой улочке, образуемой двумя рядами заграждений. Когда они достигли прохода сквозь внутреннюю стену, их пропустили через него и повели по еще одной кольцевой улочке — по-видимому, еще к одному проходу.

Как выяснилось, этот громоздкий (и очень колючий) архитектурный ансамбль имел примерно следующую форму:

— Похоже на зеленый лабиринт в Хэмптон-Корте*, — прошептала Антея.

Узенькие улочки ничем не были защищены от палящего солнца, но когда дети наконец добрались до центрального здания, то увидели, что оно оснащено надежной круглой крышей, немного напоминавшей кардинальскую шапочку, только в отличие от кардинальской шапочки она имела неизбежный для данной местности грязновато-серый окрас. Дверной проем был скрыт занавесом из толстой гиппопотамьей кожи.

— Можете подождать здесь, — сказал их проводник. — Но, во имя ваших молодых жизней, не вздумайте заходить за занавес!

Сам он, очевидно, не очень-то беспокоился о своей жизни, потому что в следующую

* Хэмптон-Корт — знаменитая резиденция английских королей, начиная с Генриха VIII. Всемирно известна своими замечательными садами и парками, в планировке ее принимали участие многие знаменитые художники и архитекторы XVII-XIX вв.

моменту отодвинул занавес в сторону и исчез в черных недрах хижины.

— Послушайте! — тут же зашептал Сирил. — Когда мы проберемся в хижину, кому-то из нас придется оставаться снаружи на тот случай, если вдруг объявится Псаммиад.

— Нет уж, что бы там ни происходило, давайте держаться вместе! — возразила Антея. — Хватит нам и того, что мы потеряли Псаммиада. Тем более, что мы все равно не сможем попасть в хижину, пока там находится этот человек. Я думаю, нам следует вернуться в деревню и посмотреть, что там происходит. Пробраться в хижину мы всегда успеем — тем более что теперь мы знаем дорогу, а этому дикарю, что засел в хижине, волей-неволей придется биться наравне со всеми, когда дело дойдет до драки. А вообще-то, как только мы найдем Псаммиада, нам лучше сразу же отправиться домой. Становится поздно, и мне почему-то очень не хочется ночевать в окружении этих противных колючек.

Они выбрались из лабиринта и объяснили стоявшему на страже жрецу, что будут защищать сокровенную святыню, когда начнется большая битва. А пока у них было достаточно времени пошататься по деревне и увидеть собственными глазами, как первоклассный кремниевых дел мастер высекает, оттачивает и полирует наконечники и топорища туземных боевых орудий. Уверяю вас, что подобной процедуры не доводилось видеть ни одному из людей, живущих в наше время. Туземные боевые орудия надолго завладели вниманием обоих мальчиков. Нужно сказать,

что в те времена люди не пользовались стрелами, какие сейчас пускают из луков на корте, и кремниевые наконечники насаживались в основном на короткие легкие дротики, которые было принято бросать руками. Дротики служили основным оружием людям каменного века и представляли из себя, как я уже говорила, остро заточенные куски кремния, привязанные к небольшим тонким прутьям. В целом они ужасно походили на трости, которые имели обыкновение носить на руке английские джентльмены в те не так уж далекие времена, когда в Лондоне всю процветали грабители и налетчики,— правда, тогда они назывались не дротиками, а «орудиями самообороны». Кроме дротиков, туземцы воевали длинными оборонительными копьями (с теми же кремниевыми наконечниками), кремниевыми (и чрезвычайно острыми) ножами и кремниевыми топорами.

Обитатели деревни ни минуты не сидели без дела, и оттого затянутое двумя колючими поясами пространство напоминало муравейник, на который случайно наступил пьяный лесник. Перед глазами четырех отважных путешественников во времени то и дело мелькали нагруженные разнообразными тяжелыми предметами мужчины и женщины, и только дети, казалось, носились туда-сюда исключительно ради собственного удовольствия.

И тут, абсолютно без всякого предупреждения, все вокруг стало стремительно окрашиваться в красный свет, как если бы кто-то вдруг открыл дверцу гигантской топки (подобное зрелище вы могли наблюдать в Вулидж-

ском Арсенале, если, конечно, вам посчастливилось в нем побывать), а затем столь же внезапно стало темно, как если бы дверца топки быстро захлопнулась. Конечно же, никакой гигантской топки поблизости не присутствовало — это просто зашло солнце, и наступила ночь.

Дело в том, что в восьмитысячелетней давности Египте солнце имело на редкость неприятную привычку закатываться в течение одной с половиной секунды, и я полагаю, что с тех пор оно так и не сумело от этой привычки избавиться. Во всяком случае, рассказы современных путешественников свидетельствуют в пользу этого предположения. Так вот, солнце закатилось, наступила ночь, и маленькая туземка, заботливо набросив детям на плечи по антилопье шкуре, провела их в свою хижину, где им уже была приготовлена постель — а именно, куча самой мягкой осоки, какую только можно было сыскать на этом берегу Нила.

— Мой отец сказал, что ночью они не нападут. Так что спите спокойно! — сказала она.

Эта мысль пришла всем четверым по душе. Вы, наверное, удивитесь тому, что посреди всех этих неприятностей, чреватых опасностью для жизни, дети нашли в себе мужество заснуть. Но дело в том, что, как бы они ни были напуганы столь внезапным поворотом событий, каждый из них чувствовал, что у него внутри теплится (и даже с течением времени разгорается) непоколебимая уверенность в том, что на Псаммиада можно положиться и что в конечном итоге ничего

плохого с ними не случится. Этой уверенности им как раз хватало на то, чтобы справиться со своим испугом и при этом не чувствовать к себе жалости.

— Думаю, нам и впрямь лучше поспать,— сказал Роберт.— Не знаю только, что подумает о нас бедная старая нянечка, когда мы не придем домой ночевать. Наверное, пустит по нашим следам полицию. Вот было бы здорово, если бы они сумели нас найти! Дюжина крепких полисменов очень не помешала бы в нашем нынешнем положении. Да ладно, чего там попусту волноваться! Пока ничего серьезного не происходит,— добавил он успокоительным тоном.— Спокойной ночи!

Все четверо почти сразу же заснули.

Их разбудили громкие, яростные, ужасающие вопли, которые, как им показалось, доносились одновременно со всех сторон. Тысячи глоток надрывались от крика в ночи, и, как позднее выразился Сирил, то были скорее завывания волков, жаждущих крови своих врагов, нежели голоса людей, пусть даже и восьмисотлетней давности.

— Это голоса чужеземцев,— сказала туземная девочка, возникая из кромешной тьмы и прижимаясь к Антее своим дрожащим маленьким телом.— Они попытались атаковать стены, но колючки отбросили их назад. Мой отец говорит, что теперь они не посмеют нападать на нас до самого рассвета. Но они пытаются напугать нас своими криками. Вот идиоты! Они, наверное, считают нас невежественными дикарями наподобие грязных болотных жителей! — возмущенно закончила она.

Всю ночь раздавались вокруг деревни ужасные вопли, но как только солнце, следуя своей дурацкой египетской привычке, выско-чило из дверцы гигантской топки, в стане нападавших воцарилась мертвая тишина.

Едва дети успели обрадоваться тому, что наконец-то наступило относительное спокой-ствие, как из-за высокого колючего огражде-ния на деревню со свистом посыпался град дротиков. Туземцы немедленно попрятались за своими хижинами, но тут дротики посыпа-лись с другой стороны, и им снова пришлось менять укрытия. Набравшись храбрости, Си-рил вытащил засевший в крыше ближайшего дома дротик и принялся внимательно разгля-дывать его. Наконечник этого дротика был сделан из начищенной до блеска меди.

Затем воинственные крики нападавших возобновились, и вскоре к ним прибавился треск сухих колючек. Враг прорывался сквозь внешнее ограждение. Деревенские туземцы всей толпой повалили к месту, откуда раздавались треск и крики, и принялись бросать через ограду острогранные камни и свои короткие тросточ-ки с кремниевыми наконечниками. Никогда в жизни детям еще не приходилось видеть людей, в глазах которых столь явственно горело желание убивать. Зрелище показалась им в равной степени необычным и отврати-тельным. Они почувствовали, как невидимая рука перехватывает им горло, мешая дышать и говорить. Все, что происходило у них перед глазами, никоим образом не напоминало сте-реотипные батальные зарисовки со страниц дешевых иллюстрированных журналов.

Казалось, что обрушившийся на нападавших град камней заставил их отступить, но не успели осажденные как следует перевести дух, как оглушительные вопли и треск колючек послышались с противоположной стороны деревни. Туземцы бросились всей толпой отбивать новый прорыв. Так повторялось несколько раз, и обитателям деревни приходилось беспрестанно носиться то к одной, то к другой осажденной точке, поскольку у них явно не хватало ума на то, чтобы равномерно распределить своих людей по всему периметру ограды.

Сирил обратил внимание на то, что время от времени кто-нибудь из осажденных ненадолго забегал в сплетенный среди деревни колючий лабиринт, и когда он возвращался оттуда, лицо его было исполнено воинской доблести и отваги, а походка — твердости и решимости.

— Полагаю, они заходят в хижину и касаются амулета, — сказал Сирил. — Помните, Псаммиад говорил, что амулет может надевать людей мужеством?

Пробравшись сквозь колючий лабиринт к хижине, дети убедились, что он был прав. Перед загораживавшим вход кожаным занавесом стоял один из жрецов, и как только к нему подходил очередной воин, он шептал ему на ухо какое-то слово, которое дети не могли расслышать, и касался его лба какой-то вещицей, которую они не могли разглядеть. Вещицу эту он держал в правой руке, и сквозь его крепко сжатые пальцы она явственно поблескивала красным.

А на подступах к защитному валу всю продолжала бушевать битва. Внезапно сквозь свист дротиков и грохот падающих камней прорвались отчаянные крики осажденных:

— Они прорвались! Прорвались! Внешние стены пали!

И в ту же секунду жрец исчез внутри хижины.

— Он хочет спрятать амулет! — воскликнула Антея. — О Псаммиад, как мог ты покинуть нас в такую минуту!

Внезапно совсем рядом прозвучал еще один крик ужаса. На этот раз он донесся из священной хижины, а вслед за ним оттуда же выскочил бледный, как мел, туземный жрец. Не глядя по сторонам, он что было сил бросился наутек и вскоре затерялся в недрах колючего лабиринта. Нужно сказать, что в тот момент лица детей были немногим розовее физиономии бедного туземца.

— О Господи, а это-то что еще такое?! — и отчаянно простонала Антея. — О Псаммиад, как ты мог?

Шум сражения то стихал, то возобновлялся снова. Отдельные крики раненых сменялись вспыхивавшей с новой силой какофонией ужасной резни. И все это происходило с равномерностью, свойственной медленно вздымающимся и опадающим океанским волнам.

Антея съежилась в комок от страха и снова запричитала:

— О Псаммиад, Псаммиад!

— Ну что там еще? — вдруг раздался прямо у них под ногами знакомый до боли голос. В тот же самый момент маленькая волосатая лапка

отогнула край кожаного занавеса, и затуманенным от слез взорам детей явились полупрозрачные ушки и улиточки глазки Псаммиада.

Только когда Антея схватила его на руки и крепко-накрепко прижала к груди, дети позволили себе испустить судорожный вздох облегчения.

— Умоляю тебя, скажи, где тут у них восток? — проговорила Антея пулеметной скороговоркой, ибо новая волна сражения подкаtywала все ближе и ближе.

— Ты так меня задушишь! — запротестовал Псаммиад. — Скорее! Заходите в хижину!

Хижина была до отказа заполнена угольно-черной тьмой.

— Подождите, я зажгу спичку! — сказал Роберт и принялся чиркать фосфорной головкой о подошву ботинка.

При свете спички выяснилось, что пол хижины представлял из себя не утоптанную до окаменелости глину пополам с речным илом, а мягкий, сухой и очень приятный наощупь песок.

— Я решил немножко вздремнуть, благо лучшего места для этого не найти во всей этой идиотской деревне, — объяснил Псаммиад. — Скажу вам, за весь месяц, проведенный с вами, я никогда так хорошо не выспался. Не беспокойтесь, теперь с вами будет все в порядке. Я с самого начала знал, что вы сможете стащить амулет, только когда битва будет в самом разгаре. Тот человек, что минуту тому назад чуть не отдал мне правую заднюю лапу, больше не вернется. Я куснул его как следует, и он, наверное, решил, что я какой-

Илибудь злой дух. Так что вам остается лишь
набрать нужную вам вещицу и отправиться
домой.

Стены хижины были сплошь увешаны
шкурами разнообразных животных, а посреди
ее высилась горка поднесенных накануне
жертвоприношений, причем изрядно уже
увядшие антеевы розы гордо венчали ее.
В одном углу хижины стояла огромная, грубо
отесанная каменная глыба, а на ее неровной
поверхности, естественно, лежала продолгова-
тая керамическая шкатулка, вдоль и поперек

испещренная необычно живыми рисунками людей и животных.

— Так, значит, он там? — спросил Сирил, когда Псаммиад указал на шкатулку одним из своих длинных и острых когтей.

— Скорее всего, там, — ответил Псаммиад. — Этот полоумный жрец как раз собирался зарыть шкатулку в песок, когда я набросился на него и укусил в ногу.

— Зажги-ка еще одну спичку, Роберт! — сказала Антея. — Так, а теперь скажи нам поскорее, где находится восток.

— Как где? — удивился Псаммиад. — Конечно же, там, где всходит солнце!

— Но ведь нам в школе говорили, что...

— Вам там еще и не такого наговорят! — нетерпеливо огрызнулся Псаммиад и принялся устраиваться в своей корзинке. Первым делом он, как обычно, закутался с головою в водонепроницаемую клеенку.

— Но нам же отсюда не видно никакого солнца! — взывала Джейн. — Да, к тому же, оно уже давным-давно взошло...

— Ох, как вы любите попусту тратить время! — заворчал Псаммиад. — Ведь даже самому распоследнему идиоту понятно, что восток находится там, где в храмах бывают алтари. Вот ваш восток!

И он указал на каменную глыбу со шкатулкой.

А между тем монотонные удары металла о камень, перемежающиеся громкими криками дерущихся, приближались с каждой минутой. По лихорадочным указаниям, которыми обменивались между собой жрецы, дети поня-

ли, что хранители амулета выстроились кольцом вокруг хижины и приготовились защищать свое сокровище до тех пор, пока живы. Однако после того, как Псаммиад совершил свое дерзкое нападение, никто из них так и не осмелился зайти внутрь.

— А теперь, Джейн, слушай меня внимательно! — быстро заговорил Сирил. — Я пошел за амулетом, а ты будь готова в любой момент поднять свою половинку над головой. Да не забудь повернуться лицом на восток! И вот еще что, не выпускай ее из рук, пока не пройдешь через арку!

Затем он шагнул по направлению к алтарю — но в тот же самый момент наверху раздался треск ломающихся веток, и в хижину хлынул ослепительный поток дневного света! В одном из углов хижины отломился порядочный кусок крыши, и теперь два длинных копыя отпихивали его в сторону. Пока дети щурились и прикрывали глаза ладошками ввиду столь внезапного перехода от темноты к свету, в образовавшееся наверху отверстие просунулись две здоровенные ручищи и одним махом обрушили ближайшую к алтарю стену. Еще не совсем привыкшим к свету глазам детей предстало исполненное злобы темное лицо с широким приплюснутым носом и мутновато-желтыми белками глаз. Даже в этот ужасный момент у Антеи нашлось время подумать о том, что это свирепое лицо было как две капли воды похоже на физиономию мистера Якоба Абсалома, владельца расположенной неподалеку от Чаринг-Кросс ювелирной лавки, у которого она и купила половинку амулета.

— Он здесь, их хваленый амулет, что помогал им храбро сражаться и достойно умирать! — прокаркал резкий, надсаженный в пылу битвы голос. — Но погодите! Тут есть кто-то еще — только никак не могу разобрать, боги это или демоны?

Он свирепо глянул на детей, и белки его глаз, до того бывшие неестественно желтыми, приобрели свой естественный цвет — от бешенства, несомненно. Между зубами у него был зажат мокрый от крови медный кинжал. Нельзя было терять ни секунды.

— Давай, Джейн, быстрее же! — закричали дети во весь голос.

Дрожащими руками Джейн протянула амулет по направлению к алтарю, и Сирил со всей доступной ему в данный момент скоростью произнес слово силы. Амулет немедленно развернулся в огромную арку. По внешней стороне ее замысловатой дуги виднелись сияющее египетское небо, полуразрушенная стена хижины, массивный каменный алтарь и хищное, плосконосое лицо солдафона с зажатым между зубов кинжалом. Внутри же неясно просматривалась блеклая, запыленная, коричневая по краям, но вдруг ставшая по-настоящему желанной зелень трав и крон лондонского Риджент-парка.

— Не выпускай амулета, Джейн! — прокричал Сирил, бросаясь в арку и увлекая за собой Антею с псаммиадовой корзинкой под мышкой. Роберт последовал за ними, крепко держа Джейн за руку. Едва только все четверо (и, конечно же, Псаммиад) прорвались за туманную плёнку, что отделяла прошлое от настоящего, как шум битвы раз и навсегда

смолк у них в ушах, и на смену ему пришло негромкое, невнятное и абсолютно не опасное бормотание огромного старого города, служившее прекрасным аккомпанементом сладкой музыке визгливых воробьиных голосов, ругавшихся на гравиевой дорожке из-за брошенной кем-то хлебной корки, и атональному пению оборванных пролетарских детей, водивших хоровод на желтой, истоптанной бесчисленными ступнями траве.

— Клянусь жизнью, вот это было приключение, так приключение! — сказал Сирил, с трудом переводя дух.

— Кое-что приятное в нем, разумеется, было,— согласился с ним Псаммиад, стряхивая со своей шелковистой шерстки последние крохи египетского песка.

Некоторое время все четверо молча лежали на травке, наслаждаясь тишиной и покоем старого парка.

— Давайте-ка пойдём домой! — наконец предложила Антея.— Старая нянечка, наверное, уже совсем обезумела от страха. Смотрите, солнце стоит примерно на том же самом месте, что и вчера. Значит, нас не было дома вот уже сутки.

— А булочки так до сих пор еще свежие! — удивился Сирил, ощупывая забытую накануне под деревом корзину с едой.— Наверное, с утра была роса, вот они и не успели засохнуть.

Что самое странное, никто из них не чувствовал себя голодным.

Подобрав с травы корзину с обедом и корзину с Псаммиадом, дети отправились домой.

Старая нянечка встретила их громким возгласом удивления.

— Чтоб мне провалиться на месте! — сказала она.— Быстро же вам поднадоел ваш пикничок! Что у вас там опять стряслось?

Дети приняли ее слова за чистой воды иронизирование. Иронизировать — это значит говорить совершенно обратное тому, что думаешь. От этого вашему собеседнику обычно становится очень неприятно. Вспомните, как вам бывало неприятно, когда вы забывали умыться перед обедом и кто-нибудь из взрослых говорил вам: «Смотрите-ка, какой чистю-

ля к нам пожаловал! Так весь и блестит, как начищенный самовар (то есть, кофейник)».

— Простите нас, пожалуйста, но...— начала было Антея, но старая нянечка тут же прервала ее.

— Да что ты, милая моя, какие там извинения! В конце концов, это ваше дело, а не мое. Проходите же поскорее да займитесь чем-нибудь полезным, пока я тушу помидоры.

После того как она удалилась на кухню присматривать за своими помидорами, дети еще долго стояли посреди холла и в недоумении глядели друг на друга. Как могло случиться, думали они, что их старая добрая нянечка вдруг изменилась настолько, что ей стало абсолютно наплевать на то, что их не было дома полных двадцать четыре часа (в которые, кстати, входила и ночь), причем она даже не удосужилась спросить, где же они, собственно, болтались все это время?

Но тут Псаммиад высунул голову из корзинки и произнес:

— Ну, а сейчас-то в чем дело? Вы что, так до сих пор ничего и не поняли? Вы прошли через арку и попали в то же самое время, из которого отправились в прошлое. Так что не волнуйтесь, до завтра еще далеко!

— Так, значит, мы вернулись во вчера?— спросила Джейн.

— Да нет же, Господи, вы вернулись в сегодня! Туда же, где и были все это время. Представляете, какая бы воцарилась неразбериха, если бы все, кому не лень, принялись отрезать куски от прошлого и вставлять их в настоящее?

— Стало быть, все наше приключение не отняло у нас ни секунды времени?

— Если хотите, можете выразиться и так,— сказал Псаммиад.— Я лишь позволю себе уточнить, что оно не отняло у вас ни секунды *реального* времени.

Этим вечером Антея вновь решила облагодетельствовать бедного ученого джентльмена, самолично притащив ему в комнату приготовленный на обед бифштекс. Правда, перед тем ей пришлось спросить разрешения у Беатрис — той самой приходящей горничной, которая подарила ей браслет с синей стеклянной подвеской, ныне (или все-таки в прошлом?) являющийся собственностью маленькой туземной девочки. Ученый джентльмен охотно согласился отведать бифштекса, но при этом попросил Антею рассказать обо всем, что случилось с детьми за прошедший день.

Антея добросовестно пересказала ему пережитое ими приключение.

— Сегодня утром мы отправились в прошлое и оказались на берегу Нила...— начала она, и прошло немало времени, прежде чем она добралась до заключительной фразы: — Тут мы поняли, что нужно скорее возвращаться домой, и — фьюить! — уже снова сидели на травке в Риджент-парке, причем все приключение не отняло у нас ни секунды нашего *реального* времени.

Она ничего не сказала ему о таких запрещенных для разглашения вещах, как амулет или Псаммиад, но и без того рассказ получился настолько замечательным, что ученый джентльмен несколько минут остолбенело сидел в своем

кресле, прежде чем обратиться к ней со следующими словами:

— Знаешь, а ты ведь на редкость удивительная девочка! Кто тебе рассказал обо всем этом?

— Никто,— твердо сказала Антея.— Я все видела собственными глазами.

— Детские фантазии!— медленно произнес ученый джентльмен с таким видом, как будто силился вспомнить какое-то давным-давно позабытое слово.

Когда Антея ушла, он еще долго сидел в кресле. Наконец он вздохнул и заставил себя рывком подняться на ноги.

— Похоже, мне и в самом деле нужно немного отдохнуть,— сказал он.— Что-то у меня с нервами стало не в порядке. Я только что испытал серию совершенно отчетливых и реальных ощущений весьма необычного порядка. Мне пригрезилось, что в мою комнату вошла маленькая девочка с первого этажа и представила мне весьма живую и убедительную картину жизни преддинастического Египта. И что самое странное, картина эта почти ничем не отличалась от моих собственных представлений об этом периоде. Ну и странные же штучки иногда выкидывает наш мозг! Впредь мне следует получше заботиться о своем здоровье.

Затем он добросовестно доел весь оставшийся в тарелке хлеб и перед тем, как снова засесть за работу, отправился на полчаса побродить по вечерним улицам Лондона.

Глава VI

ВРАТА ВАВИЛОНА

*Сколько миль до Вавилона?
Тридцать шесть и шесть.
Сколько дней до Вавилона?
Всех не перечесть!*

Эту песенку Джейн напевала своей кукле, забравшись в специально выстроенный для них двоих домик, с намерением убаюкать ее на ночь. Крышей домику служила столешница обеденного стола, стенами — скатерть и противопылевые накидки, предварительно снятые со стульев и закрепленные по периметру стола посредством тяжелых ученических книг. Ночью служил день.

Остальные дети предавались сомнительным радостям санного спорта. Вы, конечно же, знаете, как устроить тобогган прямо у себя дома — для этого всего-то лишь требуется стащить из буфета самый большой (и по возможности самый красивый) чайный поднос и, усевшись на него с ногами, съехать вниз по лестнице. Лучше всего заниматься этим видом спорта в те дни, когда медные крепежные

прутья уносят в чистку, и ковер держится на лестнице лишь верхним концом, прибитым гвоздями непосредственно к полу. Единственным недостатком этого во всех отношениях замечательного развлечения является то, что оно входит в черный список ненавидимых взрослыми игр,— и старая нянечка, которая, несмотря на очевидные признаки владения в детство, еще сохраняла множество свойственных взрослым предрассудков, не замедлила разогнать импровизированные состязания за-долго до того, как определились первые финалисты. Чайный поднос был водворен обратно в буфет и заперт на замок, а неудавшиеся санные чемпионы понуро отправились в гостиную, горя желанием выместить на ком-нибудь злобу.

Поэтому не удивительно, что, едва завидев построенный Джейн домик, Сирил сказал:

— Черт подери, надо же устроить такой бардак!

А Роберт добавил:

— Да заткнись же ты, Джейн!

И даже Антея, которая была неизменно ласкова по отношению к младшей сестре, не выдержала и посоветовала ей сменить пластинку.

— Эта дурацкая песенка кого угодно с ума сведет! — пояснила она.

День выдался на редкость дождливым, а потому детям пришлось отказаться от очередной вылазки в город с целью поглазеть на что-нибудь удивительное и бесплатное. Все утро каждый из них прокручивал в голове волнующие события предыдущего дня, обру-

шившиеся им на голову после того, как амулет оказался в руках у Джейн и, выполняя ее приказ, обратился в сверкающую арку, сквозь которую четверо наших приятелей проследовали из Риджент-парка (и заодно из нашего времени) в Египетское царство восьмидесятилетней давности. Воспоминания о всем случившемся в египетской деревне были поразительно свежи и весьма неприятны, а потому каждый втайне очень надеялся на то, что никому из остальных больше не взбрет в голову предложить экскурсию в прошлое — и без того после всех вчерашних приключений им еще целую неделю будут сниться кошмары! И в то же самое время никому не хотелось прослыть трусом, а меньше всего Сирилу, который, подобно всем отважным молодым героям, ужасно боялся навлечь на себя хотя бы тень подозрения в приверженности этой человеческой слабости. А потому он сказал:

— Послушайте! Насчет этого амулета... Джейн, а ну, вылезай оттуда! Нам нужно серьезно поговорить.

— Тоже мне, проблема! — сказал Роберт.

Джейн послушно просочилась сквозь плотняные стены своего домика и уселась посреди комнаты. Попутно она пошарила рукой по груди, чтобы убедиться, что амулет все еще находится при ней.

— Да, проблема! — вскинулся Сирил, сбрасывая с себя маску напускной беспечности. Ему показалось, что Роберт был сегодня чересчур груб. (Я вынуждена признать, что у меня сложилось абсолютно такое же впечатле-

ние.) — Нам нужно продолжать поиски. Какой нам прок от первоклассного волшебного амулета, если мы боимся им пользоваться? Это все равно что всю жизнь продержат на привязи чистопородного скакуна.

— Ты же знаешь, что я всегда готов на что угодно,— сказал Роберт. И тут же, из самых что ни на есть рыцарских побуждений, торопливо добавил:— Вот только мне кажется, что девчонки сегодня не очень-то горазды.

— Что до меня, так я готова отправиться куда угодно,— неискренним тоном заявила Антея.— Если вы думаете, что я боюсь, то вы серьезно ошибаетесь.

— А я не готова!— мрачно пробурчала Джейн.— Все это мне очень не нравится — и вообще, *туда* я больше ни за какие коврижки не вернусь!

— Глупышка, кто же тебя заставляет возвращаться именно *туда*? — ответил Сирил.— Отправимся в какое-нибудь другое место...

— Знаю я вас! Наверняка выберете какую-нибудь пустыню со всяческими львами и тиграми.

Вид насмерть перепуганной Джейн изрядно приободрил остальных детей, почувствовавших себя в эту минуту неустрашимыми завоевателями Вселенной. Они наперебой принялись объяснять Джейн, как важно для всех них продолжать поиски.

— Если мы бросим все дело на полдороге, Псаммиад посчитает нас неблагодарными животными,— заключила Антея с оттенком строгости в голосе.

Джейн поднялась на ноги. Судя по всему, она пребывала в полнейшем отчаянии.

— Не хочу! — закричала она. — Нет, нет и нет! И не подходите ко мне! Только попробуйте меня тронуть — я так завизжу, что вы все пооблезаете! А потом пойду и все расскажу нянечке, а заодно еще попрошу ее сжечь амулет в камине. Вот так-то!

Представляете, как тут все разозлились на Джейн?! Еще бы, она, в отличие от всех остальных, и не думала скрывать своего страха! «Теперь-то уж никто не посмеет сказать, что все провалилось *из-за меня*», — одновременно пронеслось в голове у Сирила, Роберта и Антеи, после чего они принялись изо всех сил выказывать Джейн свое неудовольствие по поводу того, что все провалилось *из-за нее*. И от этого они почувствовали себя еще более храбрыми.

*Трусишка зайка серенький
Под елочкой засел.
Ни за какие денежки
Он выйти не хотел,—*

насмешливо пропел Роберт.

— Так всегда бывает, стоит только связаться с девчонками, — произнес Сирил тоном холодного неодобрения, и это прозвучало гораздо обиднее, чем дурацкая припевка Роберта.

Антея же добавила:

— Девчонка девчонке рознь. Я вот, например, не боюсь!

Это было смертельное оскорбление. Джейн подобрала с пола свою куклу и повернулась к остальным. На лице ее было написано то

странноватое выражение, что в книжках называется «бесстрашием отчаяния».

— Мне наплевать! — сказала она. — Ни в какое прошлое я больше с вами не отправлюсь, и все тут! И вообще, глупо оправляться в путешествие, когда тебе этого совсем не хочется, а еще глупее путешествовать, когда не знаешь, куда попадешь. И можете издеваться надо мной, сколько угодно, потому что вы самые настоящие свиньи, и я вас всех ненавижу!

Бросив им в лицо эти ужасные слова, она выскочила из комнаты и оглушительно хлопнула дверью.

Сирил, Роберт и Антея избегали смотреть друг на друга. Сейчас они уже не чувствовали себя такими храбрыми, как минуту тому назад.

Сирил взял со стола книгу, но тут же положил ее обратно ввиду абсолютной неудобочитаемости. Роберт, чьи ноги отличались большей красноречивостью, чем язык, принялся рассеянно пинать ножку стула. Антея же энергично собирала скатерть в складки, причем она с таким усердием пыталась придать складкам одну длину, что можно было подумать, что от этого зависит вся ее дальнейшая жизнь. Рыдания Джейн постепенно замерли в отдалении.

Внезапно Антея сказала:

— Знаете что? Нам нужно пойти на мировую! Бедная милая Кошечка... Она такая несчастная. И, кроме того, она ведь самая младшенькая.

— Но она обозвала нас свиньями! — сказал Роберт, яростно пнув ножку стула.

— Вообще-то,— сказал Сирил, на которого иногда накатывали непродолжительные приступы справедливости,— мы первые начали заедаться. Ты начал, если быть абсолютно точным,— добавил он, когда приступ справедливости кончился.

— Если ты хочешь свалить всю вину на меня, то у тебя ничего не выйдет,— парировал Роберт, и ножка стула опасно затрещала под очередным сокрушительным ударом его ноги.

— Ой, давайте не будем заводиться! — поспешила вмешаться Антея.— Вы же знаете, что мама ужасно не любит, когда мы ссоримся. Идемте к Джейн! Если хотите, я извинюсь первая. Хотя, по правде говоря, как раз я-то ей слова дурного не сказала.

— Ладно, давайте покончим с этим! — энергично воскликнул Сирил, открывая дверь гостиной.— Эй, Кошечка, ты где?

Откуда-то со второго этажа до них донесся прерываемый отчаянными всхлипываниями голос Джейн, наперекор всему распевавшей свою вавилонскую считалочку:

*Сколько миль (шмыг!) до Вавилона?
Тридцать шесть и шесть (шмыг!).
Сколько дней до Вавилона?
Всех (шмыг!) не перечесать!*

Нет ничего отвратительнее, когда занудливые детские считалочки распеваются с явным желанием досадить окружающим. Однако Антея нашла в себе силы не обращать на это внимания, и принялась карабкаться по лестнице, преодолевая зараз по три ступеньки. При такой скорости она чуть было не врезалась

лась в Джейн, которая сидела на последней ступеньке второго этажа и с ожесточением пыталась убаюкать куклу, которая наотрез отказывалась засыпать под такую дикую колыбельную.

— Слушай, Кошечка, давай мириться! Прости нас, пожалуйста, за то, что мы...

Продолжения не потребовалось. Вскоре все четверо уже всю обменивались примирительными поцелуями. Джейн, будучи самой младшей, была назначена распорядителем этой маленькой церемонии.

Однако Антее этого показалось мало, и она обратилась к сестре со следующими словами:

— Прости меня, дорогая Кошечка, за то, что я вела себя по-свински,— сказала она.— Ведь, если говорить по-честному, то в глубине души мне тоже ужасно не хотелось возвращаться в прошлое. Но, с другой стороны,— ты только подумай, милая! — если мы снова туда не отправимся, то никогда не отыщем Амулет, а если мы не отыщем Амулет, то наше заветное желание, чтобы папа, мама и Ягненок живыми-невредимыми вернулись домой, никогда не сбудется! Нам обязательно нужно попасть в прошлое, но если хочешь, мы можем подождать денек-другой, чтобы ты успела набраться храбрости.

— Вот что я вам скажу: сырое мясо в одну секунду делает храбрецом самого распоследнего труса,— сказал Роберт, желая показать, что больше не держит ни на кого зла.— Или можно попробовать клюкву. Как известно, татарам удалось завоевать полмира, и все потому, что они ели одну клюкву. Хотя нет, клюква бывает только на Рождество, но я се-

годня же попрошу нянечку, чтобы она подавала тебе исключительно сырые бифштексы.

— Знаешь, я как-нибудь без этого справлюсь,— поспешно сказала Джейн, которая не могла выносить недожаренного мяса.— Во всяком случае, попытаюсь.

В этот момент дверь в комнату ученого джентльмена отворилась, и на пороге показался он сам собственной персоной.

— Простите,— сказал он своим негромким, приятным и очень ученым голосом,— но мне показалось, что я услышал дорогое моему сердцу слово. Вы, случайно, не пели пару минут тому назад какую-то печальную балладу о Вавилоне?

— Нет,— бодро отвечивал ему Роберт.— Джейн тут распевала что-то насчет того, сколько получится дней, если в них обратить тридцать шесть и шесть миль, а что она была печальна, так это...

Он собирался сказать «сухая ерунда», но Антея успела вовремя ущипнуть его за руку, и он ограничился неопределенным мычанием.

— К несчастью, мне не удалось полностью расслышать слова,— продолжал ученый джентльмен.— Не могли бы вы еще раз исполнить эту вещь?

Дети дружно грянули:

*Сколько миль до Вавилона?
Тридцать шесть и шесть.
Сколько дней до Вавилона?
Всех не перечесть!*

— Как бы я хотел побывать в Вавилоне! — с мечтательным вздохом произнес ученый джентльмен.

— А что, разве нельзя? — удивилась Джейн.

— Вавилон был разрушен давным-давно, — еще раз вздохнув, ответил ученый джентльмен. — Когда-то он был самым большим и красивым городом на свете, в нем процветали науки и искусства — а теперь от него остались одни руины, да и те лежат настолько глубоко под землей, что люди даже приблизительно не могут установить его местоположение.

Он стоял, облокотившись о перила лестницы, и глаза его застлала странная мерцающая дымка — расплывчатое отражение стародавнего Вавилона, явившегося ему во всей своей былой славе и величии.

— Послушайте! — прервал его грезы Сирил. — Надеюсь, вы помните амулет, который мы вам недавно показывали? На нем еще есть имя, которое вы нас научили произносить. Помните?

— Конечно!

— А вот как вы думаете, мог ли этот амулет когда-либо побывать в Вавилоне?

— Вполне возможно, — ответил ученый джентльмен. — Подобные амулеты находили в египетских гробницах самого раннего периода, но никто и никогда не утверждал, что они имеют египетское происхождение. Их вполне могли завести туда из Азии. Или же, если предположить, что амулет был все-таки египетским, он мог попасть в Вавилон сотней различных способов: либо как подарок, переданный через послов тамошнему владыке, либо как военный трофей, захваченный вавилонской армией в войне с Египтом. Надпись

же, скорее всего, была сделана гораздо позднее. А что, неплохая придумка! Вдруг ваш драгоценный артефакт и впрямь когда-то хранился за неприступными стенами Вавилона?

Дети заинтригованно переглянулись, а потом Джейн сказала:

— Скажите, а древние вавилонцы были такими же дикарями, как древние египетцы? Они тоже постоянно дрались и швырялись первым, что под руку попадет? — Пусть Джейн и не слишком хорошо разбиралась в названиях древних народов, но овладевшие всеми четверыми детьми опасения она передала абсолютно верно.

— Да что вы! Своим добронравием вавилоняне превосходили даже ассирийцев, — ответил ученый джентльмен. — И, конечно же, их ни в коем случае нельзя назвать дикарями. Они достигли необычайно высокого уровня развития. — Он окинул свою аудиторию критическим взглядом и продолжал: — Я имею в виду, у них были прекрасные дворцы, статуи и ювелирные украшения. Кроме того, они были ужасно учеными — они строили гигантские библиотеки и возводили высокие башни для астрономических и астрологических наблюдений.

— Чего-чего? — переспросил Роберт.

— Ну, то есть, они наблюдали за звездами и умели предсказывать судьбу, — пояснил ученый джентльмен. — А еще у них были роскошные храмы и просто потрясающие висячие сады...

-- Знаете, если вы не против, то я, пожалуй, отправлюсь с вами в Вавилон, — вдруг

выпала Джейн, и остальные дети поспешили по весь голос заорать «Решено!», пока она не передумала.

— Ах! — сказал, печально улыбаясь, ученый джентльмен. — Когда я был таким же молодым, как вы, куда только не уносила меня моя фантазия! — Он снова вздохнул, а потом, вспомнив о своей как всегда не терпящей отлагательства работе, скрылся за дверью, сказав детям на прощанье: — Что ж, желаю вам хорошенько протрезвиться... э-э-э... то есть, порезвиться.

— Эти взрослые иногда ни с того ни с сего начинают забывать родной язык, — сказал Сирил, когда дверь за ним затворилась. — Ну ладно, хватаем Псаммиада — и вперед! Сдается мне, что Вавилон нам просто до ужаса понравится!

Они разбудили Псаммиада и посадили его в плетеную корзину, обложив ее изнутри подонепроницаемой клеенкой на тот случай, если в Вавилоне выдастся дождливая погода. Песчаный Эльф был ужасно недоволен тем, что его потревожили, но против путешествия в Вавилон возражать не стал.

— Я слышал, там на редкость качественный песок, — заметил он.

Затем Джейн подняла амулет над головой, а Сирил сказал:

— Мы хотим отправиться в Вавилон и поискать там твою утерянную половинку. Будь так любезен, позволь нам пройти туда сквозь тебя.

— Но только, пожалуйста, сделай так, чтобы мы оказались где-нибудь неподалеку от

Вавилона,— поспешно добавила Джейн.— Мы сначала поглядимся на месте, и если Вавилон нам не понравится, мы тут же вернемся назад.

— Вы тут целый день собрались торчать? — ворчливо осведомился Псаммиад.

Антея поспешно выступила вперед и произнесла имя силы, без которого амулет годился разве что на закладку в школьном учебнике.

— *Ур-Гекау-Сетчех!*

Не успел последний слог замереть у нее на устах, как амулет превратился в огромную арку, вершина которой доходила до потолка спальни. Как и прежде, зрелище выдалось потрясающим: снаружи арку обрамляли киддерминстеровский ковер, массивный крашотный буфет, медный, разрисованный ивовыми ветвями умывальник, потускневшие от времени занавески, давно не беленный потолок и, вообще, вся та унылая атмосфера, что так свойственна человеческому жилью в ненастный день,— зато внутри ослепительно сверкали на солнце изумрудная листва и диковинные белоснежные цветы. Дети счастливой толпой повалили через арку. Даже Джейн в конце концов убедилась, что на сей раз им не грозят ни львы, ни гиппопотамы, а потому сжимала амулет, как красноармеец сжимает штык,— недрогнувшей рукой. Пропустив Сирила, Роберта и Антею, она проскользнула через арку сама и снова повесила вмиг сжавшийся до обычных размеров амулет себе на шею.

Дети стояли под неизвестной породы фруктовом деревом, на нестерпимо зеленой листве которого ярко проступали белые цветы. Рядом

виделось несметное множество точно таких же деревьев, из чего дети справедливо заключили, что попали во фруктовый сад. У них под ногами расстилался мягкий ковер изумрудной травы, по которому вились узоры из лилий, крокусов и неведомых голубых цветов, а над головами радостно распевали дрозды и малиновки. Откуда-то издалека доносилось нежное воркование голубей.

— О, какое замечательное место! — воскликнула Антея. — Смотрите, здесь все почти такое же, как у нас дома — я имею в виду, в Англии, — только гораздо голубее, зеленее и более. А уж цветы-то какие громадные!

Мальчики сдержанно подтвердили, что здесь и в самом деле весьма недурно, и даже Джейн не могла не признать, что все вокруг было по-настоящему волшебным.

— Могу поклясться, что уж здесь-то нам точно нечего бояться, — сказала Антея.

А я так в этом не уверена, — осторожно заметила Джейн. — Может быть, я и не права, но мне кажется, что фруктовые деревья спокойно растут себе даже тогда, когда люди всюю убивают друг друга. И мне нисколько не нравится эта штука, которую ученый Джептльмен называл «висячими садами». А вдруг это такие специальные сады, где висят люди, и они потом висят там, покувши не истлеют? Вот ужас-то!

Да успокойся ты, глупышка! — сказал Сирил. — Ты что, учебника по истории ни разу не читала? Висячие сады — это обыкновенные фруктовые сады, только они подвешены на цепях между домами — ну, вроде детских ко-

лыбелек. Ладно, пойдете! Не вечно же нам тут прохлаждаться.

Дети побрели по высокой росистой траве. Насколько хватало глаз, вокруг были деревья, одни только деревья и ничего кроме деревьев. А когда сад наконец кончился, непосредственно за ним начался другой. От первого его отделяла лишь узенькая полоска воды — кристально чистый поток лениво нес свои воды по прямому, как стрела, руслу. Дети перепрыгнули через него и зашагали дальше. Сирил, прославивший среди домашних заядлым садоводом (и правда, ему очень нравилось наблюдать за работой садовника) сыскал себе немалое уважение в глазах остальных, по ходу дела объясняя, как называется то или иное встреченное ими дерево. А встречались им такие удивительные вещи, как орешник, миндаль, абрикос и даже фиговое дерево с огромными пятипалыми листьями (в фигу, к счастью, не сложенными). И через каждую сотню-другую шагов им приходилось перепрыгивать через крохотные ручейки.

— Похоже на квадраты из «Алисы в Зазеркалье», — прокомментировала этот странный природный феномен Антея.

Наконец они добрались до сада, который в корне отличался от своих предшественников. А именно, в дальнем его конце имелось низенькое кирпичное здание.

— Это виноград! — торжественно объявил Сирил, указывая на спеющие на солнце грозди. — А все это место целиком называется виноградником. Я ничуть ни удивлюсь, если

В этом глинобитном сарае мы найдем... э-э-э, как там его?.. давяльный пресс.

Бесконечная череда садов осталась позади, и теперь они шагали по дороге. Это была самая странная дорога из тех, какие им довелось повидать на своем коротком веку: она почти целиком состояла из выбоин да колдобин, а по бокам ее густо росли кипарисы, акации и какие-то чрезвычайно запутанные кусты, с виду немного похожие на тамариск, который вы наверняка не раз встречали, путешествуя во время летних каникул между Ниццей и Каннами (если же вам еще не доводилось выезжать за границу, то попробуйте поискать его около Литлхэмптона).

Вскоре перед ними замаячили силуэты домов. Это были прочные на вид строения из камня и дерева, в беспорядке разбросанные посреди монолитной зеленой массы садов. Постепенно они стали попадаться все чаще и чаще — и вот уже далеко впереди начала вырастать темная полоска ограждавшей город стены. При ближайшем рассмотрении стена оказалась необычайно высокой — пожалуй, она даже превосходила размерами собор Св. Павла, выше которого, как известно каждому англичанину, вообще ничего не бывает. По всему периметру стены имелись огромной величины ворота, отливавшие золотом в лучах восходящего солнца. По обеим сторонам ворот из стены выдавались квадратные сторожевые башни. А за стеной начиналась целая россыпь невиданных по красоте зданий, переливавшихся на солнце всеми оттенками золота и лазури. Невдалеке величаво несла свои голу-

бовато-стальные воды река. Заглянув в ближайший просвет между деревьями, дети обнаружили, что она вытекает из города через широченную арку в стене и исчезает где-то в невообразимой дали.

— А эти штуки с перьями на макушке называются пальмами,— сказал неугомонный Сирил.

— Ну ладно, раз уж ты все на свете знаешь,— не выдержал Роберт,— то скажи-ка, как называется вон та серо-буро-малиновая чертовщина? Да не туда смотришь — левее, где один песок да колючки!

— Знаешь что? — высокомерно ответил Сирил.— Я ведь, кажется, никому не навязывался. Просто я подумал, что когда вы увидите пальму в следующий раз, вам же будет лучше, если вы сразу узнаете ее и не будете стоять, разинув рты, как стадо баранов.

— Смотрите! — вдруг (и, нужно сказать, весьма кстати) закричала Антея.— Ворота открываются!

И действительно, ближайšie к детям ворота вдруг качнулись и с оглушительным металлическим скрежетом откинулись назад. В тот же самый момент на дорогу откуда ни возьмись высыпала разношерстная толпа людей и быстро направилась к воротам.

Не сговариваясь, дети со всех ног устремились за стоявший поблизости тамарисковый куст.

— Что-то не нравятся мне эти скрипучие ворота,— пожаловалась Джейн.— А вдруг они их возьмут, да и закроют, когда мы будем внутри. Нам же оттуда никогда не выбраться!

Ты всегда можешь выбраться откуда угодно через ворота, которые висят у тебя на шее, — напомнил ей Псаммиад, высовывая голову из корзины. — И вообще, хватит тебе пугаться по поводу и без повода! На вашем месте я бы тотчас же отправился в город и попросил аудиенции у тамошнего короля.

Все, что бы ни говорил Псаммиад, было простым и великим одновременно. Во всяком случае, его предложение пришлось всем по душе.

А потому когда толпа простолюдинов (а в том, что это были простолюдины, дети ни секунды не сомневались, — согласитесь, что длинные голубые и желтые рубахи плюс отсутствие всякой обуви на ногах является *очень простым* одеянием) скрылась за стенами города, дети храбро последовали за ними. Искоре им пришлось воочию убедиться в прочности вавилонских стен — они были настолько толстыми, что ведущая в город арка скорее напоминала железнодорожный туннель.

— Спокойствие! — воскликнул Сирил, когда они оказались перед самыми воротами. — Что это вы запереминались на месте? И нечего прятаться мне за спину. Да не бойтесь же вы! Вперед!

Его слова возымели на Роберта самое неожиданное действие: он запрокинул голову к небу, разинул рот и во всю глотку завопил «Марш английских гренадеров». Вот так и получилось, что дети прибыли к воротам Вавилона под душераздирающее робертово пение:

*Забудьте Александра,
Забудьте Геркулеса,
Партокла и Лисангра
И прочих древних бесов!
Мы — славные ребята
И грекам не уступим... и т.д.*

Дети уже совсем было собрались ступить под темные своды ведущей в город арки, как вдруг два воина в надраенных до зеркальности кольчугах загородили им путь скрещенными копьями.

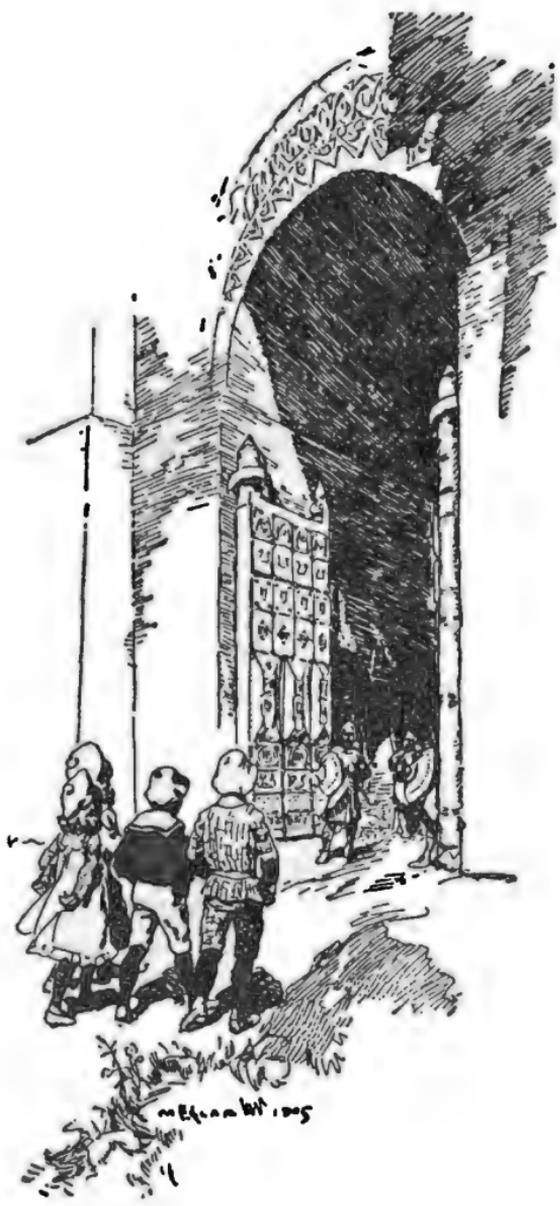
— Кто идет? — в один голос рякнули они. (Кажется, я уже объясняла вам, каким образом получилось так, что дети могли свободно понимать все, что бы им не говорили в том месте, куда их перенесет амулет. Естественно, их самих тоже могла понимать каждая завалящая ящерица. Так вот, если я не успела вам всего этого объяснить раньше, то уж теперь у меня и вовсе нет времени на такие глупости.)

— Мы проделали долгий путь, — завел Сирил старую песню. — Мы пришли из Великой Западной империи, где никогда не заходит солнце, и желаем видеть вашего короля.

— Если, конечно, он пожелает нас принять, — торопливо добавила Антея.

— Наш король, да живет он вечно, отправился в соседнее царство за своей четырнадцатой женой, — ответил капитан стражников. — Неужели на земле еще остались такие места, где об этом не знают? Так откуда, говорите, вы пожаловали?

— Тогда мы хотим видеть королеву! — заторопилась Антея, оставляя без внимания последний вопрос.

— Наша королева, да живет она вечно, сегодня начинает прием в три часа после восхода солнца, — отчеканил капитан.

— Интересно, а что же вы нам прикажете делать все эти три часа? — поинтересовался Сирил.

Судя по всему, стражнику было в высшей степени наплевать, чем они будут заниматься, лишь бы это происходило вне городских стен. Он грозно надулся и принялся смотреть сквозь детей на дорогу. Однако его напарник оказался более человечным — он убрал в сторону копье и обратился к своему начальнику со следующими словами:

— Да чего там, пусть заходят! Хоть на город поглазеют. Готов поспорить на свою самую длинную и острую саблю, что они в жизни не видали ничего похожего на нашу старую деревушку.

Естественно, что последние слова были произнесены тем усталым тоном, каким всякие пажоны называют Атлантический океан «ледочной лужей».

Капитан стражников заколебался.

— Да ладно вам! В конце концов, они же всего лишь дети, — продолжал настаивать на своем его напарник, у которого дома имелась целая орава собственных сорванцов. — Знаете что, капитан, отпустите меня на пару-тройку минут, и я сведу их к своей женошке. Она подыщет им какую-нибудь одежонку, а то если они выйдут в город в этих заграничных лохмотьях, на них еще, пожалуй, сбегутся глазеть, как на каких-нибудь нубийских обезьян. Ну так что, можно мне отлучиться?

— Валяй, коли охота,— сказал капитан.— Но только не слоняйся там целый день.

Стражник провел детей через угольно-черный туннель в город. Вавилон оказался абсолютно непохожим на Лондон. И самое разительное отличие заключалось в том, что, в отличие от Лондона, который застроен без всякой планировки и скорее напоминает не в меру разросшийся курятник, вавилонские жилища были возведены с чувством, толком и расстановкой. Не то чтобы все они были на одно лицо (напротив, несмотря на свойственную им в целом гробовидность, они сильно различались размерами и окраской), просто каждое из этих больших и маленьких, кричаще ярких и изысканно неприметных зданий, казалось, впитало в себя частичку души сотворившего их человека. В этом городе хватало места и зеленым лужайкам, и цветущим садам, и широким балконам и даже совсем уж никчемным пустырям, заросшим подозрительного вида кустарником.

Стражник привел детей в маленький домик, расположенный на задворках города. На пороге дома сидела, склонившись над вязанием, весьма добродушного вида женщина. У нее за спиной, в дверном проеме, не было видно ничего, кроме абсолютной темноты.

— Послушай-ка! — сказал стражник, обращаясь к женщине.— Поройся в кладовке и выдай каждому из этих маленьких оборванцев по накидке, чтобы они могли спокойно побродить по городу, пока у королевы не начнутся часы аудиенции. Да оставь ты хотя бы на минутку свой дурацкий клубок! Лучше

покажи нашим гостям город, а то мне уже надо бежать.

Женщина послушно отложила в сторону клубок шерсти, и через несколько минут четверо наших приятелей, завернувшись в порядком-таки измятые накидки, шествовали за ней по улицам Вавилона. О, как бы мне хотелось выкроить хотя бы немножко времени, чтобы описать вам все величие этого города! Готова поспорить, что вашим глазам ни разу в жизни не представало такого волшебного зрелища (и, боюсь, вряд ли когда-либо предстанет). Стены домов ослепительно сверкали на солнце, причем большинство из них были сверху донизу покрыты изумительной красоты фресками. Двери были окружены резными орнаментами, а подъездные аллеи охраняли грозные каменные львы. Что же до людей, то там вы бы не встретили ни затянутого в черный сюртук зануды-адвоката, ни облаченного в выцветшие шерстяные рубашку и брюки весельчака-мастерового, из которых, как известно, почти целиком и состоит население Лондона. Нет, вавилонские жители носили яркие, красивые одежды, и людская толпа там пестрела буйными оттенками синего, алого, зеленого и желтого цветов.

А уж вавилонский рынок вообще не шел ни в какое сравнение с рынками современных городов. Там имелись лотки со всеми товарами, какие только можно пожелать (а вы наверняка знаете, как часто приходится нам сегодня гоняться за вещами, которые по большому счету нам вовсе не нужны). Там были тележки, доверху груженные персиками и ананаса-

ни, прилавки с необычайно изящной фаянсовой и стеклянной посудой, браслетами, ожерельями, брошками, мехами, тканями и вязаниями. Даже в «Либертиз» дети не видали ничего подобного!

Время летело настолько быстро, что дети порядно удивились, когда сопровождавшая их женщина вдруг произнесла:

— Нам уже пора. Если вы хотите попасть в начале аудиенции, давайте пробираться в сторону дворца. У нас тут не принято опаздывать.

Они почти бежали по запруженным праздничной толпой улицам. Однако, когда они ступили на дворцовую площадь, каждый из них (исключая, конечно, добрую женщину) замер на месте от восхищения.

Действительно, на дворец стоило посмотреть: он предстал перед детьми, как некий волшебный гобелен, расшитый золотом и серебром, а потом еще изукрашенный всеми цветами радуги, включая черный и белый. Пролет за пролетом вздымалась к его основанию широкая мраморная лестница, а по краям ее красовались огромные, в двадцать раз выше человеческого роста, каменные изваяния — скульптуры, изображавшие людей с отливающими позолотой чешуйчатыми крыльями иistreбиными или собачьими головами. То были статуи великих вавилонских королей.

Между пролетами этой гигантской лестницы имелись соответствующей величины террасы, где поигрывали на солнце струями прохладные фонтаны, а вдоль ее ступеней выстроились двумя рядами облаченные во

произнеси имя силы плюс соответствующее желание, и амулет в мановение ока выудит меня хоть с края света.

— Нет уж, лучше я пойду с тобой! — во весь голос заявила Джейн. И, нужно вам сказать, это была самая удивительная вещь, которую ей доводилось говорить на протяжении всей своей жизни.

Немудрено, что при этих ее словах Сирил, Роберт и Антея, начисто забыв о приличиях, застыли на месте с разинутыми ртами. Антея, которая в тот момент по какой-то надобности заглянула в корзину, позднее уверяла, что рот Псаммиада был разинут гораздо шире, чем у всех остальных.

— И нечего на меня пялиться! — продолжала между тем Джейн. — Если Псаммиад не хочет связываться со всякими там королевами, то я тоже не хочу. Кроме того, нужно же кому-нибудь быть рядом с ним на случай какой-нибудь непредвиденной опасности!

— Может быть, ты и права, — задумчиво отвечали ей все еще немного оторопелые дети, решив, что в случае «какой-нибудь непредвиденной опасности» Псаммиад сумеет постоять не только за себя, но и за нее.

Так что Джейн повернулась к жене стражника и сказала:

— Можно мне пойти к вам домой и поиграть с вашими маленькими дочурками, пока остальные будут разговаривать с королевой?

— Конечно же, мое золотце! — умильным голосом ответила добрая женщина.

Антея торопливо погладила Псаммиада по шерстке, приобняла Джейн, и та, одной рукой

все белое и красное королевские гвардейцы с саблями наголо. Наверху, у широченной и высоченной дворцовой двери, выстроились личные телохранители королевы, издалека немного напоминавшие облитых золотой краской фазанов, вышедших погреться на солнышке.

По образованному гвардейцами проходу поднимались толпы людей, желавших добиться королевской аудиенции — богатые леди в отделанных бриллиантами и кружевами нарядах, модники с крашеными и завитыми бородами и простолюдины в поношенной и неприметной одежде.

Вот с этой-то толпой и смешались Сирил, Роберт, Антея и Джейн.

У самых дворцовых дверей Псаммиад осторожно высунул один глаз из корзины и прошептал:

— Знаете, я не очень-то люблю общаться с королевами. Я лучше вернусь домой к этой доброй леди. Уверен, что если вы ее хорошенько попросите, она непременно раздобудет мне превосходного вавилонского песка.

— О, пожалуйста, не оставляй нас одних! — взмолилась Джейн.

А добрая леди, между тем, давала Антее последние наставления в дворцовом этикете и совершенно не слышала проистекавшего у нее за спиной разговора.

— Господи, да что ты всего боишься? — в отчаянии закричал на Джейн Псаммиад. — Зачем, по-твоему, у тебя на шее висит этот (чрезвычайно волшебный, кстати) брелок? Если тебе захочется, чтобы я был с вами,

крепко вцепившись в руку стражниковой жёнушки и повесив на другую сумку с Псаммиадам, с самым что ни на есть довольным видом зашагала вниз по лестнице.

Сирил, Роберт и Антея стояли, провожая её глазами, до тех пор, пока она вместе с женщиной и корзинкой не затерялась посреди буйного разноцветья толпы. Затем Антея повернулась к дворцовым воротам и решительным тоном произнесла:

— Нужно найти привратника и попросить его позаботиться о наших вавилонских одеждах.

Они сняли выданные им стражниковой жёной грубоватые накидки и, оставшись в своих вызывающе английских бриджах, шляпах и башмаках (Антея, естественно, осталась ещё и в вызывающе английском платъице), принялись пробираться вперед сквозь плотные ряды теснившихся у входа просителей.

— Мы хотим видеть королеву! — заунывно распевал Сирил. — Мы прибыли из Великой Западной империи, где никогда не заходит солнце.

Толпа возбужденно зашевелилась. Со всех сторон на детей посыпались возгласы изумления и, пожалуй, даже испуга. Стоявший у самых ворот привратник принялся что-то лихорадочно нашептывать на ухо угольно-черному джентльмену в белом тюрбане, а тот, в свою очередь, передал сообщение дальше, так что вся эта церемония очень сильно напомнила детям игру в «глухие телефончики». Наконец на красных мраморных ступенях, уводивших куда-то вглубь дворца, показался какой-то здоровен-

ний, до блеска надраенный и до костей выбритый стражник. Окинув детей свирепым взглядом, он приказал им взбираться наверх.

Дети принялись карабкаться по ступенькам, причем робертовы ботинки, неизменно служившие глашатаем его внутреннего состояния, на этот раз грохотали гораздо сильнее обычного. Он явно нервничал. Наверху детей ожидали еще одна дверь и плотные пурпурные шторы. Преодолев оба вышеуказанных препятствия, дети оказались в огромном зале, до отказа заполоненном согнувшимися в три погибели людьми в невероятно роскошных одеяниях, на каждое из которых наверняка ушло по крайней мере по восемь фунтов золота и бриллиантов. Посреди этого сборища придворных золотонош имелся ровный, как стрела, проход, соединявший входные двери непосредственно со ступеньками трона. Дети как можно быстрее засеменили по нему, потому что навстречу им уже летел прекрасный, мягкий и очень добрый женский голос.

— Трое детей из страны, где никогда не садится солнце! Оставьте свои страхи и подойдите поближе!

В следующую секунду все трое детей из страны, где никогда не садится солнце, уже лежали на ступенях трона и изо всех сил, как их и учила добрая жена стражника, вопили: «Да живет вечно великая королева!», а великая королева, оказавшаяся прекрасной молодой леди, состоящей по большей части из золота, серебра, бриллиантов и ослепительно-белых воздушных вуалей, нежно подымала Антею на ноги, приговаривая следующее:

— О, только не бойтесь, пожалуйста! Я так рада, что вы заглянули в наши края. Подумать только, страна, где никогда не заходит солнце! Вы просто молодцы, что пришли! Я уж было совсем померла от скуки в этой позолоченной клетке.

А в это время за спиной все еще колени-преклоненного Роберта раздался отчаянный шепот Сирила:

— Бобс, только ничего не говори Антее! Не следует расстраивать ее в такой момент, но мы, как последние идиоты, не спросили у жены стражника, где нам потом искать их с Джейн. И с Псаммиадом, естественно.

— Да брось ты! — беззаботно откликнулся Роберт. — Стоит нам только пожелать, и амулет в тот же момент доставит их к нам. Он же сам так сказал! Все будет в полном порядке.

— Еще бы! — проворчал Сирил, стараясь придать своему шепоту максимально саркастический настрой. — У нас уже все в полном порядке! Можно сказать, что мы получили все, что хотели. Вот еще бы где-нибудь достать хотя бы одну половинку амулета.

Тут до Роберта дошло, и под сводами парадного зала одного из самых великолепных дворцов, которые когда-либо возводили человеческие руки, громко и отчетливо прозвучал ряд прозаических английских ругательств.

Вообще-то, ругательств прозвучало три, и я приведу их в строго хронологическом порядке:

1. «*Черт побери!*» — сказал Роберт, до которого дошло.

2. «*Амулет-то остался у Джейн, безмозглый ты идиот!*» — сказал Сирил, который не понял, что до Роберта дошло.

3. «*Черт побери!*» — повторил Роберт, который понял, что Сирил не понял, что до него дошло.

**«МРАЧНОЕ УЗИЛИЩЕ
ПОД КРЕПОСТНЫМ РВОМ»**

Королева стащила с трона три расшитые золотом бархатные подушки и бросила их на мраморные ступени.

— Присаживайтесь и почувствуйте себя как дома,— сказала она.— Мне просто ужас как хочется поболтать с вами и узнать все о вашей замечательной стране, где никогда не заходит солнце, но дело в том, что каждое утро мне предписано... как это?.. ага, вершить правосудие! Вот скучища-то, скажу я вам! А у вас на родине принято каждое утро вершить правосудие?

— Вообще-то, нет,— чистосердечно признался Сирил.— По крайней мере, публично. Но между собой мы постоянно разбираемся.

— О, как я вас понимаю!— воскликнула королева.— Я бы тоже с удовольствием занималась этим в кругу друзей, да против общественного мнения не попрешь! И вообще, вершить правосудие — на редкость тяжелая работа, даже если тебя всю жизнь специально этому учили.

— Нас не заставляют вершить правосудие, но зато мы с Джейн обязаны, как заведенные, долбить гаммы,— сказала Антея.— Представляете, по двадцать минут каждое утро! От этого можно свихнуться!

— А что такое «гаммы»? Зачем их долбить? И что такое Джейн? — тут же завелась королева.

— Джейн — это моя младшая сестричка,— ответила Антея.— Она сейчас в гостях у стражниковой жены. А гаммы — это такая штука, из которой получается музыка.

— Никогда не слыхала о таком музыкальном инструменте,— сказала королева.— Вы поете?

— О, да. Более того, мы умеем петь на четыре голоса,— похвасталась Антея.

— Это уж точно колдовство! — заявила королева.— Ты хочешь сказать, что у каждого из нас по четыре глотки — или, может быть, перед тем, как петь, вас разрезают на четыре части?

— Да нет же, никто нас не разрезает,— поспешно объяснил Роберт.— Как же мы тогда могли бы петь? Знаете, лучше мы вам как-нибудь потом споем, и вы все сами увидите.

— Я запомнила ваше обещание! Ну ладно, а теперь будьте маленькими дорогушами и посидите несколько минут спокойно. Заодно и увидите, как я вершу правосудие. Уверяю вас, это редкое зрелище, и никто еще не оставался недовольным. Вообще-то я не должна так говорить, потому что это очень похоже на хвастовство, правда? Но у меня почему-то такое чувство, что я знаю вас уже много-много лет.

С этими словами королева, важно надув губы, усслась на троне и сделала знак слугам запу-

скать жалобщиков. Дети же, расположившись на мягких подушках у подножия трона, принялись шепотом делиться своими впечатлениями о королеве. В конце концов они согласились в том, что она была прекрасна и очень добра, но вместе с тем немножко сумасбродна.

Первой искательницей справедливости оказалась женщина, чей брат прикарманил оставленные ей покойным отцом деньги. Брат изо всех сил отпирался и уверял, что деньги прикарманил вовсе не он, а их совместный с сестрой дядя. Дядя, естественно, утверждал обратное. Все три стороны бесконечно обливали друг друга бранью, и дети уже начали было откровенно скучать, как вдруг королева громко хлопнула в ладоши и приказала:

— Бросить обоих ответчиков в темницу и держать их там до тех пор, пока один из них не признается, что оговорил другого.

— А если они вдруг оба сделают это? — не удержался Сирил.

— Тогда тюрьма — самое подходящее место для них обоих, — надменно ответила королева.

— А если ни тот, ни другой не признается?

— Этого не может быть, — быстро сказала королева. — Если деньги пропали, значит их кто-то взял. И вообще, я же просила вас сидеть тихо!

Затем пришла еще одна женщина — в слезах, порванной вуалетке и с самым что ни на есть настоящим пеплом на голове (по крайней мере, так решила Антея, хотя, сказать по правде, это могла быть всего лишь обыкновенная дорожная пыль). Она принялась горько жаловаться на то, что ее мужа посадили в тюрьму.

— За что? — спросила королева.

— Его обвинили в злословии в адрес Вашего Величества,— ответила стенающая леди.— Но это сущее вранье. Просто кто-то из его врагов решил оклеветать его, а судьи и поверили.

— А ты-то откуда знаешь, что он не говорил обо мне ничего плохого? — поинтересовалась королева.

— У того, кто хоть раз в жизни видел ваше прекрасное и доброе лицо, просто язык не поднимется сказать о вас плохо,— убежденно заявила женщина.— А мой муж видел вас дважды. Правда, издали.

— Освободите этого человека! — сказала улыбающаяся королева.— Следующий!

Следующим оказался маленький мальчик, которого обвиняли в краже лисы. («Совсем как спартанского юношу»,— подумал еще Роберт). Однако королева рассудила, что, даже если ей придется не по разу перешарить весь необъятный свод вавилонских законов, то она вряд ли сумеет найти там основание, по которому можно причислить лису к разряду частной собственности. А раз лиса не является частной собственностью, то как же ее можно украсть? Кроме того, она отказалась поверить в то, что в Вавилоне вообще водятся лисы — по крайней мере, за всю свою жизнь ей не доводилось встречать ни одной. Так что в конце концов мальчика отпустили с миром (и лисой).

Люди приходили к королеве со всякого рода семейными дразгами и соседскими разборками — начиная с драки, случившейся между двумя братьями по поводу раздела отцовского имущества, и кончая публичным скандалом, устроенным двумя весьма уважае-

мыми в городе семействами ввиду недостойного поведения одной из тамошних женщин, позаимствовавшей у другой из тамошних женщин по случаю прошлогоднего новогоднего праздника старую медную кастрюлю, да так до сих пор ее и не вернувшую.

И королеве приходилось решать все эти дела — причем решала она их самым решительным образом. В конце концов, выслушав очередную байку, она оглушительно хлопнула в ладоши и громким голосом произнесла:

— На сегодня аудиенция закончена!

И все присутствующие в зале сказали: «Да живет королева вечно!», и поклонились до земли, и вышли вон, после чего в зале для отправления правосудия остались лишь трое детей да королева со своими придворными дамами.

— Ну вот! — сказала королева с глубоким вздохом облегчения. — С этим покончено! Клянусь, я не смогла бы свершить больше ни одного акта правосудия, даже если бы мне предложили корону Египта! Ладно, пойдемте скорее в сад, и там-то мы с вами поговорим со всеми возможными в Вавилоне удобствами.

Им пришлось долго плутать по длинным, узким коридорам с очень и очень толстыми стенами, прежде чем они оказались в некоем подобии парка, разбитом прямо посреди дворца. Там были стройные ряды аккуратно подстриженных зеленых кустов, негромко журчащие фонтаны, томно прислонившиеся к подпоркам розы, а самое главное, — там было много тени, в которой вся компания и поспешила укрыться, потому что солнце уже сто-

яло в зените и палило гораздо сильнее, чем в самый жаркий августовский день на брайттонском взморье.

Слуги уже успели расстелить подушки на мраморном полу небольшого павильона, и когда все наконец нашли себе место, какой-то высокий, плотный человек приятной наружности принялся разливать прохладительные напитки в отделанные бериллом золотые чаши. Прежде чем передать королеве ее порцию, он поднес чашу к губам и сделал маленький глоток.

— Так можно в два счета подцепить какую-нибудь болячку! — прошептал Роберт, которого мама заставила раз и навсегда усвоить то непреложное правило, что ни в коем случае нельзя пользоваться надраенными до блеска металлическими кружками, болтающимися на цепи у каждого лондонского питьевого фонтанчика — разве что перед тем тщательно протереть их носовым платком или, на худой конец, перекреститься.

Его замечание не прошло мимо ушей королевы.

— А вот тут ты и не прав! — засмеялась она. — Ритти-Мардук — самый здоровый человек во всем вавилонском царстве. Кроме того, должен же кто-нибудь пробовать ваше питье на случай, если оно отравлено.

При этих словах детей пробрал невольный озноб. Но после того, как Ритти-Мардук отлебнул и из всех остальных чашек, они немного успокоились. Напиток оказался поистине чудесным и напоминал прохладный лимонад, в который лишь совсем чуть-чуть подмешали рыбьего жира.

— А теперь оставьте нас! — приказала королева своим придворным дамам, и те, неприятно шурша разноцветными, многослойными и неравномерно накрахмаленными платьями, медленно выплыли из павильона. Дети остались наедине с королевой.

— Ну что же, — сказала королева, — расскажите мне о себе.

Дети смущенно переглянулись.

— Валяй, Бобс! — сказал Сирил.

— Пусть лучше Антея! — отмахнулся Роберт.

— Нет уж, давай ты, Сирил! — взмолилась Антея. — Помнишь, как ты рассказывал о нас королеве Индии и как она была потом довольна?

Сирил пробормотал, что в Индии все было по-другому, но раз уж все так настаивают, то он согласен. Вообще-то, обычно он сам набивался в рассказчики, но на этот раз у него были причины воздержаться. Дело в том, что когда он рассказывал индийской рани историю Феникса и ковра, ему не нужно было говорить ничего, кроме святой и истинной правды, и потому его речь была живой и убедительной. Теперь же он не мог представить себе, как можно было сделать живой и убедительной историю амулета, если всякое упоминание об амулете было строжайшим образом запрещено. Более того, после его громогласных заявлений о том, что они являются гражданами несуществующей на самом деле Великой Западной империи, он не мог рассказать и о Лондоне. И, уж конечно, ему ни в коем случае нельзя было упоминать о том, что они явились из времени, отстоящего от нынешнего жаркого вавилонского дня на две с половиной тысячи лет.

Все, что ему оставалось, это рассказать об их удивительных прошлогодних приключениях, когда Псаммиад исполнял каждое их желание, а потом помогал выпутываться из возникавших вследствие этого неприятностей. Об этом дети тоже еще никому не рассказывали, ибо эта тема была намертво закрыта печатью волшебства, и Сирил изрядно удивился тому, что волшебство больше не работало и слова свободным потоком льются у него изо рта. «Наверное, это из-за того, что мы находимся в прошлом», подумал он.

— О, как это интересно! — сказала королева, когда Сирил закончил. — Нужно обязательно пригласить этого самого Псаммиада на сегодняшней банкет. Полагаю, что его фокусы изрядно повеселят публику. Так где он сейчас, этот ваш Псаммиад?

Антея объяснила, что они этого не знают. Кроме того, она объяснила, почему они этого не знают.

— Тоже мне проблема! — презрительно фыркнула королева (при этом трое детей испустили глубочайший вздох облегчения). — Ритти-Мардук сбегает к воротам и узнает, кто из стражников проводил вас к себе домой.

— А нельзя ли, — начала Антея дрожащим от волнения голосом, — нельзя ли послать его прямо сейчас — если, конечно, мы не оторвем его от еды или чего-нибудь в этом роде?

— Естественно, он побежит прямо сейчас! А когда же еще? Он должен быть счастлив, что я вообще даю ему еду, — сказала королева самым сердечным тоном и хлопнула в ладоши.

— Могу я послать с ним письмо? — спросил Сирил, вытаскивая из одного кармана грошовую записную книжку в красном переплете и лихорадочно нащупывая в другом огрызок химического карандаша, который никак не давался ему в руки.

— Конечно. Сейчас я позову своего писца.

— О, спасибо, я и сам могу написать, — сказал Сирил, выживая наконец карандаш из кармана и облизывая его кончик (кончик, кстати, ему пришлось не только облизать, но еще и обкусать, потому что грифель совсем стерся, а ножа у него под рукой не было).

— О, какой умный мальчик! Он даже умеет писать! — сказала королева тоном, в котором не было ни единого намека на иронизирование. — Пожалуйста, позволь мне посмотреть, как ты это делаешь.

Сирил вырвал из записной книжки листок и принялся писать. Нужно сказать, что листки записной книжки были сделаны из грубой волокнистой бумаги, причем эти самые волокна торчали из нее во все стороны подобно поросычьей щетине, и если бы Сирил писал не карандашом, а ручкой, то наверняка наделал бы не один десяток клякс.

«Перед тем, как прийти во дворец, спрячь ЭТО как можно тщательнее, — писал он. — И никому не говори об ЭТОМ ни слова. Да, и не забудь уничтожить эту записку. Можешь ее съесть. Шутка. У нас все тики-так. Королева просто прелесть. Ничего не бойся».

— Какие удивительные буквы! Какая замечательная, ровная бумага! — восхитилась королева. — Что ты написал?

— Я написал,— осторожно ответил Сирил,— что вы самая прекрасная и добрая королева, которую нам только доводилось видеть. Еще и написал, чтобы она ничего не боялась и поскорее приходила во дворец.

Ритти-Мардук к тому времени уже стоял у Сирила за спиной и изо всех сил старался удержать свои большие вавилонские глаза от того, чтобы они не выскочили из его большой вавилонской головы. Когда послание было готово, он с явной опаской принял лист бумаги из рук Сирила.

— О, королева, да живешь ты вечно, а вдруг это колдовские письма? — робко спросил он.— А вдруг, о моя самая величайшая в мире леди, в них заключено очень сильное волшебство?

— Вот именно! — неожиданно подхватил Сирил.— Это самые что ни на есть колдовские письма, но они тебе ничего не сделают, если ты благополучно доставишь их нашей сестре. А потом она уничтожит их, так что тебе абсолютно нечего бояться. Но помни, что в них и впрямь заключено очень сильное волшебство! Ужаснее его не бывает ничего на свете — разве что горчица,— совсем уж невпопад закончил он.

— Я не знаю такого бога,— пробормотал Ритти-Мардук, сгибаясь в почтительном поклоне.

— Этот бог заставляет плакать всех, кто его не любит,— пояснил Роберт.— Но не бойся, если ты передашь письмо лично в руки Джейн, она сразу же порвет его, и все волшебство кончится.

Когда Ритти-Мардук выходил из павильона, вид у него был-таки не очень довольный.

Королева же принялась без умолку восхищаться грошовой записной книжкой и огрызком свинцового карандаша. При этом она столь многозначительно смотрела на Сирила, что ему ничего не оставалось, как преподнести ей то и другое в качестве дружеского подарка. Королева в полнейшем восторге зашуршала толстыми щетинистыми листками.

— Какой все-таки замечательный материал! — воскликнула она, немного успокоившись. — А с помощью этого карандаша вы, значит, колдуете? Поколдуй, пожалуйста, еще! Кстати, — понизила она голос до шепота, — не известны ли тебе имена Великих, что почитаются в вашей далекой стране?

— Конечно, известны! — ответил Сирил и, на минуту отобрав у нее блокнот с карандашом, лихорадочно нацарапал на чистом листке имена Альфреда Великого, Шекспира, Нельсона, Гордона, лорда Биконсфилда*, мистера Редьярда Киплинга и мистера Шерлока Холмса. Все это время королева заглядывала ему через плечо, «не смея вздохнуть», как позднее выразилась Антея.

Получив обратно записную книжку, королева почтительно запрятала ее среди бесчисленных складок своей туники.

* Альфред Великий (849—899), англо-саксонский король, объединивший под своей властью ряд разрозненных королевств. Покровительствовал наукам и искусствам.

Чарлз Джордж Гордон (1833—1885), английский колониальный деятель, генерал, руководивший подавлением восстаний в Китае и Судане.

Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилд (1804—1881), английский писатель и государственный деятель, премьер-министр в 1868 и 1874—1880 гг.

— Позднее ты научишь меня произносить эти имена,— сказала она.— Да, вот еще, нет ли среди ваших Великих такого похожего на ястреба посланника по имени Нисрох*?

— Не думаю,— ответил Сирил, лихорадочно пролистывая в голове все тот же старый выпуск «Дейли Телеграфа».— Все наши дипломаты немного похожи на ястребов ввиду агрессивности нашей внешней политики, но что до имени, то у нас такого точно нет. Может быть, вас устроят господы Черчилль и Чемберлен?

— О нет, мне хватит и тех, предыдущих! — сказала королева, закрывая уши руками.— И так у меня уже голова кругом идет от всех этих ваших бесчисленных Великих. Как-нибудь потом ты научишь меня произносить их все, сколько бы их у вас там ни было. Вы ведь останетесь с нами надолго, не так ли? Теперь, когда я вас так полюбила, вы просто не можете от меня сбежать. Ладно, расскажите-ка мне лучше... А впрочем, не надо. Вы постоянно рассказываете о таких мудреных вещах, что я начинаю казаться себе ужасно глупой. Кроме того, я уверена, что и вы, в свою очередь, хотите, чтобы я вам что-нибудь рассказала.

— О да,— сказала Антея.— Мне бы, например, очень хотелось узнать, как это получилось, что ваш король...

— Извини меня, милая,— мягко сказала королева,— но ты должна говорить «король, да живет он вечно».

* Нисрох — ассирийское божество, слуга богини-прародительницы Намму. Изображалось с птичьей головой.

— Прошу прощения,— поспешно сказала Антея.— Так вот, я хотела узнать, с какой такой стати король, да живет он вечно, отправился за четырнадцатой женой? Знаете ли, даже у Си-ней Бороды не было столько жен. Кроме того, он же еще не успел разделаться с вами.

Королева посмотрела на нее, как на сумасшедшую.

— Она только хочет сказать,— объяснил Роберт,— что у английских королей бывает только одна жена. Вообще-то, у Генриха VIII их было штук семь или восемь, но ведь не одновременно же.

— В нашей стране,— презрительно заметила королева,— король не сумел бы продержаться на троне и дня, если бы у него была только одна жена. Никто бы не стал его уважать — и совершенно справедливо, между прочим.

— Так, значит, все остальные тринадцать жен живы-здоровы? — спросила Антея.

— А что им сделается? — ответила королева.— Живут себе — бедные безмозглые идиотки! Я, разумеется, не имею с ними ничего общего. Я — королева, а они — всего лишь жены.

— Понимаю,— сказала немножко обалдевшая Антея.

— Если бы вы только знали, мои милые,— продолжала королева,— сколько было возни с этой его последней женой! Вы даже представить себе не можете, как мы все намучались! Дело в том, что нам позарез была нужна египетская принцесса. У короля, да живет он вечно, имеется по жене от каждого более или менее стоящего народа из тех, что живут на

земле. И только египетской жены ему не хватало — для полноты коллекции, знаете ли. Естественно, для начала мы отправили в Египет чуть ли не тонну золота. Взамен египетский король прислал нам лошадей — совсем немного, кстати, ибо другого такого скрягу нужно еще поискать! — и сказал, что наше золото ему очень понравилось, но, вообще-то, ляпис-лазурь, которая у них в королевстве как раз вдруг вся вышла, понравилась бы ему гораздо сильнее. Мы сразу же послали ему тонну ляпис-лазури. Но к тому времени ему захотелось покрыть листами из золота потолочные балки в Храме Бога-Солнца, а поскольку все наше золото он уже перевел и ему не хватило, нам пришлось послать ему еще. И такая свистопляска продолжалась не один год. Видите ли, каждое путешествие туда и обратно занимает по крайней мере шесть месяцев. Наконец мы решили, что ждали довольно, и попросили у фараона руки его дочери.

— И что же? — спросила Антея, которой не терпелось поскорее добраться до той части рассказа, в которой речь шла о египетской принцессе.

— А вот что! — сказала королева. — Когда этот старый скупой хрыч вытянул из нас все, что хотел, а взамен прислал нам несколько горстей египетских фиников пополам с египетским же песком, он преспокойненько подо-слал к нам своего гонца с письмом, в котором говорилось, что он, мол, прекрасно осознает великую честь, которую для него означает столь выгодный брачный союз, да только, к сожалению, у него не было ни одной дочери,

но если такая в скором времени народится, то он клянется всеми именами египетских богов, что она будет зарезервирована исключительно для короля Вавилона!

— Ну и ловкач! — возмущенно (и одновременно немножко восхищенно) сказал Сирил.

— Это уж точно, — согласилась с ним королева. — Тогда мы написали ему, что для нас сгодится и одна из его сестер, которых, как известно, у него тьма-тьмущая. И, естественно, послали ему еще подарков. И вот, наконец, какая-то безмозглая черноволосая египетская идиотка выехала в Вавилон, и король, да живет он вечно, отправился встречать ее в Кархемиш. И, можете себе представить, он поехал на своей самой лучшей колеснице с золотыми колесами и ониксовыми ступицами, да еще сверху донизу изукрашенной золотом и ляпис-лазурью, которые мы, слава Нисроху, еще не все успели отослать египетскому королю. По мне, так это слишком большая честь для бедной безмозглой идиотки. Так или иначе, они приедут сегодня вечером, и по этому случаю во дворце состоится грандиозный банкет. Естественно, она там присутствовать не будет. Она будет в это время изо всех сил омываться, умащаться и все такое прочее. Мы всегда очень сильно отмываем бедных заграничных идиотов, прежде чем допустить к общему столу, и обычно это у нас занимает две-три недели. Однако мы с вами заболтались, а между тем уже давно пора обедать. Вы, кстати, будете обедать со мной — мне нужно убедиться, что ваше происхождение достаточно высоко для того, чтобы вы могли участвовать в банкете.

Она провела их в просторный темный зал с огромным количеством мягких подушек, равномерно разбросанных по всему полу. Королева с детьми уселись в самом центре зала, и в тот же самый момент слуги внесли низенькие столики с едой. Это было очень красиво: столики, все как один, были вырезаны из какого-то замысловатого голубого камня с золотыми прожилками. На столиках лежали тяжелые золотые подносы, но ни ножей, ни вилок, ни даже ложек почему-то не было видно. Дети ожидали, что королева пошлет за ними, но ничего подобного не произошло. Она просто начала есть руками — а так как на первое всем подали по огромной миске вареного риса, равномерно перемешанного с мясом и изюмом и доверху залитого топленым жиром, детям пришлось пережить немало неприятных минут, прежде чем они осмелились последовать примеру королевы. Нечего и говорить, в Вавилоне было очень трудно научиться столовому этикету. За первым блюдом последовали тушенная айва, финики в сиропе и какой-то непонятный желтый крем. Такого обеда, скажу я вам, вы никогда не увидите ни в доме на Фицрой-стрит, ни даже в Букингемском дворце.

После обеда все присутствующие, включая детей и слуг, задремали.

Внезапно королева проснулась и рывком поднялась на ноги.

— Нисрох ты боже мой! — воскликнула она. — Надо же так проспать! Я побегу переодеваться к банкету, а вы тут пока развлекайтесь, как можете. Ой, только бы не опоздать!

— Скажите, пожалуйста, а Ритти-Мардук уже сходил за нашей сестрой и Псаммиадом? — спросила Антея.

— Ой, забыла спросить! Совсем вылетело из головы, — сказала королева. — Видите ли, о них никто не посмел бы доложить в неприемные часы, а я совсем забыла. Они, наверное, ожидают себе у дверей. Не беспокойтесь, я позабочусь обо всем.

И действительно, не прошло и минуты, как в зале появился Ритти-Мардук.

— Очень сожалею, — с порога начал он, — но мне не удалось найти вашей сестры. Дело в том, что мохнатый зверек, которого она носила в корзинке, укусил одного из детей стражника, и ваша сестра, очевидно, испугавшись, бросилась вас искать. Куда она ушла, никто не знает, но полиция заявляет, что их люди уже напали на верный след. Не сомневаюсь, что в течение ближайших шести-семи недель мы услышим самые утешительные новости.

Он с достоинством поклонился и вышел из зала.

Этот тройной удар — потеря Джейн, Псаммиада и амулета, — обрушившийся столь жестоко и неожиданно, дал детям обильную пищу для разговоров на все время, пока королева переодевалась к банкету. Я не буду пересказывать вам все, о чем они говорили, потому что это будет очень долго и не очень весело. Скажу лишь, что каждый из них по нескольку раз талдычил одно и то же, и в конце концов все свелось к взаимным обвинениям в том, что тогда, у дворцовых ворот, они позво-

лили Джейн с Псаммиадом уйти со стражниковой женой. В общем, это был самый обычный разговор, который частенько возникает в любой детской компании. Наконец Сирил сказал:

— Да будет вам! У нее ведь есть Псаммиад, так что по крайней мере она будет в безопасности. Вы же знаете, как внимательно относится Псаммиад к собственной персоне. Да и нам, по всей видимости, пока ничего не грозит. А потому давайте на время позабудем о всех неприятностях и как следует оттянемся на банкете!

На банкете и впрямь можно было оттянуться как следует. Сначала им приготовили теплую душистую ванну, а затем с ног до головы, не забыв и про волосы, умастили маслами и благовониями (причем последняя процедура, в отличие от первой, оказалась ужасно неприятной). После того, как они снова нарядились в свое английское платье, их представили королю, который принял их с поистине королевской любезностью. Банкеты в Вавилоне длились довольно долго — там было полно всяких вкусовностей, и каждую очень хотелось попробовать. Банкетующие возлежали на мягких кушетках по обеим сторонам пиршественной залы, леди — у одной стены, джентльмены — у другой. Однако когда обжорная часть банкета подошла к концу, и в залу подали освежающие (а также и веселящие) напитки, леди поднялись со своих лож и расселись каждая в ногах у своего мужа или любимого. Вообще, вавилонские мужчины и женщины относились друг к другу с самой

нежной любовью и заботой — и при этом все без исключения были веселы, молоды и красивы (последнему обстоятельству немало способствовали шитые золотыми нитками придворные костюмы).

Середина зала была оставлена под выступления различных артистов, среди которых особо выделялись жонглеры, факиры и заклинатели змей (последние, правда, ужасно не понравились Антее).

С наступлением темноты были зажжены светильники, представлявшие собой установленные на высоких шестах и надраенные до блеска медные тарелочки, в которых по масляному морю неторопливо плавали сотни горящих кедровых корабликов.

Затем на сцене появилась танцовщица, которая не столько танцевала, сколько принимала театральные позы и, вообще, выделялась, как последняя зануда. На ней почти совсем не было одежды, и это, нужно сказать, не прибавляло ей красоты. Во время ее выступления дети изрядно скучали, но всем остальным оно очень понравилось, а король так вообще пришел в буйный восторг.

— Клянусь бородой Нимрода, я в жизни не видал ничего лучшего! — закричал он танцовщице. — Проси от меня чего хочешь, и твое желание будет исполнено!

— Мне ничего не нужно, — скромно ответила девушка. — Мне хватит и одной великой чести доставить удовольствие своему королю, да живет он вечно.

По-видимому, она доставила королю слишком большое удовольствие. Несмотря на то,

что его никто ни о чем не просил, он сорвал с шеи тяжелое золотое ожерелье, служившее ему чем-то вроде воротничка и бросил его к ногам танцовщицы.

— Вот ничего себе! — пробормотал Сирил, пораженный неслыханной щедростью дара.

— Вот именно, *ничего!* — прошептала ему на ухо королева. — Это один из его самых дрянных и давно уже не штопанных воротничков. Для подобных случаев у нас всегда имеется огромный запас дешевых побрякушек. Да, кстати, вы обещали мне спеть что-нибудь. Хотите, мои музыканты подыграют вам?

— Нет уж, спасибо! — торопливо ответила Антея. Здешние музыканты были brave ребятами — они играли очень громко и, что самое главное, не переставая. Но их музыка очень сильно напомнила Антее уличный оркестрик, который они с Сирилом, Робертом и Джейн однажды организовали по случаю Пятого ноября. Тогда это было по-настоящему здорово! Среди инструментов фигурировали картонный рожок, оловянный свисток, чайный поднос, каминные щипцы, полицейская трещотка, игрушечный барабан и прочие занимательные предметы — и все это гудело, свистело, гремело, трещало и скрежетало самым замечательным образом. Но одно дело играть самим, и совсем другое — слушать то же самое в исполнении других. Теперь Антея понимала, что папа был не таким уж и бессердечным, когда приказал им «немедленно прекратить этот жуткий бедлам».

— Что будем петь? — спросил Сирил.

— Как насчет «Милой крошки»? — предложила Антея.

— Слишком занудливо, — вступил Роберт. — Я предлагаю «Кто скачет по полю с тобой», Приготовились — раз, два, три!

*Кто скачет по полю с тобой?
Куда лежит твой путь? —
Мой груг поможет мне домой
Невесту умыкнуть.*

*Ее старик грозит ружьем,
Старуха — кочергой.
Но скачем, скачем мы вдвоем!
Мой верный груг со мной.*

Несмотря на отсутствие двух очень важных факторов — во-первых, Джейн, которая вела в их квартете партию альты, и, во-вторых, музыкальных способностей у Роберта, — песня оказалась столь непривычна изощренному слуху вавилонских ценителей прекрасного, что второй куплет дети закончили под неуклонно переходящие в овацию аплодисменты всех без исключения придворных леди и джентльменов.

— Еще! Еще! — кричал король. — Клянусь своей бородой, эта дикарская музыка мне по вкусу! Спойте еще!

Дети спели еще:

*Невесту стерегли всю ночь,
Но только рассвело,
Как мы втроем умчались прочь
Всем стражникам назло!
Кто скачет по полю со мной?
Куда лежит мой путь? —
Когда вернешься ты домой,
Про груга не забудь!*

Последние строки потонули в новом шквале аплодисментов, причем многие леди и джентльмены в совершеннейшем экстазе повскакали на ноги, а король так и вообще не мог прийти к себе, пока дети не исполнили все хоровые песни, которые знали (итого набралось три штуки). Свое блистательное выступление они закончили «Горцем», которого скромно исполнили в унисон.

Тогда король, во всем своем королевском величии — то есть, в пурпурной тунике и узкой, высокой короне на голове, — поднялся со своего ложа и громовым голосом произнес:

— Просите, чего хотите, о пришельцы из страны, где никогда не садится солнце, и, клянусь клювом Нисроха, ваше желание будет исполнено!

— Лучше всего поступить, как давешняя танцовщица, и сказать, что с нас достаточно чести ублажить его, — прошептала Антея.

— Нет уж, давайте попросим его отдать нам то, за чем мы пришли, — сказал Роберт.

— Ни в коем случае, дурачок! — попыталась предостеречь его Антея, но было уже поздно. Воодушевленный грохотанием музыки, ярким блеском светильников и более всего шквальными аплодисментами публики, Роберт выступил вперед и смело обратился к королю.

— Отдайте нам хранящуюся у вас полешку амулета, на которой написано имя Ур-Гекау-Сетчех! — сказал он, а затем, вовремя спохватившись, добавил: — О, король, да живете вы вечно!

Не успел он произнести выгравированное на амулете Великое Имя, как все, кто нахо-

дился в пиршественной зале, попадали ничком на пол и перестали подавать какие-либо признаки жизни. Впрочем, не все — королева, например, обхватила голову руками и принялась в отчаяньи раскачиваться взад-вперед на своем ложе, а король так и вовсе выпрямился во весь свой немалый рост и на мгновение застыл, словно самая настоящая королевская статуя. Однако это у него быстро прошло. Уже через секунду в зале раздался его громopodobный рык.

— Стража, взять их!

И тут же, откуда ни возмись, с проворством, присущим разве что выскакивающим из бутылки чертикам, в зале появились восемь здоровенных солдат в очень красивых золотых доспехах и красно-белых туниках. Что и говорить, смотрелись они просто потрясающе — во всяком случае, у всех троих детей немедленно затряслись поджилки.

— Схватить этих нечестивых оскорбителей святынь! — громыхал между тем король. — Бросить их в темницу! Пускай посидят там ночь, а уж утром мы найдем способ развязать им языки. Вне всякого сомнения, этим проходимцам известно, где находится потерянная половинка того, о чем нельзя говорить вслух.

Стена огня, льда, золота и железа плотно сомкнулась вокруг детей, а затем принялась потихоньку подталкивать их вдоль колоннады пиршественного зала по направлению к выходу. За спиной у них слышались испуганные возгласы постепенно приходящих в себя придворных.

— На этот раз ты по-настоящему допрыгся! — сказал Сирил Роберту с непередаваемым оттенком отчаяния в голосе.

— О, только не ссорьтесь! Все будет хорошо, — сказала Антея без всякой надежды в голосе. — Все просто *обязано* быть хорошо. Во всяком случае, раньше было.

За широкими спинами (и боками) стражников детям не было видно, куда их ведут, но постепенно отполированный мрамор у них под ногами становился все более грубым, а затем, ненадолго обратившись в камень, вдруг стал хорошо утрамбованной землей с вкраплениями песка. В лицо им ударил холодный ночной воздух. Затем еще одна небольшая пробежка по камню — и вот уже они спускались неведомо куда по грубо высеченным в скале ступеням.

— Готов поклясться чем угодно, что на этот раз мы все-таки угодили в мрачное узилище под крепостным рвом, — сказал Сирил.

Именно так и обстояло дело. И хотя узилище располагалось не под крепостным рвом, а под рекой Евфрат, положение детей от этого отнюдь не стало лучше — скорее, наоборот. Нужно сказать, что это было довольно жутковатое место — сырое, темное, с каким-то непрерывно гнилостным запахом, какой бывает у пустых устричных раковин (если, конечно, вам выпадало несчастье иметь с ними дело). Правда, в узилище имелся светильник, но разве можно назвать светильником подвешенную к потолку медную корзинку, наполненную трухлявыми щепками, отчасти пропитанными маслом, а отчасти — водой? Однако она

отбрасывала достаточно света, чтобы дети могли увидеть, что стены тюрьмы были зелеными от плесени и что по ним беспрестанно стекали тоненькие струйки воды. В иных местах точно такие же ручейки стекали непосредственно с потолка. По земляному полу иногда проползали существа, очень сильно напоминавшие тритонов, а в дальних углах, куда не доходил свет, шевелились какие-то безобразные светящиеся твари.

На сердце у Роберта было так тяжело, что он всерьез опасался, как бы оно не выскочило у него из груди и не разбилось о твердый земляной пол. А между тем Антея с Сирилом вели яростную борьбу с тем сидящим в каждом из нас бесом, который постоянно подзуживает людей на жестокие и некрасивые поступки. К чести обоих следует сказать, что они вышли из нее победителями. Ни один из них не сказал Роберту (они потом уверяли меня, что даже старались не думать об этом) ничего похожего на «Это ты во всем виноват!» или «Из-за тебя одни неприятности!» Один раз Антея совсем было уже поддавалась искушению уколоть его не таким обидным «Я же тебе говорила!», но в конце концов сумела преодолеть его.

— Шпионство и святотатство! — объявил капитан стражников тюремщику. — Содержать до особого распоряжения короля! Полагаю, особое распоряжение поступит завтра же — с утра пораньше. Им предстоит веселый денек. Ох и повеселятся же они на дыбе, когда король начнет выбивать из них нужные ему сведения!

— Бедные постреляты! — сказал тюремщик.

— Да уж конечно! — сочувственно откликнулся капитан. — У меня у самого сорванцы растут, так они бузят почище этих. Но нам не следует позволять, чтобы наши личные чувства преобладали над общественными интересами! — вдруг сказал он совсем другим тоном. — Покойной ночи!

Солдаты удалились, тяжело громыхая сандалиями и унося с собой огонь, лед, золото и железо. После их ухода в тюрьме стало по-настоящему скучно. Тюремщик стоял посреди камеры с тяжелой связкой ключей и все так же сочувственно смотрел на детей. Наконец он сокрушенно вздохнул, покачал головой и вышел за дверь.

— Только спокойствие! — сказала Антея. — Поверьте мне, с нами все будет в порядке. На самом деле это всего лишь сон. И ничем, кроме сна, быть не может. Я, знаете ли, не очень-то верю во всю эту болтовню насчет мысленных абстракций. Пространство есть пространство, а время есть время! Так что это всего лишь сон, и мы вскоре обязательно проснемся живыми и невредимыми.

— Гм! — недоверчиво произнес Сирил.

И тут Роберта прорвало:

— Это я во всем виноват! Только я и никто другой! Если нам и впрямь суждено найти здесь свой конец, то, прошу вас, простите меня и передайте папе... Ох, я совсем забыл!

Последнее восклицание относилось к тому неопровержимому факту, что в данный момент папа находился в трех тысячах милях и двух с половиной тысячах лет от него.

— Да брось ты, старина Бобс! Все в порядке,— сказал Сирил. Антея же молча нашла руку Роберта и сжала ее в своей.

В этот момент дверь снова отворилась и в камеру вошел тюремщик. Он принес тарелку с подозрительного вида хлебцами — твердыми, сухими и ничуть не похожими на кремово-сироповые излишества пиршественной залы. Еще он принес кувшин воды.

— Вот, ешьте! — сказал он.

— О, большое вам спасибо. Вы очень добры,— сказала Антея, постукивая зубами от холода.

— И ложитесь спать,— продолжал тюремщик, указывая на сваленную в углу кучу соломы — а то не успеете оглянуться, как наступит утро.

— О, милый мистер тюремщик! — взмолилась Антея.— Скажите, что они собираются делать с нами завтра утром?

— Попытаются выведать у вас разные вещи,— угрюмо ответил тюремщик.— И мой вам совет — если вы, часом, не знаете того, что им нужно, то лучше постарайтесь выдумать что-нибудь очень на это похожее. Тогда, может быть, вас всего лишь продадут северным варварам. Хотя хрен редьки не слаще. Эти варвары — сущие живоглоты. Эх, ну да ладно! Покойной ночи.

— Покойной ночи,— ответили ему три дрожащих голоса, обладатели которых безуспешно пытались придать им твердость. Затем тюремщик закрыл дверь, и трое детей остались лицом к лицу с заплесневелыми стенами, закопченным потолком и копошащимися в углу слизняками мрачного узилища под крепостным рвом.

— Этот светильник не продержится долго, — сказал Сирил, оценивающе взглянув на копящую медную корзину, свисающую со вбитого в стену крюка.

— Как вы думаете, есть какой-нибудь смысл в том, чтобы произнести имя силы без амулета? — спросила Антея.

— Думаю, что нет, — ответил Сирил. — Но отчего бы не попытаться?

Они попытались, но безо всякого успеха. Мертвая тишина сырой темницы так и осталась мертвой.

— Постойте-ка, а что это было за имя, которое упоминала королева? — вдруг заинтересовалась Антея. — Нисбит, Несбит... Ну как же там? Помните, ястребоголовый посланник Великих?

— Подожди секундочку, — наморщил лоб Сирил. — Хотя я не совсем (а точнее, совсем) не понимаю, зачем это тебе нужно, все же попытаюсь вспомнить. Так, Несрог, Несрох — ага, Нисрох! Точно, Нисрох!

Тогда Антея поднялась на ноги и изо всех сил постаралась собраться с духом. Все мускулы ее тела (включая и мускулы мозга, если таковые бывают) собрались в комок, и туда же собралась вся ее воля.

— *Ур-Гекау-Сетчех!* — прокричала она срывающимся от страха голосом. — О Нисрох, слуга и посланник Великих, приди к нам на помощь!

Последовала минута напряженного ожидания. Затем в дальнем углу, там, где лежала груда соломы, мигнул и начал разгораться молодой голубой свет. Из этого неземного и малопривычного света выступила странная,

ужасающего вида фигура — выступила и стала медленно приближаться к детям. Я не стану описывать ее вам, потому что мистер Миллар, любезно согласившийся оформить эту книжку, нарисовал ее в самых мельчайших и жутчайших подробностях, и, кроме того, если вам этого покажется мало, вы всегда можете пойти в Британский музей и своими глазами увидеть ее изображение, высеченное на камне самими древними вавилонцами. Скажу только, что у нее были орлиные крылья, ястребиная голова и человеческое тело.

Вот это-то самое чудовище и направлялось в данный момент к насмерть перепуганным дутям.

-- Ой, ой, уходи! — закричала Антея, но храбрый Сирил поспешно добавил: — Нет, останься, пожалуйста!

Чудовище в нерешительности потопталось на месте, а потом склонило свою пернатую голову в низком поклоне.

— Говорите! — сказала оно изрядно надгреснутым голосом, больше всего на свете напоминавшем скрип ключа в заржавелом замке. — Слуга Великих — ваш слуга! Зачем вам понадобилось призывать имя Нисроха?

— Мы хотим попасть домой, — сказал Роберт.

— Нет, нет! — воскликнула Антея. — Мы хотим попасть туда, где находится Джейн с Псаммиадам.

Нисрох поднял свое огромное крыло и указал на одну из стен темницы. И в том месте, куда он показывал, стена задрожала, зарыбила и в конце концов исчезла, и вместо сырых, влажных, закопченных камней перед детьми во всем своем великолепии предстала спальня королевы с ее тяжелыми, расшитыми золотом портьерами, заваленным мягкими подушками и одеялами ложем и огромными, полированной меди зеркалами. Посреди спальни сидела сама королева — а перед ней, на красной парчовой подушке, сидел Псаммиад и, судя по его стоявшей торчком шерсти, был чем-то очень сильно недоволен. Тут же неподалеку, на затянутой синим бархатом кушетке, мирно посапывала Джейн.

/ «История амулета»

— Идите вперед без страха! — сказал Нисрох. — Может ли слуга великой Намму* чем-нибудь еще помочь тем, кто произнес имя силы?

— Э-э-э... Пожалуй, нет! — сказал Сирил. — Дальше мы уже и сами справимся. Спасибо вам огромное!

— Ты просто дорогуша! — воскликнула Антея, вряд ли отдавая себе отчет в том, что говорит. — Спасибо тебе! Спасибо тебе большое! Но теперь — *уходи!*

Она поймала рукой кончик огромного крыла и легонько сжала его на прощанье. Крыло оказалось твердым и холодным, как камень.

— Идите! — сказал Нисрох.

И они пошли.

* * *

— Нисрох ты боже мой! — воскликнула королева, увидев троих детей. — Как вы сюда попали? А впрочем, я с самого начала знала, что вы очень могучие колдуны. Я собиралась освободить вас утром, как только мне удалось бы улизнуть из дворца, но, слава Дагону**, вы справились сами. Вам следует немедленно уходить отсюда. Я сейчас же разбужу свою главную фрейлину — она позовет Ритти-Мардука, и он выведет вас через боковую дверь, а там...

* Намму — в шумерской мифологии богиня-прародительница, мать всех богов.

** Дагон — финикийский бог, покровитель земледелия и рыбной ловли.

— Ради всего святого, не надо никого будить! — сказала Антея. — Кроме Джейн, конечно, но ее я разбуджу сама.

И она принялась энергично трясти Джейн до тех пор, пока та не открыла свои сонные глаза.

— Вообще-то, Ритти-Мардук привел их уже несколько часов назад, — призналась королева. — Но мне так хотелось хотя бы немножко побыть наедине с Псаммиадом! Надеюсь, вы простите меня за это невинное проявление коварства? Это, видите ли, такая национальная вавилонская черта. Но, честное слово, я не хочу, чтобы с вами случилось что-нибудь плохое. Давайте я все-таки тоже разбудю кого-нибудь.

— Нет, нет и нет! — сказала Антея, в голосе которой сквозила продиктованная отчаянием решимость. Сегодня ей почему-то больше не хотелось видеть ни одного вавилонянина. — Мы уйдем отсюда при помощи нашего собственного волшебства. А вы не забудьте сказать королю, чтобы он не винил в нашем бегстве тюремщика. Он тут совершенно не при чем. Нам помог Нисрох.

— Нисрох! — испуганно отозвалась королева. — Да вы и вправду великие колдуны!

Джейн поднялась с кушетки, непонимающе оглядываясь по сторонам.

— Подними *Это* над головой и скажи требуемое слово! — приказал ей Сирил, подхватывая на руки Псаммиада, который тут же чисто машинально цапнул его за палец — правда, совсем-совсем не больно.

— Где восток? — спросила Джейн.

— У меня за спиной,— ответила королева.—
А что?

— *Ур-Гекау-Сетчех*, — сонным голосом произнесла Джейн и подняла вверх амулет.

* * *

И, конечно же, в следующий момент все четверо плюс Псаммиад оказались в гостиной дома номер 300 по Фицрой-стрит.

— Джейн,— сказал Сирил, которому чудесным образом удавалось сохранить присутствие духа в самых сложных ситуациях,— сходи, пожалуйста, в спальню и принеси тазик с песком для Псаммиада!

Джейн послушно вышла из комнаты.

— А теперь послушайте меня! — торопливо зашептал он, прислушиваясь к удаляющимся по лестнице шагам Джейн.— Нам ни в коем случае нельзя рассказывать ей о мрачном узилище, а равно и обо всем, что с ним связано, а то она испугается до умопомрачения и уже никогда больше не согласится путешествовать в прошлое.

— Точно! — согласился Роберт, и лишь Антея промолчала. Она так устала, что скорее согласилась бы умереть, чем вымолвить хотя бы одно слово.

— И чего это вам пришло в голову так спешно возвращаться домой? — сказала Джейн, входя в гостиную с тазиком для Псаммиада.— В Вавилоне все было так красиво, так здорово, так вкусно... Эх, жалко, что все хорошее когда-нибудь да кончается!

— Что правда, то правда,— беззаботным тоном заметил Сирил.— Там было здорово, но, видишь ли, наш визит в Вавилон немного подзатянулся. А мама всегда учила нас, что на свете не бывает ничего хуже, чем злоупотреблять чьим-либо гостеприимством.

Глава VIII

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОРОЛЕВЫ В ЛОНДОНЕ

— А теперь расскажи, что было с тобой,— попросил Сирил Джейн после того, как он и остальные во всех подробностях поведали ей о разговоре с королевой и банкете. Особо они остановились на описании вавилонских блюд и предлагаемых гостям развлечений — остановились и дальше не пошли. Так что скорбной повести о мрачном узилище под крепостным рвом Джейн так и не услышала.

— Да уж, прямо скажем, постарались на славу! — заметила Джейн с явными потугами на иронизирование. — Вы даже не попытались найти амулет!

— Еще как попытались! — вспыхнул было Сирил, но вовремя взял себя в руки. — Но у нас ничего не вышло. Амулета вообще нет в Вавилоне. Он потерялся значительно раньше. Но ничего, в следующий раз мы отправимся в какое-нибудь другое место, где живут по-настоящему добрые люди, и поищем его там. А теперь

шляй, выкладывай, как ты оказалась у королевы!

— Очень просто,— сказала Джейн.— За мной пришел ее слуга. Такой, знаете, огромный дядя с приятным лицом по имени... э-э-э, как его там?

— Ритти-Мардук,— подсказал Сирил.

— Вот-вот! — согласилась Джейн.— Этот самый Ритти-Мардук пришел как раз вовремя — Псаммиад цапнул за палец одного из стражниковых сорванцов, и все остальные сорванцы, включая самого стражника, почему-то на меня очень рассердились. Но тут пришел этот самый Ритти-Мардук и отвел меня во дворец. Представляете, я ужинала с новой маленькой королевой из Египта! Она такая дорогуша — чуть-чуть постарше нашей Пантерочки! Она мне кучу всего нарасказывала про Египет и тамошнюю жизнь. После ужина мы играли в мяч. А потом меня позвали к вавилонской королеве. Она мне тоже понравилась, да только они с Псаммиадом тут же засели чесать языками, так что я заснула и больше ничего не видела. Потом вы меня разбудили. Вот и все.

Почти то же самое рассказал им и Псаммиад, когда (после немалых усилий) его удалось пробудить ото сна.

— Но какого черта,— добавил он,— вам пришло в голову разболтать ей про то, что я могу исполнять желания? Знаете, у меня начинает складываться убеждение, что в ваших головах отсутствуют даже самые что ни на есть рудиментарные подобия мозгов!

Дети не знали, что такое «рудиментарные», но тон, каким было произнесено это слово, не

оставлял никаких сомнений в том, что это было какое-нибудь тяжкое оскорбление.

— Мне кажется, мы не сделали ничего плохого,— обиженным тоном произнес Сирил.

— О нет!— восторженно закричал Псаммиад, обрадовавшийся новой возможности издеваться над окружающими.— Конечно, нет! Напротив, вы сделали много хорошего! Замечательного!! Расчудесного!!! А знаете ли вы,— продолжил он уже серьезным тоном,— что эта ваша вавилонская сумасбродка пожелала при первой же возможности оказаться в вашей стране? Эта возможность, между прочим, может представиться ей в любую минуту.

— Ну, уж тут-то ты сам виноват,— сказал Роберт.— Нужно было сделать так, чтобы она ей выпала, скажем, в следующем году или, еще лучше, в следующем столетии.

— Или вообще никогда,— язвительно закончил Песчаный Эльф.— Все ваши беды, молодые люди, происходят оттого, что вы никогда не учитесь на своих ошибках. Сколько я могу вам повторять, что когда человек говорит о «первой же возможности», он имеет в виду обстоятельства, которые мне совершенно неизвестны и столь же совершенно от меня не зависят. Не я же, в конце концов, загадываю желания. Я их только исполняю. Но я знаю, что имела в виду королева, когда говорила о «первой же возможности». Она имела в виду «сразу же, как только король поедет охотиться на львов и у меня выпадет пара-другая свободных деньков». Она, видите ли, ничего не знает о том, что время является всего лишь мысленной абстракцией.

— Что ж,— сказал Сирил, решительно на-

морщив лоб,— в таком случае, мы постараемся развлечь ее, как только сможем. Она-то встретила нас по-королевски! Ну да ладно, забудем пока про это. Я предлагаю после обеда отправиться в Сент-Джеймский парк и еще раз попробовать покормить этих дурацких уток, до которых мы все никак не можем добраться. После того, как я насмотрелся на все эти древние вавилонские штучки, мне ужасно хочется чего-нибудь простецкого и, самое главное, *современного*. Псаммиад, ты пойдешь с нами?

— А где моя бесценная, моя сплетенная из священного тростника корзиночка? — замогильным тоном осведомился Псаммиад.— Я никуда не могу пойти без нее. И, более того, не пойду.

И тут дети с болью в сердце вспомнили, что плетеная сумка для рыбы была забыта ими во время поспешного отбытия из Вавилона.

— Да не такая она уж и бесценная! — поспешно произнес Сирил.— То есть, конечно, бесценная, но только в том смысле, что на Фаррингдонском рынке такие сумки дают бесплатно каждому, кто покупает больше двух фунтов рыбы.

— Ах вот как! — оскорбленным тоном заявил Псаммиад.— Так вы хотите, воспользовавшись моим врожденным безразличием к материальным благам (особенно тем из них, что произведены в вашем пошлом и безвкусном мире), подсунуть мне средство передвижения, которое не будет стоить вам ровным счетом ничего? Хороши, нечего сказать! Нет уж, пойду-ка я залягу в песок. И прошу больше меня не беспокоить!

С этими словами он отправился в песок, что, как вы, наверное, помните у него означало

«в постель», а Сирил с Робертом в самом мрачном настроении отправились в Сент-Джеймский парк кормить уток.

Что же до девочек, то они весь день просидели за шитьем. Правда, сначала они достали моток самой лучшей зеленой ленты, приобретенной за очень большие деньги в «Либертиз», и отрезали от него два куска по пол-ярда длиной. Потом они разрезали напополам полотенце. И уж только потом они взяли в руки иголки и принялись шить, как угорелые. Им ужасно хотелось поскорее закончить со своей работой, потому что работали они над новой сумкой для Псаммиада — каждая над своей половиной. Джейн, у которой была пятерка по вышиванию, тройка по арифметике и небольшой моток зеленого шелка, украсила свою половину великолепным изображением четырехлистного трилистника (и это несмотря на то, что Антея перед тем нарисовала ей совершенно правильный контур). На антеевой стороне наличествовали огромные красные буквы, любовно (но немного поспешно) вышитые парадной тамбурной строкой. Выглядели они примерно так:

ПСАММИ
АДОВА
АВОСЬКА

Ей ужасно хотелось разместить оба слова в одну или же, на худой конец, в две строки, но, как говорят люди, выпускающие книжки, «она выбрала слишком большой кегль», и в результате средство передвижения Псаммиада сразу же и навеки веков получило не совсем лестное прозвище «адова авоська» (сам Псаммиад, правда, об этом так никогда и не узнал). Обе половинки были сшиты воедино при помощи пянечкиной швейной машинки, а на ручки пошли самые лучшие красные ленты, какие Антея когда-либо в жизни заплетала себе в волосы.

После чая, на котором присутствовали и вернувшиеся с весьма неутешительным докладом о нравах сент-джеймских уток мальчики, Антея собралась с духом и, осторожно выкопав из песка (то есть, подняв с постели) Псаммиада, показала ему любовное творение их с Джейн трепетных рук.

— Гм,— сказал Песчаный Эльф, щурясь скорее удовлетворенно, нежели презрительно.— Ничего себе кошелочка.

Нужно заметить, что Псаммиад очень легко подхватывал все новомодные (а иногда и не очень приличные) выражения, какие ему только удавалось услышать от современных людей. Для существа, большую часть своей жизни прошедшего с мегатериями да птеродактилями, такая прыть была поистине замечательна.

— Да, пожалуй, этот экипаж более подobaет мне, чем какая-то дурацкая сумка, которую можно получить в довесок к двум фунтам камбалы,— сказал он.— И когда же вы собира-

етесь устроить ей (и мне заодно) первое испытание?

— Что до меня, то я бы немного отдохнул от всяческих путешествий,— заявил Сирил.

И тут Джейн ни с того ни с сего выпалила:

— А я так хочу отправиться в Египет! Не в такой древний, конечно, как в первый раз, а примерно в вавилонский. Мне так понравилась эта маленькая египетская принцессочка, которая приехала жениться на вавилонском короле! Она мне рассказала, что у них там водятся ужасно певучие жаворонки. И еще ужасно мяучие кошки. Давайте сгоняем туда ненадолго! Тем более, что когда я рассказала ей про амулет и про эти смешные птичьи лапки на нем, которые на самом деле оказались буквами, она сказала, что так могли писать только у них в Египте.

Остальные трое обменялись многозначительными взглядами, в которых, помимо всего прочего, читалось восхищение собственной мудростью, подсказавшей им утаить от Джейн ужасную правду о мрачном вавилонском узилище.

— А еще про Египет очень здорово написал доктор Бруэр в своей «Истории Священного Писания»,— продолжала между тем Джейн.— Представляете, как было бы здорово побывать в тех местах, где Иосифу снились его удивительные сны, а Моисей проделывал всяческие фокусы со змеями и посохами!

— Насчет змей я категорически возражаю!— сказала Антея, передергиваясь от отвращения.

— Ладно, если не хочешь, давай оставим Моисея в покое. Но вспомни, как чудесно мы развлекались в Вавилоне. Нам с принцессой дали к обеду целую кучу сладостей — правда, все они были какие-то ужасно вязкие и липкие, но все равно это было здорово! Вот увидите, и в Египте будет то же самое.

После длительного и, как всегда, не очень разумительного обсуждения Сирил, Роберт и Антея решили-таки согласиться с предложением Джейн. Так что на следующий день, непосредственно после завтрака (на который ни с того ни с сего был подан вкуснейший копченый лосось), дети разбудили Псаммиада и предложили ему занять место в «адовой явоське».

Не успел он туда забраться, попутно слегка подыбив шерсть на затылке и поворчав, как это это имеют обыкновение делать домашние кошки, когда их хотят погладить в неподобающий с их точки зрения момент, в комнату пошла старая нянечка.

— Ну, мои цыплятки,— сказала она,— что это вы все такие скучные?

— Да нет же, милая нянечка,— ответила Антея.— Вовсе мы не скучные. Мы серьезные. Мы собираемся тут в одно место, где очень, очень много всяких древних вещей.

— Ага! — сказала старая нянечка.— Никак, и Королевскую Академию? Что же, дело хорошее, но только смотрите, не бросайте денег на ветер, как это у вас водится!

Она смела со стола лососиные кости с хлебными крошками, убрала чайные чашки, свернула скатерть и со всем этим добром удали-

лась на кухню. И тогда Джейн подняла амулет над головой, а Антея, наподобие какой-нибудь там герцогини (или, опять-таки, актрисы варьете), отдающей приказание своему кучеру, гордо отчеканила:

— Египет, пожалуйста!

Сирил произнес волшебное имя силы, а Джейн торопливо добавила:

— Но только, чтобы Моисей там тоже был!

И вновь посреди полутемной столовой дома на Фицрой-стрит выросла удивительная фигурная арка, сквозь которую отчетливо просматривалось невероятной голубизны небо и неторопливо текущая под этим небом желтая река.

— Пойдите! — вдруг закричал Сирил, хватая Джейн за руку и запихивая ей амулет обратно под отворот платья.

— Какие все-таки мы с вами идиоты! — продолжал он, проделав все эти странные пассы. — Куда же мы собрались-то? Мы же теперь ни на минуту и носа не можем высунуть из дома, потому что эта самая минута может оказаться *той самой минутой!*

— Какой еще той самой минутой? — обиженно спросила Джейн, которая еще не совсем опомнилась от сотворенного над ней насилия.

— Вы что, не понимаете? Минутой, когда для королевы Вавилона выпадет первая же возможность повидать Лондон! — сказал Сирил.

И тут наконец до всех дошло.

Следующие несколько дней выдались на редкость скучными и похожими один на другой. Дети не осмеливались выходить из дому все разом, потому что не знали точно, когда вавилонскому королю взбредет в голову поохотиться на львов и, таким образом, предоставить королеве свободу действий — свободу, которую, как они точно знали, она употребит на то, чтобы нанести им вожделенный ею ответный визит.

Так что они выбирались по очереди — один день дома сидели девочки, другой — мальчики.

Сидеть дома было ужасно скучно. Вряд ли дети смогли бы долго выносить это полудобровольное затворничество, если бы не ученый джентльмен, с которым у них завязалась самая настоящая дружба.

Однажды он позвал Антею к себе в кабинет и показал чудесной красоты ожерелье из сиреневых и золотых бусинок.

— Я такое уже видела, — сказала Антея. — Это было в...

— В Британском Музее?

— Извините, но я предпочитаю называть то место Вавилоном, — уклончиво возразила Антея.

— Отличная придумка! — одобрительно заметил ученый джентльмен. — И, кстати, абсолютно соответствующая истине, потому что эти бусы и в самом деле происходят из вавилонского царства.

В этот день Антея осталась нести вахту одна. Мальчишки собрались в зоопарк, и едва за ними захлопнулась дверь, как Джейн, крепившаяся все утро, не выдержала и тоненьким голоском заныла:

— Ага, там есть такой маленький миленький носорожечек, так его никто не любит, кроме меня!

В конце концов Антея разрешила ей пойти вместе с остальными, и Джейн, сорвавшись с места наподобие застоявшейся кобылицы, бросилась вон из дому. Она бежала так быстро, что нагнала мальчиков еще до того, как они успели достичь того места, где улица Фицрой-стрит ни с того ни с сего становится площадью Фицрой-сквер.

Чтобы не скучать в одиночестве, Антея решила посетить ученого джентльмена.

— О, Вавилон показался мне ужасно интересным местом,— сказала Антея.— Мне, знаете ли, на днях снился потрясающий сон про Вавилон. Ну, вообще-то, это был не совсем сон, но, все равно, ничего лучше я в жизни не видывала!

— Что ты говоришь? — заинтересовался ученый джентльмен.— А ну-ка, присядь и расскажи все по порядку.

Антея уселась на стул и принялась рассказывать о своих вавилонских приключениях. Ученый джентльмен задавал ей огромное количество вопросов, и она, как могла, отвечала на них.

— Удивительно! Поразительно! — не переставал восклицать ученый джентльмен, а когда Антея закончила, пробормотал: — Сейчас, ко-

нечно, много говорят о феномене передачи мыслей на расстояние, но вот уж никогда не думал, что у меня вдруг откроются подобные способности! Опять-таки другого объяснения всей этой чертовщине просто не может быть. Но, в таком случае, это вряд ли полезно для тебя, моя милая детка. У тебя, случайно, голова не болит?

И он одним стремительным движением приложил свою холодную тонкую руку ко лбу Антеи.

— Ничуть не болит, спасибо,— ответила Антея.

— Уверяю тебя, это произошло совершенно случайно,— продолжал он.— Я очень хорошо осведомлен о бытовых аспектах жизни вавилонского царства периода расцвета и, по-видимому, неволью передал тебе кое-какую информацию. Ты, надеюсь, слышала о телепатии? Так вот, почти все, что ты мне рассказала, навеяно моими мыслями, но кое-какие детали ты безусловно выдумала, потому что они противоречат всем имеющимся на сегодняшний день научным представлениям. Хотя, черт бы меня побрал, звучат они на удивление убедительно!

— Да ладно вам,— принялась успокаивать Антея не на шутку разнервничавшегося ученого джентльмена.— Все в полном порядке. Я прекрасно понимаю вас. Все будет хорошо.

Однако этому ее последнему убеждению суждено было длиться очень недолго. Услышав, что остальные трое вернулись домой, она спустилась вниз, но прежде чем Сирил, Роберт и Джейн успели поделиться с нею впечатле-

ниями о посещении зоопарка, на улице раздался такой ужасающий шум, что по сравнению с ним рыканье всех зоопарковых носорогов, сколько бы их там ни было, могло показаться пением райских птиц.

— Господи Боже мой! — воскликнула Антея. — А это-то еще что такое?

Возбужденные вопли толпы совершенно отчетливо доносились в открытое окно. Среди них преобладали высказывания следующего типа:

— Смотри-ка, пугало!

— Сам ты пугало! Сейчас же не ноябрь*. Это просто одна из балетных леди сбежала из цирка, точно вам говорю!

— Да нет же! Это какая-то чокнутая из психушки!

Затем прозвучал хорошо известный детям звонкий голос.

— Прочь, рабы! — прокричал он.

— О чем это она там талдычит? — одновременно вскричала дюжина голосов.

— А черт его знает! Это по-иностранному, — ответил кто-то.

Дети со всех ног бросились к входной двери и остановились на ступенях крыльца.

Все прилегающие к дому улицы были заполнены толпой. И посреди нее, на фоне чумазных лиц и темных одежд мастеровых, белело скрытое полупрозрачной вуалью прекрасное лицо королевы Вавилона.

* Имеется в виду опять-таки 5 ноября — день Гая Фокса, когда добропорядочные граждане носят по улицам чучела, а затем сжигают их на кострах.

— Черт подери! — воскликнул Роберт, бросаясь вниз по ступенькам.— Она все-таки заявила!

— Эй, вы! — кричал он, распахивая прохожих.— А ну-ка, разойдитесь! Дайте же леди пройти! Это наша приятельница, она приехала издалека навестить нас.

— Я бы такую приятельницу на порог не пустила! — проворчала толстая женщина с тележкой, доверху заваленной кабачками.

И все-таки толпа немножко посторонилась. Роберт уже всюю раскланивался с королевой, когда к ним подбежал запыхавшийся Сирил с «адовой авоськой» под мышкой.

— Я принес вам Псаммиада,— торопливо прошептал он.— Теперь можете загадывать, что хотите.

— Лично я бы хотел, чтобы вы подобрали себе подобающую одежду, прежде чем появляться у нас в Лондоне,— сказал Роберт.— Да только от моих желаний все равно не будет никакого проку.

— Вот именно! — злорадно заметила королева.— И вообще, с чего бы это мне рядиться в ваши отрепья? Наоборот, я хочу, чтобы все эти уличные крикуны были одеты подобающим образом — может быть, тогда они перестанут вести себя, как стая свихнувшихся ворон!

Псаммиад раздулся до такой степени, что «адова авоська» стала напоминать миниатюрный воздушный шар. И вдруг каждый из присутствующих в толпе мужчин, женщин и детей почувствовал, что ему явно недостает одежды. И немудрено — когда королева говорила об

уличных крикунах, она не могла иметь в виду никого, кроме вавилонских бедняков трехтысячелетней давности, а те, как уже детям было известно, обилием одежды не отличались.

— Чтоб я сдохла,— закричала толстая торговка кабачками,— если это не самая грязная шутка, которую мне довелось видеть с тех пор, как в Лондоне орудовал Джек-Потрошитель!— И она с неожиданной для ее лет и фигуры быстротой покатила свою тележку вверх по улице.

— Кстати о пугалах,— сказал своему соседу продавец обувных шнурков.— Ты сейчас ужасно напоминаешь одно из них.

— Ты бы лучше помолчал!— огрызнулся его собеседник.— Посмотри-ка на свои дурацкие ноги! Ума не приложу, как тебе удастся торговать шнурками, когда у самого не то что ботинок, а и штанов нету?

— Да вот чтоб у меня прямо сейчас глаз выпал, коли я всегда так хожу!— сказал потрясенный продавец шнурков.— Пусть я вчера немножко принял лишнего, но не до такой же степени, чтобы одеться как последний клоун из балагана!

Остальная толпа была занята примерно такими же разговорами. Все очень нервничали и очень злились, но пока еще никому не приходило в голову, что во всем была виновата королева.

Наконец Антея схватила ее за рукав и втащила вверх по ступенькам крыльца. Мальчики с Джейн последовали за ними. Оказавшись в холле, шедший последним Сирил быстро захлопнул входную дверь.

— Будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю! — причитал кто-то снаружи. — О, мои бедные мозги! Пойду домой, напьюсь с горя — может и полегчает.

По всей видимости, вся остальная толпа постепенно пришла к такому же решению, потому что «одетые подобающим образом» торговцы и мастера вдруг развернулись и бросились бежать, откуда пришли. За ними шло толпую следовала точно такая же толпа торговцев и мастеровых, только одетых *неподобным* образом.

— О Господи, сейчас сюда сбежится вся лондонская полиция! — в отчаянии застонала

Антея.— Ну почему тебя угораздило одеться именно так?

Королева, между тем, уже успела разлечься на стоявшей в холле кушетке из конского волоса.

— А как, по-вашему, может еще одеваться королева? — поинтересовалась она.

— *Наша* королева одевается, как все нормальные люди, — сказал Сирил.

— Ну, а я нет! И вообще, я должна сказать, — заметила гостя оскорбленным тоном, — что по вашему виду никак не скажешь, что вы сильно обрадованы моему появлению. Однако, может быть, это объясняется тем, что оно застало вас врасплох? Хотя, насколько я знаю, вы обожаете неожиданные появления и исчезновения. Чего стоит одно лишь ваше неожиданное исчезновение из моей спальни! Вот уже чего я никогда в жизни не забуду. Какой потрясающий трюк! Как вам это удалось?

— О, давайте сейчас не будем об этом! — сказал Роберт. — Видите ли, вы, кажется, очень сильно расстроили всех этих добрых людей, и я несколько не удивлюсь, если они все скопом побегут в полицию. А нам очень не хочется, чтобы вас взяли за шиворот и бросили в тюрьму.

— Королев не бросают в тюрьму! — надменно процедила она.

— Это у вас в Вавилоне не бросают, — сказал Сирил. — А у нас еще как бросают. А некоторым даже рубят головы.

— Что, прямо здесь, в этой убогой халупе? Как интересно!

— Нет, нет, не здесь. В прошлом.

— Ах, в прошлом! — презрительно протянула королева. — А я уж было подумала, что вы это сделали собственными руками.

Девочек передернуло от ужаса.

— Ну и отвратительный же у вас городишко! — между тем продолжала королева самым что ни на есть любезным тоном. — А уж какой грязный и невежественный народ! Представляете, во всей толпе не нашлось ни одного человека, который понимал бы, что я говорю!

— А вы их понимали? — спросила Джейн.

— Конечно, нет! Они все как один лопочут на каком-то варварском северном диалекте. Но вас-то я понимаю очень хорошо, и мне этого достаточно.

Я не собираюсь в который уже раз объяснить вам, как вышло, что дети могли понимать языки всех стран и народов, в которые их только ни заносил амулет, и, соответственно, разговаривать на них, как на своем родном английском. Замечу лишь, что они этого тоже не понимали и разговаривали, как Бог на душу положит.

— Ну что ж, — сказал набычившийся Сирил. — Раз вам так сильно не понравился наш город, так, может быть, вы хотите отправиться домой?

— Да что ты, я же еще ничего толком не видела! — сказала королева, оглаживая свою усыпанную серебряными заездами вуаль. — Я всего лишь пожелала оказаться у дверей нашего дома, и вот я здесь. Но этого мне мало. Я хочу встретиться с вашими королем и королевой.

— Да вас к королевскому дворцу и близко не пустят!..— начала было Антея, но, вспомнив о королевском происхождении своей собеседницы, продолжала совсем другим тоном.— Но знаете, мы можем показать вам кучу других замечательных дворцов — только захотите, и мы вас отведем повсюду, куда нас пустят.

Антея была очень доброй девочкой, к тому же в ней еще была жива память об оказанном им королевой гостеприимстве — даже несмотря на то, что она и проявила поистине вавилонское коварство в случае с Джейн и Псаммадом.

— У нас в городе есть музей,— со слабой надеждой в голосе произнес Сирил,— где собрано много всяких вещей из вашей страны. Эх, вот если бы вас как-нибудь переодеть...

— Я знаю как!— внезапно сказала Антея.— Наверху лежит старое мамино платье, в котором она ездила в театр, и еще там есть коробка со старыми шляпками.

При помощи нежно-голубого платья, обшитого вылинялыми кружевами, детям удалось скрыть от постороннего взора большую часть королевских прелестей, так скандализировавших лондонскую публику, но украшенная розовыми цветами шляпка, все время сползавшая ей на одно ухо, прямо скажем, производила самое неблагоприятное впечатление.

— Ладно, так сойдет! — сказала Антея Сирилу, когда он прошептал ей на ухо все, что думал по поводу экстраординарного туалета королевы.— Сейчас самое главное — вывести ее из дома, пока старая нянечка не просну-

дась. Нам и так повезло, что она спит уже сорок минут вместо пяти обещанных.

— Тогда пошли! — сказал Роберт. — Нам так и так опасно здесь оставаться. Нужно скорее добраться до музея. Если все эти люди, из которых она понаделала пугал, приведут полицейских, то они станут искать нас где угодно, но только не там.

Голубое шелковое платье и розовая шляпка королевы привлекали к ней ровно столько же внимания прохожих, сколько и ее первоначальный наряд, и дети почувствовали огромное облегчение, когда шум и толкотня центральных улиц наконец сменились прохладным покоем Британского музея.

— Сумки и зонтики оставляем в гардеробе! — объявил человек за стойкой. Ни у кого из детей, не говоря уже о королеве, зонтиков не оказалось, а единственной сумкой, какая у них нашлась, была «адова авоська» с Псаммиадом. Дело в том, что, несмотря на все их протесты, королева настояла на том, чтобы они взяли Песчаного Эльфа с собой.

— Я не желаю, чтобы меня оставляли в гардеробе! — возмутился Псаммиад. — Так что даже и не думайте об этом!

— Я побуду с тобой у дверей, — успокоила его Антея и, поспешно пройдя на площадку перед входом, уселась на скамейку у одного из питьевых фонтанов.

— Пожалуйста, отойди от этого идиотского фонтана! — все еще сердито произнес Песчаный Эльф. — Я боюсь, что он меня в конце концов забрызгает с ног до головы.

Антея послушно пересела на другую ска-

мейку и принялась ждать. Если вам приходилось когда-нибудь ждать кого-нибудь на скамейке у Британского музея (а равно и у галантерейного магазина или билетных касс), вы знаете, как мучительно долго имеет обыкновение не появляться ожидаемая вами персона. Антее, во всяком случае, показалось, что прошел не один час, а королевы с детьми все не было. Псаммиад уже давно ворочался в беспокойном сне, да и сама Антея начала клевать носом — а входная дверь по-прежнему открывалась только для того, чтобы выпустить каких-то незнакомых (и по большей части очень ученых) людей в очках.

Внезапно ее как будто толкнули в бок — она повернула голову к дверям и увидела, что королева с детьми уже минут пять стоят у входа и что стоят они *не одни*. Вокруг них сомкнулась плотная толпа, состоящая, в основном, из затянутых в униформу служителей музея и нескольких ученых джентльменов. И те и другие были ужасно рассержены.

— Ну ладно, — говорил, как показалось Антее, самый добрый из рассерженных служителей. — Отведите домой эту полоумную бедняжку да накажите маме с папой, чтобы они построже следили за ней.

— А если вы не сможете справиться с ней сами, — сказал самый злой из служителей, — мы немедленно вызовем полицию!

— Вообще-то, мы ни в коем случае не желаем прибегать к насильственным мерам, — добавил добрый джентльмен, который, как видно, был у служителей самым главным.

— Можно, я сначала перекинусь парой слов со своей сестрой? — попросил Роберт.

Добрый джентльмен утвердительно кивнул, и кольцо служителей на секунду расступилось, чтобы пропустить Роберта. Затем оно сомкнулось плотнее прежнего.

— Ты, наверное, уже сама обо всем догадалась, — сказал Роберт в ответ на вопросительный взгляд Антеи. — Боже, я в жизни не видывал подобного скандала! Сначала она заявила, что все эти ожерелья, браслеты, сережки и прочие выставленные в витрине блестящие штучки на самом деле принадлежат ей. Потом она захотела достать их оттуда. Еще потом она попыталась разгрохать витрину — и таки отломила от стекла маленький кусочек! Естественно, что все, кто был в музее, тут же на нее набросились. Да что толку! Она ушла только после того, как я сказал ей, что это и есть то самое место, где отрезают головы королевам.

— Но, Бобс, это же неправда!

— Ты бы еще и не то сказала, чтобы вытащить ее оттуда! К тому же, это самая что ни на есть правда. Только я имел в виду не живых королей, а их мумии, которых там, кстати, видимо-невидимо. Должны же профессора отрезать им головы, чтобы узнать, как раньше бальзамировали людей? Да ладно, я только хотел спросить, не могла бы ты как-нибудь уговорить ее уйти подобру-поздорову?

— Попытаюсь, — пожала плечами Антея и подошла к королеве.

— Знаете что, пойдете домой! — сказала она. — У нас наверху живет бедный ученый джентльмен, так у него есть такое потрясаю-

щее ожерелье, что весь этот здешний хлам ему ни в какие подметки не годится. Не хотите взглянуть на него?

Королева неохотно кивнула.

— Вот видите! — сказал злой джентльмен. — А вы говорите, что она не понимает по-английски!

— А мне-то казалось, что я говорю по-вавилонски... — оторопело сказала Антея.

— Мое милое дитя, — обратился к ней добрый джентльмен, — ты говоришь вовсе не по-вавилонски, а очень и очень по-детски. Знаешь, ты лучше заberi своих братишек и сестричек и ступай с ними домой. Да, и не забудь рассказать папе с мамой обо всем, что произошло!

Антея взяла королеву под руку и как можно нежнее повлекла ее за собой. Остальные дети тут же присоединились к ним, а толпа рассерженных джентльменов осталась стоять на ступеньках, неодобрительно волнуясь и шумя. И надо же было такому случиться, чтобы на самой середине прилежавшей к музею площади, когда пристыженные дети уже начали думать, что на сегодня все их злоключения остались позади, блистающий от гнева взгляд королевы упал на мешок с Псаммиадом, все еще болтавшийся под мышкой у Антеи. Королева резко остановилась, развернулась по направлению к музею и своим громким, звонким голосом прокричала:

— Я хочу, чтобы все, что принадлежит великому Вавилонскому царству, вышло из этого презренного дома и стало у моих ног. Только пусть все вещи выходят очень медленно — я хочу, чтобы эти рабы, они же собаки,

поочию убедились в силе волшебства Великой Королевы!

— О Господи, что за вздорная баба! — выдохнул в своем мешке Псаммиад и принялся горопливо раздуваться.

В следующий момент площадь перед Британским музеем огласилась громовым треском. Вертящиеся стеклянные двери со всеми их причиндалами, включая массивную деревянную раму, со свистом вылетели наружу и разбились на восемнадцать тысяч мелких осколков. Толпа рассерженных джентльменов обернулась, чтобы посмотреть, в чем дело, и тут же с воплями разбежалась в разные стороны. Один лишь злой джентльмен оказался недостаточно проворным и, к вящему удовольствию королевы и детей, получил изрядный пинок от медленно протискивающегося через голый дверной проем гигантского каменного быка. Разделавшись со злым джентльменом (который, почесывая ушибленное место, стремительно удалился за угол), каменный бык величаво подплыл к королеве и смиренхонько опустился у ее ног.

За быком последовало еще несколько скульптур и неисчислимое количество покрытых древней резьбой каменных плит, цветных кирпичей, боевых шлемов, мечей, копий, каких-то неведомых инструментов типа «соха», модных цепей, бочонков, кувшинов, бутылей, ваз, чаш, блюд, печатей, снова каких-то непонятных длинных цилиндрических штуквин, много напоминавших металлические стержни, с отпечатанной на каждой из них маленькой птичьей лапкой, ну и, естественно,

ожерелий, браслетов, колец, сережек — словом, из музея вылетали целые груды всякого разнообразного добра, не поддающегося ни счету, ни описанию.

К тому времени все рассерженные служители обессиленно сидели на ступенях музея, и лишь один добрый джентльмен стоял себе, засунув руки в карманы и всем своим видом давая понять, что ему не впервой наблюдать, как огромные каменные быки и прочие экспонаты вавилонского отдела совершают полет над музейной площадью. Однако, он все-таки послал одного из своих подчиненных закрыть большие железные ворота, отсекающие площадь от всего остального мира.

Какой-то журналист, только что вышедший из музея, остановился около Роберта и спросил:

— Теософские штучки, я полагаю? Наверное, миссис Безан развлекается?

— *O ga!* — отмахнулся от него Роберт.

Журналисту удалось проскользнуть через ворота за секунду до того, как они закрылись. Он тут же устремился на Флит-стрит, и через полчаса на всех перекрестках уже продавался специальный выпуск газеты, на которую он работал. На первой странице выпуска наличествовал набранный самыми крупными буквами заголовок (остается только удивляться, как это все слова умещались в отведенное им количество строк):

МИССИС БЕЗАН И ЕЕ ТЕОСОФСКИЕ ШТУЧКИ

**Скандалная демонстрация силы
во дворе Британского музея**

Приобретя газету, несколько джентльменов из разряда тех, кому вечно нечего делать, юбрались на крыши омнибусов и отправились к музею поглазеть на обещанное им чудо. Но к тому времени, как им удалось туда добраться, на примузейной площади уже ровным счетом ничего не было. А все потому, что увидев закрытые ворота, королева Вавилона вспомнила, что ей говорил Роберт про отрубленные венценозные головы, и быстро сказала:

— Я хочу, чтобы мы оказались у вас дома. Где они тотчас и оказались.

Псаммиад был просто вне себя от ярости.

— Знаешь, что я тебе скажу? — надсажался он. — Из-за твоей глупости сюда сейчас нагрянут полицейские. В доме будет обыск, и в конце концов они найдут меня! И мне придется провести остаток жизни в каком-нибудь избранном золотыми решетками вестминстерском кабинете, без сна и отдыха выполняя желания ваших идиотских политиков! Разве нельзя было оставить все эти вещи на своих местах?

— Ну и темперамент у тебя, мой милый! — ледяным тоном сказала королева. — Хорошо, и хочу, чтобы все вещи вернулись на свои места. Теперь, надеюсь, твоя душенька довольна?

Псаммиад раздулся. Псаммиад сдулся. Псаммиад заговорил очень сердитым голосом:

— К сожалению, я не могу отказать тебе насчет желаний, но учти, что я умею (и люблю) кусаться. И если эти глупости будут продолжаться, я тебя непременно укушу. Запомни же это хорошенько!

— Пожалуйста, не злись! — прошептала Антея, склоняясь к мохнатому псаммиадову уху.— Нам тоже от нее одни неприятности. Но мы все равно тебя любим. И мы очень надеемся, что она скоро захочет домой.

— Только не *она!* — сказал, немного смягчившись, Псаммиад.

— Вы обещали показать мне центр вашего омерзительного города,— сказала между тем королева.

Дети беспомощно переглянулись между собой.

— Если бы у нас были хоть какие-нибудь деньги,— сказал Сирил,— мы могли бы провезти ее по центру в кэбе. Тогда она не так бы бросалась в глаза народу. Но у нас нет денег.

— Продайте это,— сказала королева, снимая с пальца огромный перстень,— и у вас будет много денег.

— Ага! — с горечью произнес Сирил.— Первый же лавочник, к которому мы с ним сунемся, решит, что мы его украли, и нас посадят в тюрьму.

— Сдается мне, что когда дело касается вас, все дороги начинают вести в тюрьму,— язвительно заметила королева.

— Ученый джентльмен! — вдруг вспомнила Антея и, выхватив у Сирила перстень, бросилась вверх по лестнице.

— Послушайте! — сказала она ученому джентльмену.— Хотите, я вам продам это кольцо за один фунт стерлингов?

— О! — только и мог вымолвить тот, получше рассмотрев драгоценную вещь.

— Честное слово, это колечко не краденое, — убеждала его Антея. — Мне поручили его продать.

— Знаешь что? — сказал ученый джентльмен. — Один фунт стерлингов, если уж на то пошло, я тебе дам взаймы. И я с удовольствием обещаю тебе самым тщательным образом работать о твоём замечательном перстне. Кстати, кто тебе его дал?

— Между собой мы называем её королевой Вавилона, — осторожно ответила Антея.

— Опять ваши игры? — с надеждой спросил ученый джентльмен.

— Хороши игры! — сказала Антея. — Я не знаю, что она со мной сделает, если я не достану ей денег на кэб!

— Иногда мне приходит в голову, что я сошел с ума, — медленно произнес ученый джентльмен. — Или же...

— Или же, что сошла с ума я, — закончила за него Антея. — Прошу вас, не беспокойтесь! И вы, и я, и даже она — все мы находимся в здравом рассудке.

— Так это ваша неведомая подруга сказала вам, что она — королева Вавилона? — смущенно орзя на стуле, спросил ученый джентльмен.

— Ага, — беззаботно ответила Антея.

— Похоже, что передача мыслей возможна на гораздо более дальние расстояния, чем я предполагал, — задумчиво произнес ученый джентльмен. — Значит, теперь я подсознательно влияю еще и на мозг вашей подруги. Вот уж не думал, что мои скромные изыскания по истории Вавилонского царства принесут такие неожиданные плоды! Ужасно! Как сказал

великий Шекспир, «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...»

— Что правда, то правда,— сказала подпрыгивающая от нетерпения Антея.— Однако как раз в данный момент меня интересует лишь одно — фунт стерлингов, который вы мне обещали.

— Ох уж мне эта телепатия! — печально произнес ученый джентльмен.— Это несомненно вавилонский перстень — а, может быть, это мне только кажется? Может быть, я загипнотизировал самого себя? Нет, как только я закончу с корректурой моей книги, я немедленно отправлюсь к врачу.

— Правильно! — воскликнула Антея.— И огромное вам спасибо!

С блестящим новеньким совереном в руке она стремительно сбежала по лестнице и присоединилась к остальным. А через несколько минут королева Вавилона уже сидела у окна четырехколесного кэба и критическим оком взирала на чудеса величайшей столицы мира. Букингемский дворец показался ей скучным и малопривлекательным. Примерно такое же впечатление осталось у нее от Вестминстерского аббатства и здания Парламента. Но ей понравился Тауэр, а Темза с ее пристанями и кораблями вызвала у нее неподдельное удивление и восторг.

— Однако вы очень плохо содержите своих рабов,— заметила она, когда колеса кэба загрохотали по булыжнику Майл-Энд-Роуд.— Посмотрите, какими они выглядят голодными и запущенными!

— Никакие они не рабы! — возмущенно сказала Джейн.— Просто они здесь работают.

— Идиоту понятно, что рабы работают, пошны воюют, правители правят, а пьяницы пьют! — парировала королева. — И, пожалуйста, не надо меня учить! Неужели вы думаете, что я не могу отличить раба от всех остальных людей? Но почему все-таки хозяева ваших рабов не смотрят за тем, чтобы их собственность выглядела поприличнее? Почему они их так плохо кормят и одевают? А ну-ка, ответьте мне в трех словах!

Ответить ей, конечно же, никто не мог. Дело в том, что система оплаты труда в современной Англии слишком сложна, чтобы даже те, кому она досконально известна, могли объяснить ее в трех словах. А дети, естественно, понимали в ней не больше, чем напусы в двигателе внутреннего сгорания.

— Если вы и дальше будете так наплеватьски обращаться со своими рабами, они у вас обязательно взбунтуются, — предостерегающим тоном сказала королева.

— Не взбунтуются! — сказал Сирил. — Видите ли, у них есть право голоса, а наш папа говорит, что когда у человека есть право голоса, он уж точно не будет бунтовать.

— А что это такое — «право голоса»? — поинтересовалась королева. — Это что, волшебный амулет? И вообще, какая от него польза?

— Не знаю, — сказал немного сбитый с толку Сирил. — Право голоса — это право голоса, и все тут! Какая от него может быть польза?

— Я так и знала, — удовлетворенно кивнула королева, — что все это — пустая болтовня. Что ж, я желаю, чтобы у каждого из этих рабов сейчас же оказались в руках еда и питье!

Самая желанная еда и самое любимое питье,— добавила она.

В тот же самый момент все населявшию Майл-Энд-Роуд люди, а равно и жители других бедных районов города, к своему безмерному удивлению обнаружили у себя в руках разнообразные съедобные предметы. Из окна кэба детям были видны прохожие, нагруженные совершенно невероятными в местных условиях натуральными и консервированными продуктами — тушеным мясом и птицей, красными омарами и большими желтоватыми крабами, жареной рыбой и вареной свининой, мясными пудингами и луковой окрошкой, бараньими окороками и ванильными пирогами. У молодых людей и детей чаще можно было увидеть апельсины, конфеты и пирожные. Странно, но эта, казалось бы, незначительная деталь коренным образом изменила весь облик Майл-Энд-Роуд — улица как будто стала прямее, ровнее и, самое главное, светлее. Хотя, может быть, ее освещали улыбки, впервые за долгие годы появившиеся на лицах людей?

— Ну что, есть разница? — спросила королева.

— О, милая королева, это твое самое лучшее желание за весь сегодняшний день! — сказала Джейн, едва не пуская слезу от умиления.

У самой набережной кэбмен остановил лошадь.

— Дальше я вас не повезу, хоть вы тресните! — сказал он. — Так что вылезайте!

Вылезать очень не хотелось, но что им еще оставалось делать?

— У меня сейчас время чая, — проворчал кэбмен, когда вся компания выбралась из кэба

на асфальт. Только тут дети заметили, что на облучке кэба громоздилась горка дымящейся тушеной капусты со свиной и яблочным соусом. Кроме того, там же наличествовали жареная кура и смородиновый пудинг. И огромная кружка пива.

Когда дети с королевой сагились в кэб, ничего подобного на облучке не было!

— А теперь заплатите мне за работу! — угрожающим тоном произнес кэбмен и мрачно уставился на прибрежную насыпь, продолжая что-то неразборчиво бормотать про свой чай.

— Ничего, мы возьмем другой кэб, — с достоинством заявил Сирил. — Будьте добры, сдайте мне сдачу с моего соверена!

Однако, как тут же и выяснилось, свалившаяся невесть откуда капуста со свиной отнюдь не придала кэбмену высокоморальных качеств. Он выхватил у Сирила соверен, хлестнул вожжами лошадь и растворился в потоке кэбов, экипажей, омнибусов и трамвайных вагонов. Очевидно, отправился набивать брюхо дармовой едой.

А между тем вокруг наших четверых приятелей и их спутников уже стала собираться небольшая толпа зевак.

— А, черт с ним! Пойдемте домой! — сказал Роберт и, как всегда, повел остальных в неверном направлении.

Теперь они шли по узкой улочке, до отказа набитой джентльменами в строгих черных костюмах, белых крахмальных воротничках и неопределенного цвета лакированных штиблетах. Шляп на черно-белых джентльменах не имелось. Большинство из них стояли, присло-

нившись к стенам домов и, отчаянно размахивая руками, вели какие-то непонятные арифметические разговоры.

— Вы только посмотрите, как отвратительно одеваются эти странные люди! — сказала королева. — А ведь если их одеть поприличнее, почти все они вполне могли бы украсить своим благородным обликом (особенно это касается их длинных крючковатых носов) пиршественную залу нашего дворца. Ладно же, я хочу, чтобы все эти люди были одеты как мои вавилонские придворные!

Естественно, ее желание было исполнено.

Как только почти засыпающий от усталости Псаммиад раздулся в своей авоське, каждый, кто в тот момент находился на Трогмортон-стрит*, предстал миру в полной вавилонской придворной экипировке.

Каждый был тщательно завит, надушен и напудрен, и у каждого с плеч свисала расшитая золотом тяжелая пурпурная туника. На руках у каждого были кольца и браслеты, на шее — золотые отложные воротники, на боку — сабля в позолоченных ножнах, а на голове — самая немислимая прическа на свете.

Минуту-другую улица хранила гробовое молчание.

— Вот что я тебе скажу, — заговорил вдруг чернявый молодой человек, который до того был блондином, обращаясь к своему приятелю. — Это все, конечно, обман и надувательство, и вообще, скорее всего, что-то случилось у меня с глазами, но ты, брат, выглядишь просто чудно!

* Трогмортон-стрит — улица, в южной части которой находится здание Королевской Биржи.

— Чудно, скажешь тоже! — ответил его собеседник. — Да ты посмотри на себя-то! Ну и ну! У тебя же волосы почернели и борода выросла! Нет, уж я-то знаю, что с нами приключилось. Нас всех отравили, вот что! Нет, брат, ты просто вылитая обезьяна!

— А вот старый Левинштейн выглядит очень даже ничего себе. Но как это могло с нами случиться, вот что я бы хотел знать. Как такое вообще может быть? Это что, факирство или еще какая-нибудь там гадость?

— Мне, кажется, снится от-чень плохой сон, — говорил между тем старый Левинштейн своему клерку. — Я шел по Бишопсгейт и видел, как от-чень много простолюдинов имеют у себя в руках от-чень много еды — *хорошей* еды! О, конечно, конечно, эт-то всего лишь плохой сон.

— Тогда, сэр, я, наверное, тоже сплю, — ответил ему клерк, с ненавистью разглядывая свои ноги. — Как хотите, а я имею на своих ногах не шикарные лакированные ботинки, а какие-то плохие сандалии.

— И вся эта хорошая еда пропадает даром! — вздохнул старый мистер Левинштейн. — Плохой сон — дурной сон!

Члены Королевской Биржи известны тем, что даже в самые спокойные дни представляют из себя несусветно шумное сборище. Однако, когда им вдруг понадобилось выразить свое отвращение по поводу вавилонского обычая одеваться, они подняли такой гвалт, что находящийся на другом конце города перекупщик, решив, что это наконец-то упали цены на зерно, зарядил свой большой револьвер и всадил себе в лоб все имевшиеся в нем

Ч. А. МИХАЙЛОВ 1923

шесть пуль. И немудрено — каждому пришлось изо всех напрягать глотку, чтобы услышать собственный голос.

— У меня лишь одно желание! — кричал бывший блондин, заподозривший во всем случившемся международный заговор факиров. Он стоял рядом с детьми, и те почувствовали, как их начинает бить нервная дрожь. Они-то знали, что он получит все, чего ни пожелает. — Так вот, я всего лишь хочу, чтобы мы знали, кто все это с нами устроил!

Естественно, в следующую секунду все они знали это. В который уже раз за этот день вокруг королевы образовалось плотное кольцо из возмущенных людей.

— Позор! Позор! — кричало одновременно

двести, а то и триста надсаженных глоток.— Мы заставим ее ответить за это по закону! Задержите ее! Вызовите полицию!

Королева дико озиралась вокруг.

— Что это с ними? — спросила она.— Они беснуются, как дикие львы в клетке! Только я никогда не видела столько разъяренных львов сразу. Что это они там вопят?

— Они зовут полицию,— мрачно ответил Сирил.— И, знаете, я их ни капельки не виню. Я знал, что рано или поздно это должно было случиться.

— Я хочу, чтобы здесь были мои телохранители! — закричала королева. Истощенный донельзя Псаммиад дрожал с ног до головы и отчаянно хватал ртом воздух, но, несмотря ни на что, в следующее мгновение красная, зеленая, золотая, медная и железная лава затопила Трогмортон-стрит, и вокруг королевы засверкала сплошная стена мечей и копий.

— Я есть сумасшедший,— сказал мистер Розенбаум.— Так, так, так. Значит, я все-таки есть сумасшедший!

— Это просто наступил твой Судный день, Роза,— сказал ему его компаньон.— Я всегда тебе говорил, что ты чересчур перегнул палку в том деле с «Цветочной росой». Так что вот теперь тебе наказание, да и мне заодно!

При виде сверкающих лезвий, закованных в броню фигур и свирепых лиц королевских телохранителей члены Королевской Биржи начали осторожно пятиться в оба конца улицы. Но Трогмортон-стрит была чересчур узка для того, чтобы по ней могли удариться в бегство одновременно несколько сот человек, и воз-

никшая по этому поводу паника только осложнила ситуацию.

— Убейте их! — закричала королева. — Убейте нечестивых собак!

Телохранители подчинились.

— Все это лишь сон, — бормотал мистер Левинштейн, выглядывая из-за спины своего клерка. — Плохой сон — дурной сон!

— Как бы не так! — кричал клерк. — Это не сон. О, Господь всемогущий! Эти иноземные звери убивают всех, кто только под руку попадет! Генри Гиршу выпустили кишки, а Прентиса разрубили напополам, а вон и Гут упал, и у Лайонела Козна больше не имеется головы! И у Ги Никельса тоже! Сон, говорите? Хотел бы я, чтобы все это было только сном!

И, конечно же, в следующую секунду все стало только сном! Члены Королевской Биржи недоуменно протерли глаза и как ни в чем не бывало вернулись к своим бесконечным «понижениям», «повышениям» и прочим прыжкам и выкрутасам курса, а также к «транксам», «каффирам», «стилзам», репортам, депортам и опционам* — одним словом, ко всей этой идиотской тарабарщине, которой так любят

* «Транксы» (бирж. жарг.) — акции железнодорожных компаний.

«Каффирсы» (бирж. жарг.) — акции южно-африканских алмазных рудников.

«Стилзы» (бирж. жарг.) — акции сталелитейных компаний.

Репорт (ком.) — отсрочка расчета по фондовой сделке или же надбавка в цене, взимаемая продавцом за такую отсрочку на Лондонской бирже.

Депорт (ком.) — скидка за согласие на перенос расчетов по срочной сделке на Лондонской бирже.

Опцион (ком.) — сделка с премией.

забавляться молодые и здоровые мужчины, без дела отирающиеся на Трогмортон-стрит.

И никто никому не сказал ни слова о своем удивительном сне. Помнится, однажды я уже говорила вам, что деловые люди очень боятся, как бы кто-нибудь не прознал о том, что им довелось заснуть в рабочее время. И уж, конечно, для них было бы равносильно самоубийству, если бы вдруг стало известно, что им снились такие ужасные вещи, как роскошные обеды для голодающих или же поголовное истребление Королевской Биржи.

* * *

Итак, бледные и дрожащие от ужаса дети очутились в гостиной дома номер 300 по Фицрой-стрит. Псаммиад из последних сил вылез из своей «адовой авоськи» и неподвижно распростерся на столе, вытянув задние ноги и более всего на свете напоминая убитого на охоте зайца.

— Слава Богу, все позади! — сказала Антея, издав глубокий вздох облегчения.

— Она больше не вернется, ведь правда? — спросила все еще не пришедшая в себя после кровавых событий на Королевской Бирже Джейн.

— Нет, — ответил Сирил. — Теперь она навеки останется в своем прошлом. Однако, черт подери, мы истратили на нее аж целый фунт стерлингов! Теперь нам придется до старости экономить на карманных деньгах, чтобы отдать долг ученому джентльмену.

— А вот и нет! — сказал Роберт. — Не забывай, что все это было одним лишь сном.

Помните, что сказал клерк? «Хотел бы я, чтобы все это было только сном». Пантерочка, будь другом, сбегай наверх и спроси у бедного ученого джентльмена, занимала ли ты у него сегодня какие-нибудь деньги?

— Прошу прощения,— вежливо осведомилась Антея, после того как на ее стук последовало приглашение войти и ученый джентльмен приветствовал ее у порога,— но я бы хотела узнать одну очень важную вещь. Еще раз извините, но не давали ли вы мне сегодня займы один фунт стерлингов?

— Нет,— ответил ученый джентльмен, приветливо глядя на нее сквозь толстые стекла очков.— И все же очень примечательно, что ты спрашиваешь меня об этом. Дело в том, что под вечер я немного вздремнул (что у меня, кстати, очень редко бывает), и мне приснился удивительный сон. Я чрезвычайно отчетливо помню, как ты принесла мне драгоценный перстень, который, по твоим словам, принадлежал королеве Вавилона. Потом я одолжил тебе соверен, а ты оставила мне на сохранение королевский перстень. Да, скажу я тебе, это был поистине уникальный артефакт.— Тут он повздыхал немного, а потом сказал:— Хотел бы я, чтобы это был не сон!

А еще потом он улыбнулся. В последнее время у него стали выходить просто потрясающие улыбки.

Антея тоже улыбнулась. Она мысленно благодарила судьбу за то, что рядом с ними не было Псаммиада, способного удовлетворить это жуткое желание.

АТЛАНТИДА

Если вы внимательно следовали объяснению Псаммиада насчет того, что время является не более чем мысленной абстракцией, то вы уже, наверное, догадались, что приключение с вавилонской королевой было единственным приключением в этой книжке, отнявшим у детей определенное количество *реального времени*. Все остальное реальное время дети проводили в разговорах о тех необычайных вещах и происшествиях, которые им довелось наблюдать в прошлом, куда они переносились при помощи могущественного амулета и где проводили не только часы, но иногда и целые дни, причем, возвратившись обратно в свой родной Лондон, они обнаруживали, что их отсутствие длилось не дольше, чем длится средняя по величине вспышка молнии.

Они разговаривали о прошлом за едой, на прогулках, за играми в гостиной или в кабинете на первом этаже, но чаще всего — на лестнице. И вот почему: дом номер 300 по Фицрой-стрит был очень старым и некогда очень величественным зданием. Теперь он слегка подзатерялся посреди

наступавших на него со всех сторон огромных новых строений, но, несмотря на это, сумел сохранить все свое бывшее величие. В том числе и лестницу, перила которой были настолько широки, что по ним можно было смело кататься вдвоем. На площадках лестницы имелись просторные ниши, служащие некогда обрамлением для изящных форм античных статуй, а теперь чаще всего вмещавшие в себя изящные формы Сирила, Роберта, Антеи и Джейн.

В один прекрасный день Сирил с Робертом развлекались тем, что, одевшись в белое облегающее нижнее белье, изображали из себя все знаменитые статуи, какие им только доводилось видеть в Британском музее и огромном папином альбоме по искусству. К несчастью, представление закончилось весьма внезапно и драматически: Роберт, которому захотелось стать Венерой Милосской, не нашел ничего лучшего, как поднять с пола требуемую ему для драпировки скатерть как раз в тот самый момент, когда вооружившийся отделанным позолотой белым блюдом Сирил стоял на ней одной ногой, изображая статую дискобола. Вторая нога Сирила, как и положено дискоболам, болталась в воздухе.

Ничуть не удивительно, что в результате и дискобол, и неудавшаяся Венера Милосская оказались на полу в весьма плачевном состоянии. Больше всего досталось, конечно же, блюду, которое после этого никак не хотело снова собираться воедино, какие бы усилия и какие бы огромные количества клейстера и яичного белка ни прилагали для этого мальчики.

— Ну что, теперь-то твоя душенька довольна? — сказал Сирил, изо всех сил потирая лоб, на котором со скоростью три дюйма в секунду выростала синегато-оранжевая шишка.

— Вполне довольна, спасибо, — отвечал Роберт, морщась от боли. Большой палец его правой руки попал в щель между двумя балясинами перил и загнулся назад почти до степени перелома.

— О, мой бедный милый Синичка! Какое несчастье! — запричитала Антея. — И это притом, что ты выглядел, как самый настоящий дискобол! Ладно, я сейчас быстренько принесу мокрое полотенце, а ты, Бобс, беги на кухню и засунь палец под горячую воду. Так всегда поступают балетные леди, когда их ноги загибаются не в том направлении, в котором нужно. Клянусь, я сама видела это в одной книге!

— В какой еще книге! — неприязненно отозвался Роберт, но тем не менее отправился на кухню.

Когда он вернулся назад, Сирил восседал на ступеньках лестницы с перевязанной холодным полотенцем головой и, благодаря совместным стараниям Антеи с Джейн, находился в расположении духа, которое позволило ему, пусть и неохотно, но допустить, что Роберт выдернул из-под него скатерть не нарочно.

После того, как Роберт столь же благородно признал, что в нанесенном его большому пальцу увечье не имеется ни капли сириловой вины, Антея поспешила увести разговор в сторону от досадного инцидента.

— Я полагаю, никому больше не хочется отправиться в прошлое на поиски амулета? — спросила она.

— Еще как хочется! — тут же откликнулась Джейн. — Я хочу отправиться в Египет и посмотреть там на миленьких египетских кошечек.

— Только не в Египет! — поспешно возразил Сирил. — Там слишком жарко, а я и так весь взопрел. — И в самом деле, в этот день стояла такая ужасная жара, что это чувствовалось даже на лестничной площадке второго этажа, которая была самым прохладным местом в доме. — Давайте лучше отправимся на Северный Полюс!

— Не думаю, чтобы амулет вообще когда-нибудь был на Северном Полюсе, — сказал Роберт. — Кроме того, мы там в один момент так отморозим себе пальцы, что у нас не будет сил снова поднять нашу половинку. Так что, спасибо, если хочешь, отправляйся туда один.

— Знаете что? — сказала Джейн. — Давайте разбудим Псаммиада и пусть он сам решит, куда нам отправиться на этот раз! Он ужасно любит, когда мы спрашиваем у него совета — даже несмотря на то, что мы обычно этого не делаем.

Антея побежала за Псаммиадом и вскоре принесла его вместе с вышитой красным шелком «адовой авоськой». Однако, прежде чем его успели о чем-либо спросить, дверь в комнату ученого джентльмена отворилась и в коридоре послышался незнакомый детям мужской голос. В дверном проеме показался

приходивший отобедать с ученым джентльменом приятель. Он стоял и, как показалось детям, разговаривал с дверной ручкой, на которую небрежно опирался правым локтем.

— Тебе нужно показаться доктору, старина,— говорил он.— Знаешь, все эти штучки насчет передачи мыслей на расстояние очень сильно напоминают мне обыкновенный заворот мозгов. Ты просто переработал. Возьми отпуск и отправляйся в Дьепп!

— Я бы лучше съездил в Вавилон,— ответил ему из-за двери ученый джентльмен.

— Раз уж на то пошло, то лучше поезжай в Атлантиду,— сказал, улыбаясь до ушей, приятель ученого джентльмена.— Заодно соберешь там материал для статьи, которую я уж скоро год как обещал послать в «Девятнадцатый век».

— Хотел бы я там оказаться!— с тоской в голосе сказал ученый джентльмен.

— Ну ладно, пока! Береги себя, старина!

Послышался звук захлопываемой двери, и приятель ученого джентльмена, прыгая через три ступеньки, принялся спускаться по лестнице. Это был дородный, цветущий мужчина, и детям пришлось подняться на ноги, чтобы пропустить его.

— Привет, ребятки!— сказал он, с улыбкой глядя на имевшиеся на сириловом лбу и робертовом большом пальце повязки.— Что, в войнушку играете? Смотрите, не доиграйтесь!

— У нас все в порядке,— ответил Сирил.— Скажите пожалуйста, что это за место такое— Атлантида? Ну, помните, куда вы еще хотели отправить ученого джентльмена? Дело в том, что мы случайно подслушали ваш разговор...

— Видите ли, вы разговаривали так громко... — поспешно добавила Джейн.

— О Атлантида, великая Атлантида и ее Сады Гесперид! — мечтательно пропел джентльмен. — Это такой огромный остров, безвозвратно канувший в пучину моря. Вы можете прочитать об Атлантиде у Платона.

— Благодарю вас, — сказал Сирил, с сомнением покачивая головой.

— А не было ли там каких-нибудь амулетов? — спросила Антея, которой в голову пришла неожиданная мысль.

— Я полагаю, их там было сотни, а то и тысячи. Так, значит, он говорил с вами об этом?

— Да, и очень часто. Он вообще очень добр к нам. И мы его очень любим.

— Знаете, что я вам скажу? Ему позарез нужно отдохнуть от работы. Постарайтесь его убедить в этом. Ему нужно, как это говорится, ненадолго переменить обстановку. У него сейчас голова разбухла от всех этих исследований по истории древнего Египта и Ассирии, и туда просто невозможно ничего вбить, если только не колотить день за днем, не переставая ни на минуту. К сожалению, у меня для этого абсолютно нет времени. Ну, а вы-то живете с ним в одном доме, так что вполне можете вколотить в него мысль проехать куда-нибудь на природу. Ну что, попытаетесь? Отлично! А теперь я должен бежать. До свидания!

И с этими словами цветущий джентльмен умчался вниз по лестнице. Джейн с улыбкой заметила, что он, скорее всего, был замечательным человеком и имел собственных маленьких ребятишек.

— Неплохо было бы когда-нибудь поиграть с ними,— мечтательно добавила она.

Остальные трое многозначительно переглянулись, затем Сирил, кивнув головой, сказал:

— Хорошо, давайте отправимся в Атлантиду!

— Давайте не просто отправимся в Атлантиду, но еще и возьмем с собой ученого джентльмена,— предложила Антея.— Все равно потом он решит, что это был сон, а, с другой стороны, обстановку-то он точно переменит!

— А почему бы нам не взять его в маленький, пушистенький Египет? — спросила Джейн.

— Слишком жарко! — коротко напомнил Сирил.

— Тогда в Вавилон,— настаивала Джейн.— Он же так хочет туда попасть!

— Откровенно говоря, я сыт этим дурацким Вавилоном по горло,— сказал Роберт.— Как, кстати, и все остальные. Не знаю, почему,— торопливо добавил он, предвосхищая вопрос Джейн,— но мы и вправду от него немного подустали. Вот что, Синичка, пойдём-ка накинем на себя что-нибудь! Не можем же мы показаться на улице в нижнем белье.

— Он ведь хотел оказаться в Атлантиде,— сказала Антея, указывая на сумку с Псаммидом,— а раз так, то он обязательно когда-нибудь там окажется. Почему бы ему тогда не побывать там вместе с нами?

Вот так и получилось, что ученый джентльмен, позволивший себе ненадолго расслабиться в кресле после утомительной научной дискуссии, во время которой его оппонент мысказывал точки зрения, с которыми он

никак не мог согласиться (в том числе, они много спорили и об Атлантиде), проснулся и увидел, что напротив его рядом выстроились четверо наших приятелей со странного вида и не менее странного наименования сумкой в руках.

— Вы отправитесь с нами в Атлантиду? — спросила его Антея.

«Знать, что ты спишь, — это все равно что проснуться, — сказал себе ученый джентльмен. — А, может быть, это снова какая-нибудь игра типа «Сколько миль до Вавилона»? Впрочем, какая разница?»

Вслух же он сказал:

— Спасибо большое, но у меня в распоряжении всего лишь пятнадцать минут.

— Путешествие не отнимет у вас ни секунды, — сказал Сирил. — Видите ли, время — это всего лишь мысленная абстракция, а раз вам все равно придется побывать в Атлантиде, так почему бы не с нами?

— Что ж, очень хорошо, — сказал ученый джентльмен, теперь уже ни минуты не сомневаясь в том, что все происходящее было сном.

Антея протянула ему свою пухлую розовую ручку. Он взял ее, и Антея помогла ему подняться на ноги. Тогда Джейн сняла с шеи амулет и подняла его высоко над головой.

— Куда-нибудь неподалеку от Атлантиды! — распорядился Сирил, и Джейн произнесла имя силы.

— Ты, идиот! — воскликнул вдруг Роберт. — Атлантида же остров! А неподалеку от островов бывает *вога!*

— Я не пойду! Не пойду! Отпустите меня! — кричал Псаммиад, отчаянно пытаясь выкарабкаться из «адовой авоськи».

Но амулет уже разросся в огромную арку, и Сирил, вполне справедливо решив, что ученый джентльмен является самым первожденным из них, уже протолкнул его внутрь — так что пути к отступлению у детей не было. На их счастье, неподалеку от Атлантиды оказалась все-таки не вода, а какое-то ровное деревянное покрытие, которое при ближайшем рассмотрении оказалось не чем иным, как палубой большого корабля, только что подошедшего к причалу порта. У правого борта всю суетились матросы, накрепко привязывая корабль цепями к выступавшим из причала кольцам. Как цепи, так и кольца были сделаны из какого-то отливающего золотом металла.

Ввиду сопутствующей прибытию в порт суматохи, никто на корабле поначалу не заметил появления пяти пришельцев с Фицрой-стрит. Матросы, как уже было сказано, поголовно трудились у правого борта, а их начальники были заняты тем, что отдавали им приказы.

Так что четверо наших приятелей вместе с ученым джентльменом (и Псаммиадам в сумке) стояли себе в сторонке и рассматривали огромную пристань и не менее огромный город, возвышавшийся за ней. Зрелище, открывшееся их взору, было гораздо великолепнее всего, что им довелось увидеть до сих пор. По правде говоря, ни о чем подобном никто из них не мог и помыслить.

На нежно-голубой поверхности моря мирно поигрывало своими лучами солнце. Небольшие, украшенные белыми венчиками пенн волны мягко разбивались о мраморные волнорезы, надежно охранявшие порт великого города от неистовства зимних ветров. Пристань была выложена необыкновенной красоты мрамором — он был ослепительно белый, искрящийся, и изнутри у него явственно проступали золотые прожилки. Город был также выстроен целиком из мрамора — в основном, белого и красного. Крыши самых больших домов, по-видимому, дворцов и храмов, отливали золотом и серебром, но большая часть зданий была крыта медью. Казалось, бескрайняя медная река стекала с вершущ холмов, на которых стоял город, вниз — туда, где у самой кромки воды вздымались в воздух облака мельчайших соленых брызг, смешанные с разноцветными дымами многочисленных красильных и плавильных мастерских.

Величественная мраморная лестница уходила от причала к широкой и плоской террасе, которая, по всей видимости, тянулась на многие мили вглубь острова, а за ней, на вершине огромного холма, виднелись упиравшиеся в небо шпили города.

Внезапно ученый джентльмен, все это время стоявший в немом оцепенении, провел рукой по лицу и глубоко вздохнул.

— Боже мой! — сказал он. — Какая красота!

— Послушайте, мистер... не знаю, как вас звать... — начал было Роберт.

— Он имеет в виду, — прервала его от

природы тактичная Антея,— что мы все время забываем ваше имя. Я лично знаю только, что нас зовут мистер Де... и как-то там дальше.

— Когда мне было столько же лет, сколько и вам,— робко ответил ученый джентльмен,— все звали меня Джимми. Если вам не трудно, то и вы зовите меня также. Видите ли, я буду чувствовать себя гораздо более уютно в этом удивительном сне, если... если вы станете считать меня одним из вас.

— Спасибо, э-э-э... Джимми,— с усилием произнесла Антея, которой казалось не совсем приличным называть так взрослого человека, даже если он полагал все происходящее сном.— Милый Джимми! — добавила она через некоторое время, на этот раз без всякого усилия.

Джимми улыбнулся. В эту секунду он выглядел совершенно счастливым.

Однако к тому времени корабль был уже надежно пришвартован, и у капитана появилось время замечать не только причальные кольца, но и все остальное. Капитан, нужно сказать, был высоким, статным, чернобородым мужчиной, одетым в самое роскошное платье, какое только можно себе вообразить у представителя его профессии. Заметив четверых детей и ученого джентльмена, он быстрым шагом направился к ним.

— Кто вы такие и что вы делаете на борту моего корабля? — спросил он довольно свирепым тоном.— Отвечайте, вы пришли с добром или со злом?

— Конечно же, с добром! — сказал Сирил.— Прошу простить наше неожиданное появление

ние, но мы перенеслись сюда при помощи волшебства. Вообще-то, мы живем в стране, откуда восходит солнце...— И он пустился в свои обычные разъяснения.

— Понимаю,— к немалому удивлению детей сказал капитан, когда Сирил закончил.— Сначала я как-то не разглядел, но теперь совершенно ясно вижу, что вы являете собой доброе предзнаменование для нашего Великого Города. Как раз этого-то ему сейчас и не хватает. А это, насколько я понимаю, ваш раб? — добавил он, указывая на ученого джентльмена.

— Да что вы, вовсе нет! — сказала Антея.— Это очень великий человек. У нас в стране все называют его мудрецом. Он прибыл сюда вместе с нами, чтобы осмотреть ваш великолепный город со всеми его дворцами и замками. Потом, когда мы вернемся назад, он расскажет о нем своему другу, и тот напишет про него великую книгу.

— Что такое «книга»? — спросил капитан, вновь нахмутив брови.

— Это такая штука, на которой пишутся всякие знаки,— объяснила Антея.— Или же,— поспешила добавить она, вспомнив о вавилонской манере письма,— вырезаются.

Повинуясь внезапному импульсу, вызванному, без сомнения, той аурой доверия, которую распространял вокруг себя чернобородый капитан, Джейн быстро вытащила амулет из-под отворота платья.

— Как здесь, например,— сказала она.

Капитан со всех сторон осмотрел красную подкову, но, к величайшему облегчению

по крайней мере троих из пятерых присутствующих при этом англичан, не испытал и намека на тот священный трепет, какой вызывало одно упоминание о ней в доисторическом Египте и вполне историческом Вавилоне.

— Такой камень добывают в нашей стране,— сказал наконец капитан,— да и начертанные на нем письмена напоминают знаки нашего алфавита. Но, тем не менее, я не могу их прочесть. Как, кстати, зовут этого вашего мудреца?

— Джи... Джимми,— произнесла, все еще немного запинаясь с непривычки, Антея.

— Джи-джимми,— повторил капитан.— Очень хорошо. Так что же, вы сойдете на берег, чтобы я мог отвести вас к нашим царям?

— Скажите пожалуйста,— спросил Роберт,— а ваш царь, случайно, не имеет обыновения бросать чужеземцев в тюрьму?

— У нас десять царей,— поправил его капитан,— и все они происходят по прямой линии от владыки морей Посейдона, нашего божественного прародителя. Так вот, в Великом Городе еще не было случая, чтобы кто-нибудь из Десяти нарушил завещанную богами традицию с честью встречать чужеземцев, которые прибыли с миром.

— В таком случае, отведите нас, пожалуйста, к ним,— сказал Роберт.— Хотя лично я предпочел бы проехаться вокруг острова на вашем расчудесном корабле и осмотреть все как следует издали.

— Это можно будет устроить попозднее,—

ответил капитан.— А сейчас мы ожидаем большой бури и не можем выйти из гавани. Слышите этот странный подводный гул?

— Пустяки, капитан! — сказал стоявший поблизости старый матрос.— Это просто косяк сардин заходит укрыться в гавань, вот и все.

— А я говорю, что гул слишком громкий,— оборвал его капитан.

Оба старых морских волка с минуту помолчали, встревоженно прислушиваясь к исходящему откуда-то снизу приглушенному ворчанию, а затем капитан сошел на пристань, и остальные последовали за ним.

— Поговорите с ним, Джимми,— обратилась к ученому джентльмену Антея, когда они всей гурьбой двинулись по направлению к мраморной лестнице.— Наверняка он может рассказать вам много чего полезного для книги вашего друга.

— Прости меня, пожалуйста,— смущенно ответил тот,— но я боюсь, что как только начну говорить, то сразу же проснусь. Кроме того, я все равно не понимаю ни слова из того, что он говорит.

А поскольку дети никак не могли придумать подходящей темы для разговора, то им ничего не оставалось, как в полном молчании следовать за капитаном сначала по мраморным ступеням огромной лестницы, а затем и по улицам города — мимо бесчисленных домов, садов, лавок и рыночных площадей.

— Ужасно похоже на Вавилон,— прошептала Джейн.— Только здесь все совершенно другое.

— Какая удача, что здешние десять царей воспитаны в духе древних традиций,— в свою очередь, прошептала Антея на ухо Сирилу.— Я имею в виду, традиций с честью встречать чужеземцев и все такое прочее...

— Да уж,— ответил Сирил,— надеюсь, тут не будет никаких мрачных узилищ.

На улицах не было видно ни лошадей, ни экипажей. Тяжелые грузы здесь перевозили на маленьких ручных тележках или же на особых низеньких повозках типа русских саней, установленных на вращающихся цилиндрических колесах (типа русских бревен), а пакеты, корзины и прочую мелочь переносили на своих головах особые носильщики. Сами же люди имели обыкновение разъезжать на огромных животных, которые как две капли воды напоминали бы слонов, если бы не обладали чрезвычайно длинной шерстью и не внушающим никакого доверия оскалом рта, совершенно отличным от доброжелательной улыбки их толстокожих собратьев из Лондонского зоопарка.

— Да это же мамонты! — пробормотал ученый джентльмен и споткнулся о выступавший из мостовой булыжник.

Через каждую сотню ярдов вокруг детей собиралась толпа любопытствующих, но всякий раз капитан умудрялся разгонять ее до того, как она начинала волноваться до степени сумятицы и давки.

— Расступитесь! — кричал он.— Дайте пройти Детям Солнца и их Верховному Жрецу, ибо они прибыли помолиться за Великий Город!

После этого толпа неизменно отступала и вскоре рассеивалась, оставив после себя эхо приглушенных приветствий.

Как уже было сказано выше, многие дома Юликого Города были крыты золотом, но, проходя мимо самых больших зданий, дети заметили, что золото на их крышах отличается по цвету, и что, кроме того, над ними возвышаются длинные и узкие шпили из полированного серебра.

— И что же, все эти дома покрыты настоящим золотом? — не выдержала наконец Джейн.

— Все храмы и дворцы, естественно, покрыты золотом, — отвечал ей капитан, — а что до остальных домов, то для них мы используем орихальк*. Это гораздо дешевле.

Побледневший как мел ученый джентльмен снова споткнулся и принялся с самым что ни на есть безумным видом повторять:

— Орихальк, орихальк, орихальк...

— Пожалуйста, не бойтесь! — сказала ему Антея. — Мы можем в любую секунду вернуться домой, если нам тут надоест. Стоит лишь поднять высоко над головой амулет — и готово! Так что, если хотите, давайте вернемся, а мы всегда сможем улучшить минутку и выбраться сюда без вас.

— Ах, нет, ни в коем случае! — затряс головой ученый джентльмен. — Прошу вас, не прерывайте мой сон!

— Похоже, что Верховный Джи-джимми немного утомился после волшебного путеше-

* Орихальк — сплав цинка с медью, применявшийся в Древней Греции.

ствия, — сказал капитан, заметив наконец, что ученый джентльмен спотыкается на каждом шагу и, вообще, ведет себя как полоумный. — А нам еще очень долго идти до Великого Храма, где наши цари сегодня совершают жертвоприношение.

С этими словами он остановился у ворот высокой ограды, за которой, судя по тому, как высоко и плотно смыкались над ней кроны деревьев, начиналось нечто вроде парка.

Капитан исчез за воротами и через минуту возвратился с одним из огромных волосатых слонов, которые во множестве разгуливали по улицам города. Затем он предложил всем пятерым взобраться этому чудовищу на спину.

Они полезли — а что им еще оставалось делать?

Это была великолепная поездка! Кататься на зоопарковом слоне тоже бывает здорово, но ведь зоопарковый слон имеет отвратительное обыкновение проходить не более двадцати ярдов, а затем возвращаться на место, и тогда нужно либо слезать, либо платить за повторную езду (и то, и другое всегда выводило детей из себя). Но это величественное мохнатое животное и не думало никуда возвращаться, а шло себе и шло своим размеренным убаюкивающим шагом по улицам, садам и площадям сиявшего белым, красным и черным мрамором города. Через каждые полмили вся компания, к вящему удовольствию детей и Верховного Джи-джимми, проезжала по высоко вознесшимся над берегами ленивых потоков мостам.

Только взобравшись на самый высокий холм, который одновременно был и центральным холмом острова, они смогли окинуть взглядом весь город. Тут-то и выяснилось, что он был разделен на двадцать частей равномерными круглыми полосками земли и воды, причем над последними была протянута паутина расходящихся во все стороны мостов, по одной из радиальных нитей которой дети и прибыли в центр Великого Города.

Они находились посреди необъятной площади. Одну из ее сторон занимало широченное, высоченное здание, сверху донизу выложенное золотыми плитами (в отличие от остальных окружающих площадь домов, покрытых орихальком), да еще и увенчанное шумительным серебряным куполом. Оно было такое красивое, что даже если я потрачу на его описание пятьдесят пять с половиной страниц, вы все равно не сможете его себе представить. Так что с вас будет достаточно того, если я скажу, что оно было легким и воздушным, как кружевная шаль, и при этом еще сияло на солнце, как хорошо начищенный сверен.

— Вам понадобится сходить в Публичные Бани,— сказал капитан, после того как огромный волосатый слон неловко преклонил колени перед входом в столь поразившее детское изображение воздушное и сияющее здание.— Это, знаете ли, обязательно для всех, кто намеревается явиться перед ликом Десяти Величеств. Не беспокойтесь, в Банях у нас имеются отделения для мужчин, женщин, лошадей и прочего скота. Вход в бани для

привилегированного класса находится прямо перед вами. Наш божественный отец Посейдон позаботился о том, чтобы устроить здесь два отдельных источника, один — с холодной, а другой — с горячей водой.

Никогда в жизни детям еще не приходилось мыться в бане из чистого золота.

— А что, здорово! — сказал Сирил, разбрызгивая вокруг себя целые фонтаны брызг.

— Да ладно тебе, никакая она не золотая, — охладил его восторг Роберт. — Она орикальк... орихальк... как ее там? Тьфу! Дай мне, пожалуйста, полотенце.

Означенный разговор происходил в одном из больших, наполненных прозрачной и теплой водой бассейнов, которые во множестве имелись под высокими сводами бань. Они располагались ниже уровня пола, и к воде приходилось спускаться по скользким мраморным ступеням.

— Джимми! — робко обратилась Антея к ученому джентльмену, когда все пятеро (очень чистые и немного похожие на ошпаренных кипятком раков) собрались вместе в благоухающем цветами дворике Публичных Бань. — У вас нет такого ощущения, что *на этот раз* все вокруг нас гораздо реальнее, чем это было в Вавилоне или Египте? Ой, простите, я совсем забыла, что вы там никогда не бывали.

— Однако я кое-что знаю и об этих древних народах, — ответил ученый Джимми. — И вполне готов согласиться с тобой. Знаешь ли, ты очень сообразительная девочка, э-э-э... моя милая, — неловко добавил он. — Этот город несомненно находится на несравнимо

более высоком уровне цивилизации, нежели все вавилонские и египетские поселения. И я бы даже сказал, что...

— Следуйте за мной! — сказал появившийся в этот момент капитан. — А ну-ка, сорванцы, дайте нам пройти! — И он принялся проглатываться сквозь толпу мальчишек, увлеченных довольно идиотской игрой, заключавшейся в том, что каждый из участников должен был по очереди сбить своим привязанным к бечевке каштаном каштаны других. Тот, кому это не удавалось, проигрывал.

— Вот тебе и на! — заметил по этому поводу Роберт. — Они играют в «Чей каштан крепче», совсем как наши мальчишки с Кентиштаун-Роуд.

Как вскоре выяснилось, центральный остров Атлантиды был окружен тремя высокими стенами. По ходу дела капитан пояснял, что внешняя стена была сделана из медных плит, средняя, что отливала на солнце серебром, была на самом деле покрыта оловом, а внутренняя, больше всего на свете напоминавшая золотую, естественно, была орнаментальной.

И только на самых подступах к храму взору детей и ученого Джимми предстала невысокая золотая ограда с золотыми же башенками и воротцами. (Из чего она была сделана на самом деле, дети так никогда и не узнали, потому что это была великая тайна.)

— Вот он, Великий Храм Посейдона! — сказал капитан. — Мне туда входить не положено, так что я подожду вас здесь.

Он во всех подробностях рассказал им, как

отвечать на вопросы стражей храма, и пятеро отважных исследователей с Фицрой-стрит, взявшись за руки, двинулись вперед. Золотые ворота медленно отворились им навстречу.

— Мы — Дети Солнца, — высокопарно, как и учил капитан, провозгласил Сирил. — А это наш Верховный Жрец — по крайней мере, так его называет один наш знакомый капитан. Вообще-то, у себя в стране мы называем его по-другому.

— Как же вы называете его в вашей стране? — осведомился человек в белоснежном одеянии, замерший в проеме ворот с расставленными вбок руками.

— Джи-Джимми, — запнулся Сирил точно так же, как до того Антея. И немудрено. Вы бы, например, могли вести себя накоротке с такими учеными джентльменами, как наш общий знакомец? Так или иначе, но Сирил продолжал: — Мы прибыли из нашей далекой страны, чтобы встретиться с Десятью Царями, творящими жертвоприношения в храме Посей-до-дна. Я правильно произнес имя их бога? — закончил он шепотом, обращаясь к ученому джентльмену.

— Почти, — улыбнулся тот. — На самом деле, меня больше удивляет то, что я прекрасно понимаю вас четверых, когда вы разговариваете с ними, а вот когда они начинают отвечать, я не могу разобрать ни буквы.

— Королеву Вавилона это тоже сильно удивило, — сказал Сирил. — Видите ли, это все из-за волшебства.

— О Господи, ну и сон! — пробормотал ученый джентльмен.

Между тем к одетому в белое жрецу успело присоединиться несколько его собратьев, и теперь все они безостановочно кланялись, как фарфоровые китайские болванчики.

— Входите же! — сказал первый жрец. — Входите без боязни, о Дети Солнца, вместе с вашим Верховным Жи-джимми!

Посреди огороженного золотой стеной двора стоял Великий Храм, и был он, как почти все в этой главе, целиком отлит из золота и серебра. Во всяком случае, его двери и бельведеры, а также выстроенные в ряд на площадке портала огромные скульптуры каких-то мужчин и женщин, были точно золотыми. Что же до массивных колонн, в несметном количестве подпиравших его крышу, то они тоже были сделаны из некоего благородного на вид желтого металла (не мне вам объяснять, какого именно).

Четверо детей вместе с ученым Джимми вошли в двери храма, в сопровождении еще одного жреца поднялись по еще одной мраморной лестнице и в конце концов очутились на длинной и узкой галерее, откуда великолепно просматривался весь интерьер обиталища Посейдона.

— Десять Царей все еще выбирают жертвенного быка, и на это мне смотреть не положено, — заявил жрец и бросился ничком на пол галереи. Дети же, как ни в чем не бывало, принялись глазеть по сторонам.

Крыша храма, если на нее глядеть изнутри, представляла собой сплошную массу резной слоновой кости, богато украшенную всеми перечисленными выше драгоценными метал-

лами, включая вездесущий орихальк. Стены были скромно обиты не скажу чем.

В дальнем конце храма наличествовала столь примечательная скульптурная группа, что, как я ни устала от бесконечных описаний, я постараюсь хотя бы коротко обрисовать ее вам.

Центральная статуя группы была такой огромной, что ее голова почти упиралась в крышу храма, и такой золотой, что детям трудно было удержаться от подозрений по поводу какого-нибудь очередного местного мухляжа с орихальком. Статуя изображала Посейдона, отца Великого Города, стоявшего в огромной колеснице, которую тащили за собой шестеро взмыленных от быстрого бега коней. Вокруг него, оседлав дельфинов, акул и прочую морскую живность, скакало по волнам не менее сотни русалок.

А между тем внизу проистекало нечто напоминавшее современную испанскую корриду. Десять мужчин в роскошном одеянии, вооруженных лишь веревками да заостренными палками, пытались выловить приглянувшегося им быка из носившегося туда-сюда по храму стада. Быков было что-то около пятнадцати, и все они как один выглядели на редкость свирепыми и рогатыми, так что дети (особенно мальчики) взирали на это редкое зрелище, затаив дыхание и даже высунув от напряжения языки.

Антее не понравилось смотреть на быков, и она принялась вместо этого разглядывать галерею. Очень скоро она обнаружила еще одну лестницу, ведущую на такую же точно гале-

рею, но только этажом выше, а также небольшую дверцу, за которой виднелось голубое небо и беломраморные балясины балкона.

Так что когда в храме прогремел торжествующий вопль десяти глоток, странным образом отозвавшийся у детей в ушах робертовым приглушенным до шепота восклицанием «Готов зверюга!», и Антея, перегнувшись через перила, увидала, как все бычье стадо с позором изгоняется из храма, а вслед за ним, помахивая кнутами, бредут Десять Царей с полоненным при помощи лассо черным быком, то у нее было чем ответить на огорченное роберто-сирилово «Ну вот, теперь мы ничего больше не увидим».

— А вот и увидим! — сказала она. — Вон там, за лестницей, есть очень даже миленький балкончик.

Все пятеро поспешно выбрались наружу.

Однако очень скоро девочки пулей выскочили обратно.

— Я ужасно не люблю жертвоприношений! — произнесла Джейн побелевшими, как мел, губами. А поскольку Антея тоже не любила жертвоприношений, то обе девочки решили пропустить это зрелище, а вместо того побеседовать с проводившим их на галерею жрецом, который больше не валялся на пыльном полу, а сидел на верхней ступеньке лестницы и изо всех сил вытирал лицо краем своей белоснежной мантии (к явному ущербу для белоснежности последней).

— О, это особое жертвоприношение! — рассказывал он. — Обычно оно совершается лишь дважды в одиннадцать лет (через пять, а за-

тем — через шесть лет). Цари выпивают по чаше вина, смешанного с бычьей кровью, а затем принародно клянутся в том, что их суд будет праведным. И еще они надевают священные голубые мантии и гасят священные огни в храме. Но сегодняшнее жертвоприношение — внеочередное. Видите ли, жители Города сильно напуганы всеми этими странными звуками, что доносятся с моря, да и бог Большой Горы что-то разворчался не на шутку. Что до меня, так это все ерунда. Меня беспокоит другое.

— И что же именно? — вежливо спросила Джейн.

— Лемминги.

— Лемминги? Это, наверное, ваши враги?

— Да нет же. Лемминги — это такие зверьки наподобие крыс. Каждый год они приплывают на наш остров неведомо откуда, проводят здесь зиму, а потом уплывают неведомо куда. Так вот, в этом году они почему-то не приплыли. А вы же знаете, что крысы имеют обыкновение убегать с тонущего корабля. Поверьте моему слову, если с нами суждено случиться чему-нибудь ужасному, то лемминги уже давно пронюхали об этом и потому-то их нынче и не видать!

— Может быть, кто-нибудь все-таки скажет мне, как называется эта страна? — внезапно вступил в разговор Псаммиад, высовывая голову из сумки.

— Атлантида, — немного удивленно ответил жрец.

— В таком случае я посоветовал бы вам немедленно взобраться на самую высокую гору

и сидеть там до окончания дней. Я отчетливо помню, что здесь некогда было очень большое наводнение. Послушайте,— обернулся он к Антее с Джейн,— нам нужно немедленно возвращаться домой. Будущее представляется мне чересчур мокрым для моих чудесных бакенбардиков.

Девочки послушно отправились к своим братьям, которые по-прежнему висели на перилах балкона и жадно глядели вниз.

— Где ученый джентльмен? — спросила Антея.

— Вон он. Там, внизу,— сказал вышедший вместе с ними жрец, указывая пальцем на ступени храма.— Ваш Верховный Джи-джимми священнодействует вместе с Царями.

Десять Царей больше не были одни. Неизвестно как выбравшийся из лабиринта галерей ученый джентльмен стоял вместе с ними у огромного алтаря, на котором покоилось мертвое тело черного быка. Храмовый дворик был до отказа набит людьми. Судя по всему, они принадлежали к самым различным классам местного общества, но все они как один махали руками и кричали:

— Море! Море!

— Успокойтесь! — возгласил самый высокий и осанистый из Десяти Царей.— Великий Город по-прежнему неподвластен буйству воздушных и морских стихий!

— Я хочу домой! — заскулил Псаммиад.

— Мы не можем вернуться без него,— твердо отвечала Антея.

— Джимми! Джимми! — закричала она, призывно махая рукой. Он услышал ее и принялся

протискиваться сквозь толпу по направлению к балкону.

В этот момент дети увидели знакомого им капитана. Он тоже изо всех сил протискивался сквозь толпу, и лицо его было белым, как мел.

— Все на холмы! На холмы! — кричал он, и голос его был громок и страшен. Но еще громче и страшнее был другой голос, нараставший в отдалении. То был голос моря.

Дети посмотрели в направлении пристани. По гладкой, беззаботно сверкающей на солнце поверхности океана в направлении города быстро неслась какая-то огромная черная стена. То была волна — если, конечно, стофутовой высоты чудовище с грозиво клубящейся вершиной можно назвать волной, — и эта волна вздымалась все выше и выше, а потом вдруг разломилась на две половины, одна из которых устремилась обратно в море, а другая...

— О Господи! — воскликнула Антея. — Бедный город! Бедные, бедные люди!

— Да ведь все это было много тысяч лет тому назад, — попытался успокоить ее Роберт, но голос его при этом явственно дрожал. На мгновение дети прикрыли глаза. Они не осмеливались смотреть вниз, ибо огромная волна уже накрыла собой первые подступы к городу, начисто слизнув с лица земли причалы и доки и стерев в порошок склады и мастерские. Она вырывала огромные камни из крепостных стен и мостов и наподобие ядер швыряла их в лица храмов и дворцов, она с легкостью подхватывала большие корабли и об-

рушивала их на крыши домов, а потом размазывала и то и другое по опоясывавшим склоны холмов садам и фермам. Она распыляла на атомы все золотое, серебряное и орихальковое великолепие Атлантиды.

А затем наступила передышка. Волна немного помедлила и устремилась обратно к морю.

— Я хочу домой! — что было сил вопил Псаммиад.

— Конечно, конечно! — сказала Джейн, вытаскивая амулет. Все были готовы, но ученый джентльмен все не появлялся.

Наконец они услышали, как тот несетя по внутренней галерее, спотыкаясь и крича на ходу:

— Я должен досмотреть сон до конца!

Не переставая спотыкаться и кричать, он пронесся мимо балконной двери и скрылся в недрах верхней галереи. Остальные последовали за ним, и вскоре очутились на небольшой, закрытой сверху башенке. При любых других обстоятельствах открывавшийся с нее вид на город можно было бы назвать чудесным.

Ученый джентльмен стоял, опершись на парапет и вглядываясь вдаль абсолютно безумным взором. Едва дети успели присоединиться к нему, как по острову ударила вторая волна. Она была гораздо выше первой — и разрушила больше половины острова.

— Бежим скорее домой! — закричал Псаммиад. — Вон та волна будет *последней*! Поверьте мне, уж я-то знаю! — И он указал дрожащим когтем в направлении океана.

— Ну, давайте же! — воскликнула Джейн, подымая амулет.

— Я хочу досмотреть сон до конца! — возопил совершенно очумевший ученый джентльмен.

— Клянусь вам, это будет последний сон в вашей жизни, — попытался урезонить его Сирил.

— Ну же, Джимми! — умоляла Антея. — Если вы сейчас же не бросите ваши шутки, я больше *никогда* не возьму вас с собой!

— У тебя *никогда* не будет возможности исполнить свою угрозу, если вы сейчас же не пройдете через амулет! — сказал Псаммиад.

— Я хочу досмотреть до конца, — упрямо повторил ученый джентльмен.

Склоны соседних холмов почернели от людей, бросивших свои деревни и пытавшихся найти спасение на вершине Большой Горы. Но не успели они пробежать и половину пути, как из венчавшего ее заснеженного пика показалась тоненькая струйка дыма, вслед за которой выскочила совсем безобидная на вид искорка белого пламени. А потом вся верхушка пика вдруг превратилась в бурое пылевое облако, и огромный вулкан принялся изрыгать из себя свое огненное содержимое. Земля содрогалась до основания, в воздухе носились тучи пепла и серы, по растрескавшейся и разом высохшей почве немилосердно колотил дождь из пемзы и кусков остывающей лавы. Волосатые слоны вырвались из оград и бросились в горы, а огромные зеленые ящерицы (не менее тридцати ярдов длиной, нужно вам сказать), напротив, устремились по направле-

нию к морю. Прилегающие к вершине снега растаяли и обрушились вниз сначала робкими тоненькими струйками, а затем — ревущими, клокочущими, сметающими все на своем пути потоками. Выплываемые вулканом куски скал отлетали далеко в море и падали там, вздымая огромные водяные столбы.

— Господи, какой ужас! — сказал Антея. — Пойдемте же домой, домой, домой!

— Конец золотого сна! — сдавленно произнес ученый джентльмен.

— Подымайте же скорее амулет! — отчаянно завопил Псаммиад.

Площадка, на которой они стояли, теперь была настолько забита народом, что дети были буквально вжаты в каменный парапет. Пол башенки ходил ходуном у них под ногами. А между тем третья — последняя — волна уже захлестнула золотую стену храма.

Джейн подняла амулет над головой.

— А теперь, — верещал Псаммиад, — произнесите слово!

Как только слово было произнесено, Псаммиад выскочил из «адовой авоськи» и с наслаждением вцепился в руку ученому джентльмену, и в то же самое мгновение Сирил с Робертом втокнули их обоих в арку.

В последний раз оглянувшись назад, ученый джентльмен увидел в резном проеме арки одни лишь бурлящие воды океана да возвышающийся над ними пик вулкана, изрыгающий в небеса накопившуюся в нем за тысячелетия ярость.

Ученый джентльмен обессиленно повалился в кресло.

— Господи, какой ужасный сон! — пробормотал он. — О, вы здесь, мои... э-э-э, милые? — вострепнулся он, заметив стоявших вокруг него детей. — Чем я могу вам помочь?

— Вы поранили руку, — мягко произнесла Антея. — Давайте я вам ее перебинтую.

Правая рука джентльмена сильно кровоточила.

Псаммиад незаметно спрятался в «адовой пвоське». Все четверо детей были ужасно бледными.

— Никогда, — бушевал позднее Псаммиад, — никогда в жизни я больше не отправлюсь в прошлое ни с одним взрослым! А вы тоже хороши! Почему вы никогда не делаете того, что я вам говорю?!

— Но мы же пытались найти амулет! — робко оправдывалась Антея.

— Тоже мне, нашли где искать! Никакого амулета там и в помине не было. В Атлантиде был всего лишь камень, из которого его сделали. Тот камень был отброшен взрывом на несколько десятков миль и упал на палубу корабля, направлявшегося в Египет. Я бы мог рассказать вам об этом, не выходя из этой комнаты!

— О Господи! — произнесла Антея все еще дрожащим от пережитого испуга голосом. — Почему же не рассказал?

— А вы не спрашивали! — сварливо ответил Псаммиад. — Я, знаете ли, не из тех проныр, котсые суют свой нос, куда не следует.

— Да, — задумчиво протянул Сирил, когда мальчики ложились спать, — теперь у друга нашего мистера Джи-джимми будет чего понаписать в своей статье.

— Ничего он не напишет, — сонным голосом возразил Роберт. — Ученый Джи-джимми наверняка подумал, что это был сон, и я готов поставить сто против одного, что он ничего никому не скажет.

И в том, и в другом случае Роберт оказался прав. Ученый джентльмен именно так и подумал. И ничего никому не сказал.

**ПРИКЛЮЧЕНИЕ
С МАЛЕНЬКОЙ ЗАМАРАШКОЙ
И ЮЛИЕМ ЦЕЗАРЕМ**

Согласитесь, что великолепный город, сметенный с лица земли разбушевавшимся океаном, и цветущая страна, до основания разрушенная извержением вулкана, не относятся к числу вещей, которые можно увидеть по два раза на дню. Но уж если вам довелось узреть нечто подобное, то, клянусь, сколько бы чудес вы не повидали за свою жизнь, это зрелище наверняка вызовет у вас временное помутнение рассудка. Во всяком случае, рассудки наших четырех приятелей уж точно немного помутнились, после того как им довелось лицезреть гибель Атлантиды.

Это легкое помутнение, к счастью, длилось у них всего лишь несколько дней. Что же до ученого джентльмена, то с некоторых пор про него вообще нельзя было с уверенностью сказать, что он обладал ясным рассудком, но все же в его сумеречном, мечтательном состоянии иногда наступали явные просветления,

и тогда он с упоением принимался рассказывать Антее о своем замечательном сне. «Вряд ли ты сможешь в это поверить,— говорил он,— но то, что я видел, было абсолютно реальным».

Однако Антея убеждала его, что поверить в это не составляет ей никакого труда.

Хорошо хоть, что он перестал разглагольствовать о передаче мыслей на расстояние. Да и немудрено — он успел повидать слишком много настоящих чудес для того, чтобы верить в какую-то идиотскую научную теорию.

В результате своего кратковременного помутнения рассудка дети почти напрочь забыли об амулете — по крайней мере, новых предложений о путешествиях во времени ни от кого больше не поступало. Роберт выразил овладевшее всеми настроение, энергично заявив, что он сыт по горло амулетом и всеми его чудесами. Остальные молча согласились.

Что же касается Псаммиада, то он был настолько истощен неумными желаниями вавилонской королевы и ученого джентльмена (и особенно усилиями, которые ему приходилось предпринимать по ликвидации их последствий), что на неопределенное время зарылся в песок, предварительно попросив не будить его, даже если в Лондоне случится ненавистное ему наводнение.

Дети оставили его в покое. Теперь они уже боялись брать его с собой на прогулки по городу — слишком уж очевидной была опасность, что кто-нибудь из подвернувшихся под руку прохожих неосторожно выскажет вслух какое-нибудь идиотское желание.

Кроме того, в Лондоне всегда найдется чем развлечься и без помощи всяких там амулетов и псаммиадов. Можно, например, сходить в Лондонский Тауэр, посетить здание Парламента, Национальную Галерею, знаменитый Лондонский зоопарк, или подурачиться на травке в бесчисленных городских парках, или же исследовать такие заповедные места, как всемирно известные выставки в Саут-Кенсингтоне, или Музей Восковых Фигур мадам Тюссо, или, наконец, Королевские Ботанические сады в Кью. (Публичных бань детям хватило в Атлантиде.) Тем более что до Кью можно было добраться на речном парходике — а уж если куда-нибудь вообще ехать, то, по глубокому убеждению детей, это нужно было делать только при помощи речного парходика. Но поездка так и не состоялась, потому что именно в тот момент, когда они с жаром обсуждали все детали предстоящего путешествия, обдумывая, сколько им нужно взять с собой еды и сколько вся эта еда будет стоить, началось захватывающее приключение с маленькой замарашкой.

Они сидели на скамейке в Сент-Джеймском парке и наблюдали за тем, как исполненный чувством собственного достоинства пеликан осторожно отмахивается от наглых приставаний речных чаек, которым хотелось завести с ним какую-нибудь развеселую игру. Пеликан, подобно всем остальным своим собратьям, вполне справедливо полагал, что его сверхграциозная фигура не очень-то приспособлена для развеселых игр, а потому из всех сил жеманился и давал чайкам понять,

чтобы они нашли себе в партнеры кого-нибудь понескладнее.

Временное помутнение рассудка, вызванное гибелью Атлантиды, почти закончилось, и Сирил, которому всегда было просто необходимо вырабатывать какое-нибудь определенное отношение к тому, что с ним происходило, сидел, молча перебирая в голове трагические события последнего путешествия во времени.

— Ничего, ничего, это я так, размышляю про себя,— ответил он на нетерпеливый вопрос Роберта о причине его непонятной задумчивости.— Когда я обо всем передумаю, я вам скажу.

— Если ты собираешься сказать нам что-нибудь насчет амулета,— встрепенулась Джейн,— так я про это даже и слушать не желаю!

— А тебя никто и не просит слушать, глупышка,— ласково произнес Сирил.— Кроме того, я передумал еще далеко не все. И вообще, этому, кажется, никакого конца не будет. Так что давайте-ка отправимся между тем в Кью!

— Я бы лучше отправился туда не «между-тем», а пароходом,— сказал Роберт, изрядно развеселив обеих девочек.

— Прекрасно! — сказал Сирил.— Валяй, строй из себя шута горохового! Поди еще думаешь, что было очень смешно?

— Но, Сирил, это правда было смешно! — сказала Антея.

— Послушай, Синичка, мне бы и в голову не пришло подшучивать над тобой, если бы я знал, что тебе будет неприятно,— попытался умиротворить брата Роберт.

— О, заткнись, пожалуйста! — отмахнулся Сирил. — А если не можешь, так скажи что-нибудь путное насчет Кью.

— Я бы хотела посмотреть на тамошние пальмы, — поспешно начала Антея. — Вот интересно, походят они хотя бы капельку на те прекрасные, пушистые, золотистые пальмочки, под которыми наш полупрозрачный викарий обвенчал кухарку и взломщика?

Все разногласия были тотчас же позабыты. На детей нахлынула теплая и щедрая волна воспоминаний, из которой иногда выныривали вопросы типа «А помните, как...?» или «А правда было здорово, когда...?»

— Клянусь честью! — мечтательно заключил Сирил, когда последняя капля этой замечательной волны исчезла в песке у них под ногами. — Вот были же у нас денечки!

— Да они у нас и сейчас ничего, — сказал Роберт.

— Только давайте не будем снова начинать про амулет! — простионала Джейн.

— Да вот, я как раз об этом-то и думал... — начал было Сирил, но никому так и не удалось узнать, что он конкретно имел в виду, потому что в этот момент в непосредственной близости от них раздались громкие всхлипывания маленькой замарашки.

На самом деле она была не замарашкой, не такой уж и маленькой, как вы могли подумать. Она была довольно опрятной девочкой примерно джейнова возраста, и она плакала так долго и так сильно, что вам вряд ли удалось бы разглядеть сквозь тонюсенькую щелку между ее припухшими веками, какие

у нее были прекрасные голубые глаза. Единственным грязным местом, которое на ней вообще имелось, был подол платья, да и то потому, что платье было чересчур длинным и широким для нее. Под стать платью была и соломенная шляпка с голубыми лентами, явно рассчитанная на гораздо более объемистую голову, чем ее маленькая изящная головка, покрытая взъерошенными льняными волосами. Но раз уж дети окрестили ее (между собой, конечно) «маленькой замарашкой», то и мы будем ее так называть. Так вот, маленькая замарашка стояла и рыдала, исподлобья поглядывая на детей.

— О Боже мой! — воскликнула Антея, соскакивая со скамейки. — Что такое с тобой случилось?

И она нежно положила руку девочке на плечо. Однако та решительным образом стряхнула ее, всем своим видом давая понять, что не потерпит никаких объятий.

— Оставь меня в покое! — сказала она. — Я тебе ничего не сделала.

— Но я просто хочу знать, что случилось, — удивилась Антея. — Тебя кто-то обидел?

— А тебе что за дело? — свирепо огрызнулась маленькая девочка. — С тобой-то ведь все в порядке!

— Пойдем отсюда! — сказал Роберт, хватая Антею за рукав и изо всех сил пытаясь оттащить ее в сторону. — Ты разве не видишь, что это всего лишь наглая, грубая и абсолютно невоспитанная замарашка?

— Ты ничего не понимаешь! — возмутилась Антея. — Никакая она не грубая! Просто она

чень и очень несчастная. Так в чем же дело? — снова обратилась она к девочке.

— Да-а-а,— продолжала нить та.— У тебя-го все в порядке! Уж тебя-то не собираются отправлять в казенный дом!

— Давай мы отведем тебя домой! — сказала Антея, а Джейн прибавила: — Где живет твоя мама?

— Она нигде не живет... Она умерла... Ну что, довольны? — почти радостно прокричала маленькая девочка, на которую, по-видимому, накатил очередной приступ самобичевания. Затем она вдруг широко раскрыла свои распухшие от слез глаза, яростно топнула ногой и со всех ног бросилась прочь. Далеко, правда, она не убежала. Поравнявшись с соседней скамейкой, она столь же внезапно бросилась на нее и принялась реветь, как стадо гонимых на убой белуг.

Не раздумывая ни минуты, сердобольная Антея бросилась вслед за ней и через секунду уже как только могла крепко обвивала руками сторбившуюся на скамейке детскую фигурку.

— О, пожалуйста, не плачь, не плачь, моя милая! — нежно нашептывала она огромной соломенной шляпке, которая к тому времени окончательно съехала на ухо маленькой замарашке.— Расскажи все своей Антеечке, и Антсечка обязательно поможет тебе. Ну же, милая, не плачь, успокойся!

Остальные дети предпочли оставаться в некотором отдалении. Несколько случайных прохожих подарили всем пятерым по изумленному взгляду.

Теперь маленькая девочка плакала уже лишь фрагментарно. Все остальное время она что-то неслышно рассказывала Антее.

Наконец Антея подозвала к себе Сирила.

— Это ужасно! — яростно зашептала она. — Ее отец был плотником, и это был очень положительный мужчина, и он никогда не позволял себе ни капли, разве что надирался вдрызг по субботам, и он отправился искать работу в Лондон, и в Лондоне работы не оказалось, и он умер, а ее зовут Имоджен, но сама она называет себя Имоген, и в этом ноябре ей исполнится аж девять лет. И вот теперь ее мама тоже умерла, и она осталась одна с миссис Шропсол, миссис Шропсол — это их домохозяйка, и она очень добрая, но завтра придет Исправительный Суженный, то есть Исполнительный Служащий, и отведет ее в казенный дом, что на самом деле означает «рабочий дом». Это просто ужас какой-то! Что будем делать?

— Нужно посоветоваться с ученым джентльменом! — радостно предложила мозговитая Джейн.

А поскольку никто не мог придумать ничего лучшего, то четверо детей и маленькая замарашка со всей возможной скоростью ринулись обратно на Фицрой-стрит, причем маленькая замарашка изо всех сил держалась за руку Антеи и больше уже не ревела во весь голос, а лишь изредка потихоньку всхлипывала.

Ученый джентльмен оторвался от своих бесчисленных бумаг и посмотрел на них с улыбкой, которая стала свойственна ему с момента,

когда у него наступило кратковременное помутнение рассудка, и ласково пригласил детей войти. Дети уже давно заглядывали в комнату ученого джентльмена, как к себе домой — такой теплой и веселой казалась она им. Даже страшный футляр для мумии теперь, казалось, улыбался им, как если бы решил снизойти с высоты своего древнеегипетского происхождения и позволить четверым английским сорванцам безнаказанно мочить себе глаза в любое время дня.

Вошли они не все. Антея осталась сидеть на лестнице с Имоджен-Имоген, которой в этом ноябре должно было исполниться аж девять лет, а Сирил, Роберт и Джейн храбро отправились просить совета.

Ученый джентльмен слушал мальчиков с самым серьезным видом.

— Мне кажется, что бедной замарашке просто ужасно не повезло,— заключил свое повествование Сирил.— На самом деле я слышал, что многие богатые люди готовы отдать все пальцы на обеих руках, лишь бы только у них был ребенок. (Я-то, конечно, никогда ничего подобного не захочу, но я ведь другое дело). Так что где-нибудь наверняка должен отыскаться богатей, который ее с радостью усыно... то есть, удочерит.

— А я слышал, что цыгане очень любят детей,— с надеждой в голосе вставил Роберт.— Не зря же они их постоянно похищают. Может быть, она им понадобится?

— На самом деле она ведь очень красивая девочка,— добавила Джейн.— Правда, сначала она вела себя с нами на редкость грубо, но

ведь это оттого, что мы выглядели уж больно веселыми да счастливыми. Вы понимаете, о чем я говорю, правда?

— Да,— ответил ученый джентльмен, рассеянно вертя в руках какую-то крошечную египетскую статуэтку.— Я понимаю тебя очень хорошо. И не только тебя, но и твоих братишек. Как они совершенно справедливо предположили, где-нибудь должен найтись такой дом, где ее примут с распростертыми объятиями.— И он задумчиво уставился на египетскую статуэтку.

Антея тем временем изнывала от нетерпения на лестнице. Ей показалось, что обсуждение такого простого вопроса, как судьба бедной маленькой девочки, тянется что-то уж чересчур долго. Вдобавок ей постоянно приходилось утешать все еще изредка всхлипывавшую маленькую замарашку, и поэтому немудрено, что за всеми этими хлопотами она абсолютно не заметила Псаммиада, который, проснувшись от звука ее голоса, отряхнулся от песка и неловко заковылял вверх по лестнице. Песчаный Эльф был уже совсем близко, когда она наконец заметила его и, быстро подхватив на руки, посадила к себе на колени.

— Что это такое? — изумленно спросила маленькая замарашка.— Что-то вроде кошки или цирковой обезьянки, а?

И тут Антея услышала, как ученый джентльмен произнес: «Да, хотел бы я найти такой дом, где бы ей были рады!» и тут же почувствовала, как Псаммиад начал раздуваться у нее на коленях.

Она вскочила на ноги, закатала Псаммиада в край своей верхней юбки и, подхватив Имодакен под руку, что было сил помчалась в комнату ученого джентльмена.

— По крайней мере, давайте держаться вместе! — закричала она, буквально вламываясь в дверь. — Всем взяться за руки — живо!

Образованный наспех круг сильно напоминал одну из излюбленных детских забав типа английского «тутового куста» или русского «хоровода». Антее было тяжелее всех, потому что ей, кроме всего прочего, пришлось еще держать в зубах край своей верхней юбки, которой с этого момента и до Бог знает какого времени предстояло служить сумкой для Псаммиада.

— Надеюсь, на этот раз вы всего лишь играете? — робко осведомился ученый джентльмен, но на него никто не обратил внимания.

Последовала минута напряженного ожидания, а затем все шестеро хороводников испытали то ни с чем не сравнимое ощущение смерчевидного, вихреподобного и веретенообразного полета, которое знакомо всем, кому доводилось переноситься из одного времени в другое при помощи волшебства и Герберта Уэллса. Не обошлось и без подобающего данному случаю тошнотворного сумеречного мерцания.

Однако всему хорошему когда-нибудь да бывает конец, и очень скоро мерцающий туман рассеялся, а вместе с ним прекратились и все мыслимые (и неммыслимые) ощущения. Все шестеро по-прежнему стояли кружком, но их двенадцать ног больше не упирались в глад-

кий ворс ковра, расстеленного в комнате ученого джентльмена, а ласкались о густую зеленую траву лесной лужайки. Там, где раньше был грязновато-желтоватый потолок чердачной квартиры дома на Фицрой-стрит, теперь простиралось бледно-голубое небо. Вместо стен и раскрашенного футляра для мумии наличествовали высокие деревья, преимущественно дубы и ясени, с могучими стволами и буйными темно-зелеными кронами, а под ними теснились взъерошенные кусты и ползучие побеги коричневого плюща. Изредка посреди этого растительного разнообразия встречались стоявшие в гордом одиночестве буки, под которыми не было ничего, кроме их же собственных пожелтевших листьев да отдельных жеманно поникших лапок папоротника.

Итак, все шестеро спокойно стояли себе посреди этих немного диковатых декораций и держались за руки, как дети, играющие в «тутовый куст» или «хоровод» (что, в принципе, одно и то же). Обыкновенные шестеро людей посреди обыкновенного леса. На первый взгляд, это и впрямь звучит на редкость буднично, но вспомните — ни один из этих обыкновенных людей не имел ни малейшего представления о том, что это был за лес, а также где и, самое главное, в каком времени он находился. Правда, какое-то смутное чувство подсказывало четверым нашим приятелем и ученому джентльмену, что их забросило в какое-то весьма и весьма отдаленное прошлое. Во всяком случае первые принялись с любопытством глазеть по сторонам, а последний, тяжело вздохнув, произнес:

— О Господи, еще один сон!

Что же до Имоджен, у которой все происходящее не вызывало ровно никаких чувств, кроме примитивного удивления, то она просто широко разинула рот и сильно выпучила глаза.

— Где мы? — спросил Сирил Псаммиада.

— В Британии, — ответил тот.

— А в каком времени? — спросила Антея.

— Примерно в пятьдесят пятом году до того момента, от которого вы ведете свое летоисчисление, — довольно злобно ответил Псаммиад. — У кого-нибудь есть еще какие-нибудь вопросы? — добавил он, высовывая голову из бесформенного подобия сумки; столь самоотверженно изготовленного Антеей из полы своего совсем нового голубого платья, и поводя по сторонам улиточьими глазками. — Я бывал в древней Британии и раньше, и скажу вам, с тех пор здесь ничего не изменилось.

— Да, но почему нас занесло именно сюда? — спросила Антея.

— Ваш абсолютно безответственный ученый друг, — сказал Псаммиад, — пожелал найти такой дом, где были бы рады принять эту незрелую и крайне непривлекательную особу женского пола, которую вы имели крайнюю неосторожность подцепить неведомо на какой помойке. В те золотые дни, когда на Земле еще водились мегатерии, хорошо воспитанные дети не имели обыкновения заговаривать с незнакомыми людьми в парках. Одним словом, ваш маловразумительный друг пожелал перенестись в место, где были бы рады принять эту маленькую замарашку, и вот вы здесь!

— Здесь-то мы здесь,— с сомнением покачала головой Антея.— Но почему? И с какой стати ты выбрал такое дикое время?

— Неужели вы всерьез можете предположить, что какой-нибудь более или менее рассудительный человек из вашего времени согласится принять к себе в дом эту маленькую дикарку? — раздраженно произнес Псаммиад.— Вы устроили в вашей дорогой стране такой потрясающий бардак, что в ней хватает места едва ли половине всех ваших детей. И уж, конечно, никто не собирается заботиться об оставшейся без места половине.

— Ну знаешь, мы в этом ни капельки не виноваты...— принялась оправдываться Антея.

— А кто виноват в том,— перебил ее Песчаный Эльф, достигая последней степени кипения,— что я очутился без своей любимой водонепроницаемой клееночки посреди древней Британии, прославившейся на весь мир своими дождями и туманами?

— На вот, возьми это! — сказал Роберт, стаскивая с плеч пиджак.

Антея расстелила пиджак на траве, посадила на него Псаммиада и осторожно сложила полы и рукава таким образом, что снаружи остались торчать одни лишь улиточки глазки да мышинные ушки Песчаного Эльфа.

— Ну вот! — ободряюще сказала она.— Теперь даже если пойдет дождь, я смогу укрыть тебя целиком в считанные доли секунды. Ну ладно, что нам теперь делать?

Остальные пятеро, к тому времени уже давно расцепившие руки, сгрудились вокруг Антея, горя желанием услышать ответ на ее

последний вопрос. Рано радовались! В тот самый момент, когда Псаммиад собирался заговорить, Имоджен-Имоген не выдержала и самым что ни на есть благоговейным тоном прошептала:

— Да неужто цирковые обезьянки еще и говорить умеют? А я-то думала, что говорящие бывают только попугаи.

— Ты думала? — заорал вконец выведенный из себя Псаммиад. — Да неужто подзаборные кошки еще и думать умеют?! — И он с опереточным смехом принялся ввинчиваться за отворот робертова пиджака до тех, пока не исчез там полностью.

Остальные беспомощно переглянулись.

— Да ведь это же всего лишь сон,— успокоил детей ученый джентльмен,— а в снах непременно происходят разнообразные вещи. Только следует всячески сдерживать себя от пробуждения.

Он оказался прав. В следующую секунду рядом с поляной начали происходить разнообразные вещи, а именно: сонную тишину векового леса прорезали веселый смех и звуки детских голосов.

— Я думаю, нужно пойти и посмотреть,— сказал Сирил.

— Это же только сон,— повторил ученый джентльмен специально для Джейн, которая, заслышав предложение Сирила, испуганно отпрянула назад.— Если ты не будешь следовать дорогами сна, если будешь сопротивляться его необратимому течению, то непременно проснешься. А ведь ты этого не хочешь, не правда ли?

У Джейн было на этот счет особое мнение, но она не осмелилась произнести его вслух.

Нужно сказать, что в зарослях кустарника, как раз в том месте, откуда раздавался голос, имелся небольшой просвет, который человек с помутненным рассудком вполне мог бы принять за тропинку. А так как сознание четверых детей и ученого джентльмена еще не совсем прояснилось после гибели Атлантиды, то они (с ученым джентльменом во главе) бодро направились по нему, ступая след в след, как начитавшиеся мистера Фенимора Купера американские индейцы.

Довольно скоро они вышли на огромную поляну, посреди которой было разбросано несколько убогих домишек (я бы лично назвала их хижинами, но ведь лично меня там не было), окруженных обмазанным грязью деревянным плетнем.

— Ужасно похоже на ту доисторическую египетскую деревушку,— прошептала Антея.

И, согласитесь, очень верно подметила.

За изгородью несколько абсолютно голых ребятешек увлеченно играли в неизбежный «тутовый куст» (он же русский «хоровод»). Возможно, они называли свою игру как-нибудь по-другому, но выглядело это абсолютно так же — они, как заведенные, носились по кругу и при этом держались за руки. Неподалеку от них, на невысокой, заросшей мхом скамейке, сидели несколько женщин в бело-голубых платьях и накидках из звериных шкур. За неимением других дел, они молча созерцали сложные перипетии детской игры.

Дети с Фицрой-стрит неподвижно стояли на опушке леса и поочередно посматривали то на игроков, то на болельщиков. Одна из женщин сидела немного поодаль от остальных. У нее были прекрасные льняные волосы, перевязанные черной лентой. И еще у нее было такое печальное выражение глаз — особенно когда она смотрела на резвившихся перед нею детей, — что Антея невольно почувствовала, как ее сердобольную душу переполняют печаль и сострадание. «Ни одну из этих маленьких девочек она не может назвать дочерью», — подумала она.

И тут маленькая лондонская замарашка отчаянно дернула Антею за рукав.

— Послушай! — зашептала она. — Вон та, что сидит отдельно, страх как похожа на мою дорогую мамочку. У той тоже были такие же ладные волосы, да только ей никогда не хватало времени их расчесать. Эх, живи мы здесь, моя бедная мамочка уж точно не стала бы выколачивать из меня пыль чем под руку попадет! Не думаю, что в здешних краях можно сыскать пивную где-нибудь ближе Эппинга. Правда ведь, мисс?

Позабыв от волнения о всякой осторожности, маленькая замарашка выступила из-под защиты густой листвы. Женщина с печальными глазами тут же заметила ее. Она порывисто поднялась со скамьи и протянула руки по направлению к бедной лондонской девочке, причем в этот незабываемый момент лица и той и другой словно бы озарились светом внезапно появившегося из-за туч солнца.

— Имогена! — закричала белокурая женщина, называя маленькую замарашку почти тем же самым именем, которое она привыкла носить в лондонских трущобах. — Моя Имогена!

То, что последовало далее, в русской театральной традиции принято называть «немой сценой». Маленькие обнаженные бритты окаменели в причудливых хороводных позах, их матери зависли в воздухе с поднятыми для всплеска руками, и даже четверо наших ко всему уже привычных приятелей приобрели некоторую статуеобразность. Единственным движущимся предметом во всем лесу был

маленькая алмазная слезинка, катившаяся по щеке у Антеи.

— Мама! Это же моя мама! — закричала маленькая Имоджен-Имоген-Имогена и бросилась бежать через луг, отделявший деревню от леса. Женщина изо всех сил поспешала ей навстречу. На середине луга они сшиблись, как два боевых скакуна, и замерли в долгом и крепком объятии, сразу же став похожими на олицетворяющую материнство статую.

Через минуту к ним подоспели остальные женщины.

— Это моя Имогена! — кричала женщина. — Конечно же, это она! И вовсе ее не съели волки. Она вернулась ко мне, моя маленькая девочка! Расскажи же, моя дорогая, как тебе удалось убежать? Где ты была все это время? Кто кормил и одевал тебя?

— Ничегошеньки-то я не знаю, — находчиво ответила теперь уже окончательно и бесповоротно Имогена.

— Бедное дитя! — принялись вздыхать собравшиеся вокруг счастливой родительницы женщины. — Она потеряла рассудок от страха перед волками.

— Но меня-то ты узнаешь? — спросила белокурая женщина.

На что Имогена, обвив своими, прямо скажем, не очень чистыми руками белоснежную шею вновь найденной родительницы, сказала:

— Ну конечно же, мамочка! Тебя-то я даже в аду узнала бы.

— Что происходит? О чем они говорят? — вопрошал ничего не понимающий ученый джентльмен.

— Ты же сам хотел попасть туда, где этот несносный ребенок кому-нибудь бы понадобился,— ответил Псаммиад.— Ну вот, пожалуйста, девочка утверждает, что это ее мать.

— А что же мать?

— Разве и без слов не понятно? — раздраженно фыркнул все еще немного дувшийся на ученого Джимми Псаммиад.

— Но это что, действительно так? Я имею в виду, она действительно ее мать?

— Кто знает? — сказал Псаммиад.— Могу лишь сказать, что каждая из них идеально заполняет пустующее место в сердце другой. Разве этого не достаточно?

— О! — сказал ученый джентльмен.— На этот раз мне снится очень хороший сон. Как бы я хотел, чтобы бедная девочка могла остаться в нем навсегда!

Псаммиад немедленно раздулся и удовлетворил желание ученого джентльмена. Будущее Имогены было обеспечено отныне и на веки веков. Она нашла человека, который любил ее.

— О, если бы только все брошенные и бездомные дети... — начал было опять ученый джентльмен, но ему не дали договорить. Лучающаяся счастливой улыбкой белокурая женщина вышла вперед и обратилась к ним со следующими словами:

— Добро пожаловать, о чужеземцы! Я — здешняя королева. Моя дорогая девочка только что сказала мне, что вы ее друзья. Глядя на ваши добрые лица, я охотно этому верю. Хотя вы и носите самую странную одежду, которую я только видела в жизни, лица ваши

открыты для меня. Девочка, конечно, околдована, и временами несет чушь, но насчет вас она говорит истинную правду. Так ли это, о чужеземцы?

Нужно ли говорить, что дети с готовностью подтвердили ее последнее предположение.

Жаль, что вы не можете представить себе и десятой доли всех почестей и подношений, какими осыпали наших четырех приятелей вкуче с ученым джентльменом древние бритты. А если бы вам хотя бы одним глазком удалось взглянуть на празднество, устроенное ими по поводу возвращения пропавшей Имогены, вы бы поняли, что в их племени дети имели реальную и весьма немалую ценность — не то что в Лондоне, где маленьких членов общества каждый встречный и поперечный имеет право шпынять, как ему вздумается, или, что еще хуже, отправлять в работные дома. Конечно, пир получился не таким роскошным, как в Вавилоне, но, с другой стороны, было гораздо больше душевной теплоты.

— Мне кажется, что ваши замысловатые игры каким-то образом оказывают на меня сильнейшее влияние, — сказал ученый джентльмен, обращаясь к Сирилу, Роберту, Антее и Джейн. — Никогда в жизни мне еще не снилось таких замечательных снов.

Этот разговор происходил гораздо позднее, когда их впятером оставили отдыхать на куче соломы под усыпанным большими яркими звездами небом, которое было моложе их почти на две тысячи лет.

Внезапно Сирил сказал:

— Что ж, все мы прекрасно провели время и заодно сделали доброе дело для Имоджен... то есть, Имогены. А теперь я предлагаю отправиться домой, пока не началась битва.

— Какая еще битва? — сонным голосом спросила Джейн.

— Вот дурында! С Юлием Цезарем, конечно! — просветил ее Сирил, как и подобает любящему старшему брату. — Я надеюсь, тебе не нужно напоминать о том, что на дворе стоит пятьдесят пятый год до Рождества Христова и что в любую минуту в соседнем лесу можно ожидать появления легионов Юлия Цезаря.

— А я-то думал, что тебе нравится Цезарь, — сказал Роберт.

— Еще как нравится! Но только когда он сидит себе спокойненько в учебниках по истории и не напускает на меня своих солдат со здоровенными мечами.

— Я думаю, что если бы мы встретились с Цезарем, нам бы удалось поладить с ним миром, — сказала Антея.

— Да уж, такого миротворца, как ты, Цезарь обязательно послушает! — сказал Роберт и разразился очень обидным смехом.

И тут, прежде чем кто-либо успел его остановить, ученый джентльмен мечтательно произнес:

— Хотел бы я, чтобы мы сейчас оказались лицом к лицу с Юлием Цезарем!

Что бы там ни подумал об ученом джентльмене Псаммиад, но в следующую секунду он послушно раздулся и выполнил его желание. А еще через секунду все шестеро, считая Песча-

ного Эльфа, стояли посреди лагеря Юлия Цезаря — как раз напротив его палатки. И лица, лицом к которому так страстно жаждал очутиться ученый джентльмен. Псаммиад, очевидно, решил по-своему истолковать некоторые неясности, которые Джи-джимми допустил в формулировке желаний, потому что их больше не окружала посыпанная сверху звездами тьма, а, напротив, нежно обнимали желто-багровые лучи заката. Великий полководец сидел в походном кресле у своей палатки и неподвижно глядел поверх зеркальной глади пролива в сторону Британии (все пятеро англичан почему-то сразу же догадались, что это было именно так). На двух высоких шестах, установленных по бокам палатки, гордо простирали свои крылья два золотых орла, а ее расшитый золотом и пурпуром полог был украшен огромными буквами S.P.Q.R.*

Когда великий человек посмотрел на вновь прибывших, его августейший взор был так же холоден и незамутнен, как и воды великого в будущем морского пути, на которых он только что покоился. И хотя все пятеро самым невероятным образом соткались прямо у него на глазах из кристально-чистого, с легкой добавкой закатного желатина, воздуха, Цезарь не то чтобы не вздрогнул или, скажем, напрягся, а даже и ноздрей не повел. Он твердо и прямо смотрел им в глаза, как если бы они были гонцами, только что прибывшими с важными вестями. И когда часовые, бряцая

* *Senatus populusque Romanus* (лат.) — Сенат и народ римский. Официальная формула высшей власти в римской республике.

доспехами и оружием, бросились к детям с явным намерением изрубить всех пятерых на куски, он остановил их величественным взмахом руки и повелительным тоном произнес:

— Назад!

И голос его прозвучал, как музыка. Давным-давно позабытая музыка ушедшей навсегда героической эпохи.

— С каких это пор Цезарь стал бояться детей и студентов? — сказал он.

Для детей он говорил на единственном доступном им языке — английском. Но ученый джентльмен, к своему немалому удивлению, смешанному с радостью узнавания, услышал родные звуки немножко чудного, немножко искореженного и непривычного для современного слуха латинского языка. Наконец-то он мог понимать. Наконец-то он мог говорить. И он заговорил:

— Это всего лишь сон, о Цезарь!

— Сон? — переспросил Юлий Цезарь. — Что ты называешь сном?

— Все это, — сказал ученый джентльмен, широко поводя вокруг себя руками.

— Да нет же, — вмешался Сирил. — Никакой это не сон, а такое особое волшебство. Дело в том, что мы прибыли сюда из другого времени.

— И мы хотели попросить вас оставить в покое нашу родную Британию, — добавила Антея. — Британия, знаете ли, слишком маленькая и бедная страна, чтобы ее стоило завоевывать.

— Так вы из Британии? — с сомнением в голосе спросил полководец. — Странно. На вас

самые чудные одежды, какие я только видел в жизни, но они очень добротны сделаны. Да и волосы ваши пострижены коротко, как у свободных граждан Рима, а не как у грязных варваров. И все же я склонен отнести вас скорее к последним, чем к первым.

— Ну вот еще! — возмутилась Джейн. — Никакие мы вам не варвары! Мы прибыли из страны, где никогда не заходит солнце, а о вас мы прочитали в книжках по истории. И вообще, наша страна очень цивилизованная, потому что там есть всякие чудесные вещи наподобие собора Святого Павла, Лондонского Тауэра, Музея Восковых Фигур мадам Тюссо и...

Тут остальным наконец удалось ее остановить.

— Хватит молоть чепуху! — зашипел на нее Роберт, делая страшное лицо.

Минуту-другую Цезарь молча смотрел на детей, а затем подозвал к себе одного из стражников и что-то сказал ему на ухо. Вслух же он произнес:

— Трое старших детей могут пойти и осмотреть мой лагерь. Немногим чужеземцам, какого бы они ни были возраста, выпадала честь познакомиться с устройством римского лагеря. А студент и это милое дитя пока останутся со мной.

Такой оборот событий, конечно же, мало устраивал детей, но если Цезарь отдавал приказ, то ему были обязаны беспрекословно повиноваться все, даже маленькие дети. Так что Сирил, Роберт и Антея отправились слоняться по лагерю.

Оставшись наедине с Джейн и ученым

джентльменом, великий римлянин быстро и без всякого труда вывернул их наизнанку. Однако даже такому мудрому и терпеливому человеку, каким был Цезарь, не удалось постичь и половины всего, о чем они рассказывали.

Во-первых, от ученого джентльмена с самого начала оказалось мало проку. Он без конца уверял Цезаря в том, что все происходящее было сном, и отказывался говорить под предлогом того, что ему ужасно не хотелось просыпаться.

Что же до Джейн, то ее ответы были до отказа переполнены такими невообразимыми в первом веке до нашей эры вещами, как железные дороги, электрические лампочки, воздушные шары, эскадренные миноносцы, дальнобойные пушки и алюминиевые кружки.

— И что же, ваши воины совсем не сражаются мечами? — спросил Цезарь.

— Вообще-то, у них есть сабли, но они больше предпочитают ружья и пушки, — отвечала Джейн.

Цезарь пожелал узнать, что такое ружья.

— Ну, это такие штуки, — сказала Джейн, — из которых нужно стрелять. Ба-бах! — и все вокруг падают мертвыми, знаете ли.

— Но как выглядят эти ваши ружья?

Вы пытались когда-нибудь описать ружье? Джейн даже и пытаться не стала.

— У Роберта есть с собой игрушечной пистолет, — сказала она. — Если хотите, он вам покажет.

Цезарь немедленно приказал послать за остальными, и через минуту оба мальчика уже с увлечением описывали ему принцип устрой-

ства пистолетов, а он с таким же увлечением слушал, не переставая вертеть в руках отливавшую сталью игрушку. В этот момент великий римлянин мало чем отличался от самого обыкновенного мальчишки с Кентиштаун-Роуд, да и немудрено — ведь это был отличный двухшиллинговый пистолет, который сослужил детям такую неоценимую службу в древней египетской деревушке.

— Непременно прикажу, чтобы мне понаделали побольше таких пистолетов,— сказал наконец Цезарь.— А вам, о чужеземцы, при-

Т. А. Милья
1905

дется посидеть под стражей, пока я не удостоверюсь в правдивости ваших слов. За минуту до вашего появления я как раз решил, что Британия — слишком маленькая и бедная страна, чтобы ее завоевывать, но ваши рассказы заставили меня изменить это решение.

— Да это же все сплошная чепуха! — не выдержала Антея. — Британия — это всего лишь дикий, заросший непроходимыми лесами остров с туманами и болотами. И ничего-то там хорошего нет, кроме людей. О, люди там очень добрые! Мы, например, знаем одну тамошнюю девочку по имени Иможден... то есть, Имогена. А пистолеты вам все равно ни к чему, потому что из них нельзя стрелять без пороха, а порох не изобретут еще несколько очень долгих столетий. Мы, кстати, не представляем себе, как его делать, а потому ничем тут вам не можем помочь. О, миленький Цезарь, отправляйтесь, пожалуйста, домой и оставьте в покое нашу маленькую бедненькую Британию!

— Но ведь та, другая, девочка только что сказала мне, что... — начал было Цезарь.

— Все, о чем вам наговорила эта болтушка Джейн, будет только через многие сотни лет, — прервала его Антея.

— А, так значит, она пророчица? — проговорил Цезарь с иронической усмешкой. — Не слишком ли она молода для подобной профессии?

— Если хотите, можете называть ее пророчицей, — вмешался Сирил. — Но только Антея говорит сущую правду.

— Антея? — переспросил Цезарь. — Но это же греческое имя!

— Может быть, и греческое,— озабоченно заговорил Сирил,— но это не имеет никакого значения. Мы просто хотим, чтобы вы отказались от мысли завоевать Британию. Она и впрямь того не стоит.

— Напротив! — возразил Цезарь.— Ваши слова побуждают меня ускорить переправу на остров. Я завоюю Британию хотя бы для того, чтобы выяснить, что же это на самом деле такое. Стража, взять этих детей!

— Быстрее! — закричал Роберт.— Джейн, поднимай амулет, пока стража нас на самом деле не взяла! Хватит с нас вавилонских подземелий.

Джейн подняла амулет над головой и повернулась спиной к заходящему солнцу. Роберт произнес слово силы. Затем дети протолкнули остолбеневшего от изумления Джиджимми сквозь узорчатую арку и со всей возможной быстротой устремились за ним — в полутемный, пыльный, заваленный книгами и папирусами (но в эту минуту самый уютный на свете) кабинет ученого джентльмена.

* * *

Лишь очень немногим ученым мужам известен тот любопытный исторический факт, что в один из дней, когда войска Юлия Цезаря стояли лагерем на северном берегу Галлии (насколько я могу судить, где-то неподалеку от нынешней Булони), великому полководцу довелось сидеть в лучах заката у своей палатки и задумчиво глядеть на красно-фиолетовые воды пролива, в будущем известного под именем Ла-Манша. Когда солнце уже склони-

лось к самому горизонту, он внезапно вздрогнул, протер глаза и велел позвать своего секретаря. Из палатки тут же появился белокурый молодой человек.

— Знаешь, Маркус,— обратился к нему Цезарь,— я только что видел на редкость удивительный сон. Большую его часть я позабыл, но и того, что я помню, достаточно, чтобы больше не медлить с принятием решения, которое я откладывал уже многие дни. Завтра утром прибывшие из Лигерии корабли должны быть готовы к отплытию. Мы познакомимся поближе с этим загадочным треугольным островом. Для начала мы возьмем два легиона. Если наши сведения верны, то их с лихвой хватит. Но если верно то, что я увидел во сне, то нам не справиться с Британией, имей мы хоть тысячу легионов. Ибо мой сегодняшний сон был самым поразительным из того, что когда-либо снилось Цезарю, а ведь кому, как не тебе, Маркус, знать, какие фантастические сны скрашивают иногда мои ночи!

* * *

— Если бы ты, дуреха, не наболтала Цезарю о всех наших современных чудесах,— выговаривал за чаем Роберт своей младшей сестренке,— то римляне никогда бы не завоевали Британию!

— Да брось ты чепуху-то молоть!— вступилась за Джейн Антея.— Все это было решено без нас тысячу лет тому назад.

— Не знаю, не знаю,— задумчиво произнес Сирил.— Джем, пожалуйста! Так вот, если все

ти разговоры о том, что время является лишь обыкновенным придатком мысли, верны, то и даже не знаю, что и сказать... Если все на свете происходит одновременно, то...

— *Да не может этого быть!* — закричала Антея. — Настоящее есть настоящее, а прошлое есть прошлое!

— Не всегда, — сказал Сирил и, минуточку помолчав, торжествующим тоном добавил: — Когда мы были в прошлом, настоящее было для нас будущим. Вот так-то!

На это Антее было нечем возразить.

— Эх, жаль, что нам не удалось до конца осмотреть римский лагерь! — сказал Роберт.

— Да уж, нельзя сказать, что мы в этот раз особо преуспели, — согласилась с ним Антея. — Но ведь Имогена нашла свое счастье, а это самое главное. Теперь она будет счастливо жить себе да поживать в прошлом. Я много читала во всяких там стихах да поэмах о людях, которые предпочитают жить в прошлом. Сначала я не понимала, как это может быть, а теперь мне все ясно.

— А что, неплохая идея, — сонным голосом произнес Псаммиад, высовывая голову из песка, а затем вдруг стремительно втягивая ее обратно. — Жить в прошлом, я имею в виду, — добавил он уже на дне своей песчаной постели.

В тот момент никто не обратил на его слова никакого внимания, но позднее...

Впрочем, для того, чтобы узнать, что случилось позднее, нам нужно сначала прочитать следующие три главы.

Глава XI

У ФАРАОНА

На следующий день после приключения с маленькой замарашкой и Юлием Цезарем Сирил ворвался в ванную, чтобы помыть руки к обеду (клянусь, у вас никогда в жизни не бывало таких грязных рук, потому что вам вряд ли приходилось все утро ползать по свинцовым плиткам сарайной крыши, над которой обычно устанавливают цистерну с водой, изображая из себя потерпевших кораблекрушение), и застал там Антею в весьма плачевном состоянии — в том смысле, что она стояла, опершись руками о ванну, и пыталась наполнить ее до краев своими горючими слезами.

— Эй! — обратился к ней Сирил исполненным братского участия голосом. — На этот-то раз что с тобой стряслось? Боюсь, что ужин успеет совсем простыть, прежде чем ты заплачешь хотя бы полванны.

— Убирайся! — свирепо рявкнула на него Антея. — Я ненавижу тебя! Я всех вас ненавижу! Последовала неловкая пауза.

— Да я вовсе не хотел... — начал было оп-

равдываться Сирил, но Антея не дала ему договорить.

— То-то и оно, что никто из вас ничего не хочет! — прорыдала она.

— Послушай, я не знал, что ты чем-то расстроена, — принялся осторожно объяснять Сирил. — Я думал, что ты всего лишь защемила краном палец, как на прошлой неделе.

— Как же, палец! — фыркнула Антея в перерыве между всхлипываниями.

— Да ладно тебе, Пантерочка, успокойся, — сказал на этот раз всерьез озабоченный Сирил. — Ты что, с кем-нибудь поругалась или, не дай Бог, подралась?

— Нет, — все еще неласково отвечала Антея. — Знаешь что, мой свои дурацкие руки — ты ведь за этим сюда явился? — и проваливай поскорее!

Антея так редко злилась, что когда это происходило, остальные дети скорее удивлялись, чем злились в ответ.

Сирил подошел поближе, оперся бедром о край ванны и положил Антее руку на плечо.

— Ну ладно же, перестань, — сказал он необычайно ласковым для него тоном. А поскольку этого оказалось недостаточно, и Антея, хоть и не прогоняла его больше из ванной, но все же по-прежнему продолжала всхлипывать, он неловко обнял ее за плечи и потерся носом об ее ухо.

— Вот! — сказал он, как врач, прописывающий своему пациенту некое расчудесное лекарство от всех на свете болезней. — Ну, а теперь-то ты скажешь мне, в чем дело?

— А ты обещаешь, что не будешь смеяться?

— Да мне, знаешь ли, не до смеха,— почти жалобно произнес Сирил.

— Тогда скажу,— промолвила Антея, прислоняясь головой к плечу брата.— Дело в маме.

— Ну и что же такого случилось с мамой? — спросил Сирил, явно пытаясь симулировать сочувствие.— Судя по сегодняшнему письму, с ней все в порядке.

— Да, но мне так хочется ее увидеть!

— Не тебе одной хочется,— кратко откликнулся Сирил, и эта его краткость значила больше, чем тома самых пламенных признаний в любви.

— Да, конечно, я знаю,— сказала Антея.— Я знаю, что каждый из нас хочет поскорее увидеться с нею. Но я ничего не могу с собой поделать. Мне так ужасно хочется маму! В жизни я ничего так не хотела! Вспомни эту маленькую бедняжку Имоджен. Господи, как крепко обнимала ее королева древних бриттов! Но ведь я-то не Имоджен, а наша мама — не королева бриттов. А тут еще с утра пришло ее письмо, и в нем так здорово написано про Ягненка — помнишь, мама говорит, что ему ужасно нравятся морские ванны? А ведь именно в этой ванне,— тут она указала на эмалированное вместилище слез,— она купала его в последний вечер перед отъездом! О! О! О!

Сирил успокаивающе похлопал ее по спине.

— Не горюй! — сказал он.— Ты же знаешь, что у меня в голове постоянно прокручиваются всяческие идеи. Так вот, все последнее время я думал о нашей мамочке. И придумал кое-что такое, что поможет нам очень скоро

увидеться с ней. Если ты будешь умницей и сейчас же перестанешь плакать (заодно не забудь умыться как следует!), я расскажу тебе о моей придумке. Ну как, договорились? Отлично. А теперь дай мне пройти к крану. Господи, да перестанешь ты реветь или нет? Мне что, подуть тебе на лобик?

— Это не от слез, а от плохих снов, глупый,— сказала Антея.— И вообще, мы с тобой уже давно не дети.— Но дурацкая шутка Сирила все же заставила ее немного посмеяться, а через минуту ее рот уже снова принял свою обычную форму. Вы, кстати, не замечали, какую отталкивающую, а порою даже и отвратительную форму принимает рот плачущего человека, особенно если ему совсем немного лет?

— Ну ладно, слушай!— начал Сирил, принимаясь так энергично намыливать себе руки, что вскоре они были по локоть скрыты толстым слоем грязновато-серой пены.— Все сегодняшнее утро я раздумывал над тем, что мы еще ни разу не пользовались амулетом *правильно*. Мы просто играли с ним, а нам нужно заставить его *работать*— причем работать в полную силу. И ведь дело не только в маме. У нас ведь еще есть папа, который сейчас, может быть, всю бегает по полю сражения с фотографической камерой, не обращая внимания на свистящие у него над головой русско-японские пули и снаряды. Я, конечно же, не собираюсь *плакать*, но все же... Эй, держи мыло!— Облепленное серой пеною мыло под нажимом железных сириловых пальцев выскользнуло

у него из руки и с проворством, которому позавидовали бы все без исключения русско-японские снаряды, ударило Антею по подбородку.

— Ну вот! — огорченно сказала она. — Теперь мне еще и лицо придется мыть.

— Тебе все равно не мешало это сделать, — заметил Сирил с глубоким убеждением в голосе. — Так вот, моя идея такова. Ты когда-нибудь слыхала о миссионерах?

— Да-да, — не очень уверенным тоном ответила Антея.

— Тогда ты должна помнить, что они всегда припасают для дикарей всякие там бусы, брошки, брелки, бутылки с бренди и прочие полезные вещи — вещи, которых у дикарей нет и быть не может, потому что они, как говорит ученый Джимми, не достигли необходимого уровня цивилизации. За эти щедрые дары туземцы их очень любят и чуть ли не с головой засыпают жемчугом, драгоценными раковинами, слоновой костью и попугаями.

— Подожди секундочку! — остановила его Антея, закончив фыркать под краном. — Я ничего не слышу. Ты говорил, раковинами...

— Да, раковинами и всякими прочими драгоценностями, которые им самим не нужны. Видишь, что может сделать с людьми такая великая вещь, как щедрость? Так вот, нам нужно поступать точно таким же образом. Когда мы в следующий раз соберемся в прошлое, нам нужно будет обязательно подзапасться всяческими щедрыми дарами. Помнишь, как вавилонская королева ухватилась за мою записную книжку? Надо будет, кстати,

накупить таких побольше. Вот, а когда мы прибудем со всем этим добром в прошлое, мы будем щедро одаривать им тамошних туземцев. В обмен на возможность поглядеть на амулет, конечно.

— Но какой нам будет толк от того, что мы на него поглядим?

— А вот какой, глупышка! Когда они нам его покажут, мы будем знать, где они его хранят,— объяснил Сирил.— И уж тогда чего проще будет вернуться туда ночью, когда все спят, и взять его!

— И это, наверное, даже не будет считаться воровством,— задумчиво произнесла Антея.— Ведь с тех пор, как мы украдем его, пройдет огромное количество лет. Ой, опять звонят к обеду. Идем скорее! Нянечка нас, наверное, уже обыскала.

Как только обед, в тот день состоявший из консервированного лосося с салатом на гарнир и пирога с вареньем, был съеден и нянечка убрала со стола скатерть, сирилова идея подверглась всеобщему обсуждению, а затем Антея сбегала в спальню и выкопала из песка Псаммиада, которого тут же засыпали вопросами относительно того, какими щедрыми дарами, по его мнению, можно было купить расположение, скажем, жителей древнего Египта и стоило ли им вообще тратить силы на то, чтобы искать амулет во дворце фараонов.

Но на все их расспросы Песчаный Эльф отвечал тем, что только качал головой и пучил свои улиточьи глазки.

— Мне не позволено играть в эти игры,—

сказал он наконец.— Естественно, мне ничего не стоит определить, где именно находится амулет в тот или иной момент прошлого, а заодно и будущего, но мне это запрещено. Могу лишь сказать, что ваша идея насчет того, чтобы брать с собой в прошлое разные побрякушки, не так уж плоха. Только на вашем месте я бы не стал показывать их тамошним туземцам все разом. Лучше возьмите какиснибудь крохотные финтифлюшки и растолкайте их по всем карманам.

Совет показался детям хорошим. Вскоре весь обеденный стол был от края до края завален всякой рухлядью, при помощи которой дети намеревались снискать любовь древних египтян. Антея принесла гору кукол с неравномерно отломанными конечностями, пару-другую составных головоломок и, наконец, зеленую кожаную сумочку, на которой гордо красовалась оттиснутая большими золотыми буквами надпись «Necessaire»*. Эту замечательную сумочку Антея в свое время получила в подарок от тетушки Эммы, и первоначально она содержала такие полезные вещи, как ножницы, перочинный нож, шило, набор швейных игл, наперсток, штопор и несколько одежных кнопок. Ножницы, шило и ножик к тому времени, конечно же, успели затеряться где-то среди предыдущих игр и забав, но все остальные вещи были на месте и выглядели как новенькие. Сирил пожертвовал своими оловянными солдатиками, игрушечной пушкой, катапульты, консервным ножом, булава-

* Несессер (фр.)

ой для галстука, теннисным мячом и дверным замком (правда, без ключа). От Роберта поступили: свеча («Вряд ли им когда-нибудь доводилось видеть настоящую парафиновую свечу», — сказал он по этому поводу), грошовая японская булавошница, резиновый штамп с вырезанными на нем папиным именем и адресом и кусочек воска.

И, наконец, Джейн присовокупила ко всему этому богатству старый брелок от ключей, медную ручку от кочерги, жестянку из-под клубочного желе, закопченную перламутровую пуговицу от своего зимнего пальто и огромный ржавый ключ (без замка).

— Мы не можем взять с собой сразу весь этот мусор, — сказал Роберт. — Вот что, давайте каждый из нас возьмет по самому необходимому для туземцев предмету.

Так что несколько последующих минут дети посвятили весьма захватывающей дискуссии по поводу того, какие четыре предмета могут в первую очередь понадобиться древнеегипетским туземцам. Когда же наконец все устали спорить, Сирил предложил:

— Послушайте! Давайте поступим как в старые добрые времена — будем по очереди завязывать друг другу глаза и вытаскивать из кучи, что кому попадетсЯ.

Так они и поступили.

Сирил вытащил дверной замок.

Антее попался несессер.

Роберт выудил свечу.

Джейн досталась булавка для галстука.

— Тоже мне, удачный выбор! — пожалова-

лась она.— Сдается мне, что у древних египтян галстуки были не в ходу.

— Не переживай,— успокоила ее Антея.— Случайный выбор всегда самый счастливый. Вспомни, как это бывает в сказках. Бедный сын дровосека поднимет в лесу какую-нибудь шишку, покусает ее немного для порядку, а потом уже совсем соберется выбросить, как вдруг оказывается, что она волшебная! Или, скажем, бедный сын рыбака найдет на дороге пуговицу, повертит ее так и сяк, засунет в карман, да и начисто о ней позабудет, а потом выясняется, что это любимая пуговица королевской дочери и тот, кто ее найдет, получит в награду полцарства и женится на принцессе.

— Вот уж спасибо так спасибо! — решительным тоном произнес Сирил.— Не знаю, как вы, а лично я категорически против всяких там принцесс и свадеб!

— Я тоже! — присоединился к нему Роберт.— Разве вы не помните, что как только в сказках дело доходит до свадьбы, тут-то все и кончается?

— Ну ладно, все готовы? — спросила Антея.

— Мы же отправляемся в Египет, правда? — настороженно спросила Джейн.— В миленький пушистенький Египет? Сразу же предупреждаю, что я не отправлюсь ни в какое другое прошлое — и особенно в то, где находится этот ужасный водно-вулканный город!

Когда ее успокоили насчет Египта, Антея поднялась в спальню и уговорила Псаммиада забраться в «адову авоську».

— Знаете что? — сказал вдруг Сирил. — Что-то я изрядно подустал от королей и королев. Кроме того, во дворце ты постоянно находишься у всех на виду. Да и амулет, скорее всего, хранится не во дворце, а в храме. Давайте-ка смешаемся с простой толпой и попытаемся постепенно втереться в доверие к жрецам. Может быть, нас даже примут на работу в храм.

— Ага! Например, носильщиками или чистильщиками уборных, — сказала Антея. — Что ж, эти две профессии предоставляют целую кучу возможностей украсть амулет.

— Отлично! — воскликнул Сирил, не обращая внимания на сквозившую в антеевых словах иронию.

Амулет был поднят, слово силы произнесено, и вновь в узорчатом проеме арки засиял раскаленный на солнце древнеегипетский песок.

Как только дети проскочили сквозь арку, им в уши ударил неистовый рев сотен людских голосов. Из тихой (и немного замшелой) столовой на Фицрой-стрит они без всякого предупреждения попали в самое сердце разъяренной восточной толпы — настолько разъяренной, что никто даже не заметил их появления. Пробившись сквозь нее к стене ближайшего дома, дети тихонько встали там и принялись наблюдать за развитием событий. В толпе находились не только мужчины, но и женщины с детьми. У большинства из них были настолько разноцветные лица, что можно было подумать, что их разрисовал какой-нибудь капризный ребенок, кото-

рому пришла в голову охота поразвлечься с дешевой коробкой красок, причем излюбленными цветами этого гипотетического маленького деспота были желтый, красный, оранжевый, пурпурный и фиолетовый. Конечно же, на самом деле никакого ребенка и в помине не было, а разрисовали себя египтяно сами, при этом уделив особое внимание бровям, ресницам и рта́м. Впрочем, рта́ были разукрашены только у женщин, которые, кстати, носили забавного вида передники с лямками и какие-то просторные накидки, закрывавшие им голову и плечи. Мужчины носили свойственные рабочему люду набедренные повязки, а вот египетские девочки и мальчики не носили вообще ничего, если, конечно, не брать во внимание небольшо медные побрякушки, свисавшие у них с шей и поясов.

Четверо отважных путешественников во времени успели разглядеть все это в первые несколько секунд своего пребывания в Египте. Правда, пока они не могли разобрать, зачем здесь собрались все эти люди — слишком уж громко и вразнобой они вопили.

Но тут над толпой взмыл чей-то сильный и уверенный голос. Разноголосая сумятица начала потихоньку стихать, и в конце концов на площади воцарилась относительная тишина, позволявшая расслышать каждое слово оратора.

— Товарищи! Братья-рабочие! — вещал высокий меднокожий человек, взобравшийся на проезжавшую мимо, но остановленную толпой колесницу. Правивший ею человек сразу

же задал деру, на ходу бормоча что-то насчет стращи и хорошей порки, и теперь меднокожий оратор был виден каждому из собравшихся.— Товарищи и братья-рабочие, до какой поры мы еще будем терпеть тиранию наших зарвавшихся хозяев, которые проводят свои дни в роскоши и безделье, вкушая блага, добытые нашим кровным трудом? Они единственно не дают нам умереть с голоду, и то лишь из боязни потерять рабочие руки, а не из каких-либо человеческих побуждений. Они пьют кровь трудового народа! Мы вынуждены горбатиться на них с утра до утра, а они в это время предаются всем известным на земле порокам. Мы должны положить этому конец!

Последовали бурные аплодисменты.

— А как ты собираешься положить этому конец? — прозвучал из толпы чей-то голос.

— А ты лучше помолчи! — предупредил его другой голос.— А не то живо нарвешься на неприятности.

— Клянусь вам, все это я уже слышал почти слово в слово! — прошептал Роберт.— На прошлой неделе в Гайд-Парке*.

— Будем бастовать! Нам нужно больше хлеба, лука и пива. Нам нужно увеличить обеденный перерыв,— продолжал оратор.— Посмотрите на себя! Вы устали, вы голодны, вас мучит жажда. Вы — бедняки, дети и внуки бедняков, и вашим женам и детям предстоит всю жизнь мучиться из-за недостатка пищи.

* В лондонском Гайд-Парке находится знаменитый уголок ораторов, где каждый желающий может высказаться по любому интересующему его вопросу.

А в это самое время амбары богачей ломятся от излишков хлеба, выращенного нашим трудом. Нужно взять то, что нам принадлежит по праву! К зернохранилищу!

— Ура, к зернохранилищу! — закричала часть толпы, но в этот момент еще один голос перекрыл это всеобщее безобразие. — К фараону! — кричал он. — Идемте к нашему владыке! Нужно представить ему петицию! Рассказать ему о наших страданиях! Справедливейший из земных властелинов прислушается к голосу угнетенных!

Некоторое время возбужденная народная масса в нерешительности колыхалась туда-сюда — то по направлению к зернохранилищу, то в сторону дворца. Затем, подобно потоку, долгое время маявшемуся в заточении искусственного водохранилища, а потом вдруг прорвавшего плотину, толпа с ревом устремилась по узким улицам, ведущим ко дворцу фараона. При этом она увлекла за собой детей, которым ничего не оставалось, как подчиниться или быть затоптанными насмерть. Антее пришлось изрядно постараться, ограждая Псаммиада от этой несусветной толчеи.

Толпа мчалась по узким улочкам, по обе стороны которых стояли, тесно прижавшись друг к другу, скучного вида дома с узенькими окошками, расположенными очень высоко над землей. Достигнув рыночной площади, обозленные братья-рабочие замедлили свой бег, и детям удалось немного оглядеться вокруг. На этом странном рынке люди не покупали товары, а меняли их на что-нибудь другое. На глазах у Роберта одна женщина поменяла

корзинку лука на примитивную расческу, а другая — пять рыбин на цепочку бус. Но люди здесь выглядели попримитивнее, чем те, из которых была составлена толпа петиционеров — на них было гораздо больше одежды, да и пошита она была совсем по-другому. Людей такого сорта в наше время можно встретить в Брикстоне или Брокли*.

— Что там еще за шум? — недовольно осведомилась апатичная большеглазая леди в складчатом полупрозрачном платье и наподобие штопора закрученной вверх прическе (а ведь у нее были такие чудесные черные волосы!) — заметила позднее Джейн) у продавца фиников.

— Ничего особенного, — отвечал торговец. — Опять рабочие бузят. Вы только послушайте, чего они требуют! Хлеба с луком им подавай! Можно подумать, что кому-то интересно, есть у них хлеб с луком или нет. Дай им хлеба с луком, завтра они быка на обед попросят. Правильно говорят, что они отбросы общества!

— Самые настоящие подонки! — согласилась леди.

— И это я тоже уже слышал, — сказал Роберт.

В этот момент постоянно издаваемый толпой рев начал претерпевать необъяснимые модуляции — из яростного он стал удивленным, а потом явно испуганным. Вскоре из

* Брикстон, Брокли — лондонские районы, примыкающие непосредственно к Уэст-Энду, в начале XX века были заселены в основном представителями низших слоев среднего класса.

ближайшего переулка донеслись звуки других голосов. Эти голоса явно не принадлежали ни товарищам, ни братьям-рабочим. То были голоса военных, и, судя по всему, они не предвещали ничего хорошего. Затем по булыжнику мостовой загрохотали обитые медью колеса и лошадиные копыта. Пора было что-то делать, и, почувяв эту насущную необходимость, кто-то пискнул слабым голосом:

— Стража!

— Стража! Стража! — подхватили другие голоса, и вскоре уже вся забитая трудовым людом площадь скандировала, как на футбольном матче: — Стража! Стража! Люди фараона! — В последний раз качнувшись туда-сюда, как маятник часов, у которых вышел завод, толпа на мгновение замерла на месте, а затем бросилась врассыпную. Люди разбежались по узким кривым переулкам, прятались в тенистых аллеях и крытых дворах домов — а на площадь, блистая оружием и амуницией, с развевающимися на ветру полами туник, уже галопом влетала царская стража. Обтянутые тисненой кожей колесницы с грохотом пронесли мимо корзин, прилавков и разинувших рты от восторга обывателей и исчезли в другом конце улицы, оставив после себя крутящиеся на булыжной мостовой столбики пыли да непередаваемое, ни с чем не сравнимое ощущение скорости.

— Итак, на сегодня с бунтами покончено, — сказала леди в полупрозрачном платье. — Какое счастье! Кстати, вы обратили внимание на капитана стражи? Никогда в жизни не встре-

чала более красивого мужчины, вот чтоб мне
сдохнуть не сходя с этого места!

Воспользовавшись минутным затишьем,
предшествовавшим позорному бегству толпы,
четверо детей успели пробиться к ближайше-
му жилому дому и спрятаться под темными
сводами арочного подъезда.

Когда парад царских телохранителей за-
кончился, все четверо облегченно вздохнули
и посмотрели друг на друга.

— Слава Богу, из этой переделки мы вы-
брались,— сказал Сирил.

— Так-то оно так,— возразила Антея,— но
мне ни капельки не нравится то, что бедных
рабочих разогнали, прежде чем они успели
добраться до фараона. Он наверняка мог бы
им чем-нибудь помочь.

— Если у них тут правит тот самый фара-
он, про которого написано в Библии, то он
ради бедняков и пальцем не пошевелинет,—
сказала Джейн.— У него каменное сердце.

— Да нет же, тот фараон правил во време-
на Моисея,— принялась объяснять Антея.—
При Иосифе, например, фараоном был вполне
приличный человек. Я бы не прочь побывать
во дворце у фараона. Интересно, он похож на
Египетский зал в Хрустальном дворце*?

— А мне почему-то казалось, что мы дого-
ворились сначала попытаться устроиться на
работу в храм,— обиженным тоном произнес
Сирил.

* Хрустальный дворец — огромный павильон из
стекла и чугуна, построенный для «Великой выставки»
1851 г. Сгорел в 1936 г.

— Да, конечно,— сказал Роберт.— Но сначала нам нужно с кем-нибудь познакомиться. Вот что! Нам нужно подружиться с храмовым привратником — дать ему дверной замок или какую-нибудь другую безделушку. Интересно, какие из этих домов храмы, а какие — дворцы? — И Роберт принялся изо всех сил глазеть на противоположную сторону площади, где виднелись внушительной величины ворота, по обеим сторонам которых к небу вздымались две высоченные башни, похожие друг на друга как две капли воды. Справа и слева от ворот стояло еще несколько зданий, но они отличались от первых двух только более скромными размерами.

— Вы хотите попасть непременно в храм Амон-Ра? — раздался у них за спиной невероятно вкрадчивый голос.— Или вас также интересуют храмы Мут и Хонсу*?

Подпрыгнув от неожиданности, дети резко развернулись на сто восемьдесят градусов. Перед ними стоял весьма примечательный молодой человек в ослепительно белой тунике, расшитой по краям узорами, в которых

* Амон (также Амон-Ра) — в египетской мифологии бог солнца, «царь всех богов». Изображался в виде человека в короне с двумя высокими перьями и солнечным диском.

Мут («мать матерей») — богиня неба, жена Амона и мать Хонсу. Изображалась в виде женщины.

Хонсу («проходящий») — бог луны, сын Амона и Мут. Имел также функции бога времени и его счета. Изображался в виде юноши с серпом и диском луны на голове.

переплелись все цвета радуги. Человек этот был тщательно выбрит с головы до ног, причем на последних у него имелись легкие папирусные сандалии. При каждом его движении по воздуху проплывал чарующий малиновый звон — то перекликались повешенные на нем в огромном количестве золотые цепочки, браслеты и ожерелья. Пальцы молодого щеголя были усыпаны перстнями с крупными, чистой воды бриллиантами. Кроме того, на нем имелась короткая, вдоль и поперек расшитая золотом куртка, придававшая ему отдаленное, но тем не менее весьма комичное сходство с зуавом*, а также тяжелый золотой воротник, с которого в огромном множестве свисали различные священные амулеты. Однако требуемого детям амулета среди них не было.

— Вы знаете,— честно признался Сирил,— нам вообще-то все равно.

— Поведайте мне о том, кто вы такие и зачем пришли к нам,— попросил молодой человек.— Возможно, я смогу вам помочь. Я, видите ли, не кто иной, как божественный отец храма Амон-Ра.

— С удовольствием,— сказал Сирил.— Мы пришли из Великой Империи, что расположена на краю земли — там, где никогда не заходит солнце.

— Тогда мне только остается подивиться мужеству, позволившему вам проделать такой долгий и нелегкий путь,— вежливо заметил

* Зуавы — «алжирские стрелки», французские колониальные войска, комплектовавшиеся, в основном, из жителей Северной Африки.

не поверивший ни единому сирилову слову египтянин (вы-то, надеюсь, знаете, что египтяне были не только изобретателями косметики, но и прекрасными астрономами, а уж по части солнца знали не меньше наших современных профессоров).

— Спасибо,— столь же учтиво поблагодарил его Роберт.— Так вот, во время этого долгого и утомительного пути мы повидали огромное количество дворцов и решили для разнообразия осмотреть какой-нибудь храм.

Псаммиад неловко заерзал в своей шелковой сумке.

— Надеюсь, вы захватили с собой подношения храма? — осторожно осведомился жрец.

— Да, у нас имеются кое-какие дары,— но менее осторожно отвечал Сирил.— Но видите ли, это не простые дары. В каждом из них заключено то или иное волшебство, а потому я не могу сейчас рассказать вам о них более подробно. Замечу лишь, что мы не собираемся отдавать их просто так.

— Остерегись! — внезапно прервал его жрец, и в голосе его прозвучало неподдельное негодование.— Ты оскорбляешь богов, да еще и в моем присутствии! Я тоже немало поднаторел в разного рода магии. Например, я могу вылепить ваши точные восковые копии и поставить их перед огнем. И тогда, если я произнесу кое-какие слова, вы будете таять вместе с вашими восковыми подобиями, пока не исчезнете без следа.

— Подумаешь! — высокомерно сказал Сирил.— Да я, если хотите знать, сам могу делать огонь!

— Крайне интересно было бы посмотреть, как это у тебя получится,— насмешливо сказал жрец.

— Вот прямо сейчас и посмотрите,— усмехнулся Сирил.— Нет ничего проще! Только, пожалуйста, станьте как можно плотнее вокруг меня.

— И что же, тебе для этого не нужны никакие приготовления? Я имею в виду, никакого поста и молитв? — обескураженно спросил жрец, в душе которого зародились первые ростки сомнения.

— Знаете ли, для моей магии пост абсолютно не требуется,— ответил Сирил, продолжая играть со жрецом, как кошка с мышкой.— А что до молитвы, то она у меня очень простая: Союзный Джек* и пресс печатный, Смит-Вессон и бинокль стократный, Британия, морями правь, кто мне не верит, тот не прав! О, быстрый огонь, появись сейчас же на конце этой палочки!

Пока Сирил распевал всю эту белиберду, составленную из слов, которые, согласно его совершенно справедливому убеждению, ни при каких условиях не смог бы понять ни один древний египтянин, он достал из кармана спичку и, нагнувшись посреди кружка, составленного из его ближайших родственников плюс абсолютно незнакомого ему молодого жреца, чиркнул деревянной палочкой о подошву ботинка. Затем он выпрямился, одной рукой защищая спичку от ветра.

— Видите? — сказал он голосом, в котором

* Государственный флаг Великобритании.

лишь совсем чуть-чуть угадывалось тщеславие.— Можете взять эту палочку рукой. Да берите же, не бойтесь!

— Нет уж, спасибо! — ответил жрец, стремительно отпрянув назад.— А ты сможешь повторить этот фокус?

— Конечно.

— Тогда скорее пойдете со мной в великий двойной дом фараона! Наш повелитель просто без ума от старой доброй магии. Будьте уверены, он сверх головы осыплет вас знаками своей признательности! — Тут он немного помялся, а затем продолжил самым что ни на есть доверительным тоном: — Я считаю, что между посвященными не должно быть никаких секретов, так что мне лучше сразу же ввести вас в курс дела. Видите ли, в настоящее время я впал в немилость у Его Божественного Величества из-за этого дурацкого пророчества. Я предсказал, что ему везут из Сирии прекрасную принцессу, и — на тебе! — вместо нее приехала какая-то старуха тридцати лет. Но ведь в главном-то я был прав — эта женщина *была* прекрасна! В свое время, конечно. Время — это, знаете ли, не более чем мысленная абстракция.

Услышав эти слова, дети принялись радоваться, как если бы вдруг встретили старых знакомых посреди марсианской пустыни.

— Так вам это тоже известно? — спросил жреца Сирил.

— А как же! — отвечал тот.— Эта простая истина является обязательной частью всякого волшебства. Что, разве не так? А теперь послушайте меня! После того, как я представ-

лю вас фараону и вы продемонстрируете ему все ваши штучки, маленький инцидент с сирийской принцессой будет забыт раз и навсегда. И я попрошу фараона Великого Дома, Сына Солнца и Повелителя Севера и Юга, о дозволении поселить вас в моем храме. Вот тогда-то мы с вами заживем припеваючи! Вы сможете глазеть на мой храм, сколько вам будет угодно. Заодно, кстати, вы научите меня вашей магии, а я научу вас своей.

Идея показалась детям просто замечательной — во всяком случае, ничего лучше в тот момент никто из них придумать не мог, а спрашивать Псаммиада прямо на улице было небезопасно. Так что все четверо зашагали вслед за жрецом к дворцу фараона.

Улицы, ведущие к дворцу фараона, оказались на удивление узкими и грязными. Жрец объяснил детям, что самые богатые дома города были надежно упрятаны за толстенными стенами в двадцать, а то и двадцать пять футов высотой, а потому увидеть их не было никакой возможности. Так что детям пришлось удовольствоваться видом бесконечного ряда узких окон, прорезанных в стенах наподобие бойниц, да верхушек пальмовых крон, из-за этих же стен торчащих. Дома простолудинов представляли из себя низенькие прямоугольные хижинки с одной дверью и двумя окнами, через которые, презрев вентиляционное отверстие на крыше, столбом валил сизобуры́й дым.

— Похоже, что с тех пор, как мы были здесь последний раз, египетские бедняки не очень-то далеко продвинулись в строи-

тельстве жилищ,— прошептал Сирил на ухо Антее.

Как и в ужасной древней деревне, хижины были крыты пальмовыми листьями, но на этот раз между ними важно разгуливали куры, козы и голые ребятишки, которые, правда, при первой же подходящей возможности старались затеять веселую свалку в желтой дорожной пыли. На крыше одного из домов стоял огромный бородатый козел и, пофыркивая и потрясывая головой от удовольствия, уплетал сухие пальмовые листья. И над каждой входной дверью имелось по высеченной в камне фигурке какого-нибудь человека или животного.

— Это амулеты,— объяснил на ходу молодой жрец.— Предохраняют от дурного глаза, знаете ли.

— Что-то мне не очень нравится твой «миленький Египет»,— окрысился на Джейн Роберт.— Если говорить честно, то он Вавилону ни в какие подметки не годится!

— Вот подожди, придем к фараонскому дворцу, тогда увидишь!— так же шепотом защищалась Джейн.

Действительно, дворец оказался самым великолепным зданием из всех, что детям довелось повидать в этот долгий день, но, по правде говоря, если бы кому-нибудь пришло в голову поставить его у входа во дворец вавилонского короля, то сей достойный монарх наверняка побрезговал бы вытирать о него ноги. Путь ко дворцу преграждала высокая кирпичная стена с огромным, сложенным из толстых плит песчаника, порталом, внутри

которого виднелись наглухо закрытые створки ворот. Эти самые створки были тоже ничего себе — кедровые, с бронзовыми навесами и замысловато закрученными узорами из бронзовых же гвоздей. Справа от ворот наличествовала маленькая калитка, через которую молодой жрец, шепнув стражникам какое-то одному ему ведомое волшебное слово, и провел четверых детей.

За стеною оказался весьма приличный сад, в котором произрастали все известные древним египтянам деревья и цветущие кусты. Посреди сада отсвечивало зеркальной гладью вод небольшое, обсаженное по краям какими-то необычайно синими цветами, озеро, по поверхности которого безмятежно плавали туда-сюда утки («как две капли воды похожие на сент-джеймских», клялся и божился позднее Роберт).

— Казармы телохранителей, кладовые, домик царицы,— объяснял жрец, указывая на встречавшиеся им по пути здания.

Они быстро прошли через мощный каменными плитами внутренний дворик, и жрец опять принялся шептаться с охранявшими вход во дворец воинами.

— Нам повезло,— сказал он, когда переговоры были закончены и вся компания очутилась на ступенях дворца.— Фараон все еще ведет прием в Зале Славы. А теперь слушайте меня очень внимательно! Когда вы окажетесь в Высочайшем Присутствии фараона, не постыдитесь выказать переполняющие вас восхищение и благоговейный трепет. Ничуть не повредит и повалиться ниц, закрывая

лицо руками. Но самое главное, ни в каком случае не начинайте говорить, пока вас не спросят!

— Когда мой папа был еще совсем маленьким,— сказал Роберт,— у нас в стране были в ходу очень похожие правила.

У входа в Зал Славы роилась огромная толпа народа. Люди кричали, спорили, толкались и изо всех сил напирали на стражников, которые, казалось, подчинялись лишь одному правилу — а именно, пропускать только тех, кто даст им самую большую взятку. На этом своеобразном аукционе детям довелось услышать такие фантастические посулы, что они только диву давались, отчего эти самые крохоборы в доспехах до сих пор еще не завладели всем миром.

По всему периметру зала проходил ряд высоких деревянных колонн, сверху донизу изукрашенных яркими цветными орнаментами. Потолок был обит кедровыми панелями и сверх всякой меры выложен золотом и драгоценными камнями. Посреди зала уровень пола поднимался на одну невысокую ступень, за ней следовала еще одна, а поближе к противоположной от входа стене начиналась узкая крутая лестница, выводившая непосредственно к трону египетского владыки. На фараона было любо-дорого посмотреть: он сидел неподвижно, как статуя, и на голове у него была двойная красно-белая корона, а в руках — золотой скипетр. Над троним имелся резной деревянный навес, поддерживаемый двумя ярко разукрашенными столбиками, а вдоль стен тянулся ряд низеньких скамеек, на которых, развалившись

и самых живописных позах и вкушая прохладительные напитки, отдыхали друзья, родственники и доверенные лица Повелителя.

Молодой жрец бесстрашно повел детей вверх по ступеням. Когда все пятеро оказались перед самым тронем, он внезапно рухнул на пол и закрыл лицо руками. Детям ничего не оставалось, как последовать его примеру, причем Антее, чтобы не раздавить при этом Псаммиада, пришлось исполнить самый настоящий акробатический трюк.

— Поднимите их! — раздался у них над головами голос фараона. — Я буду говорить с ними.

Набежавшие со всех сторон распорядители приема схватили всех пятерых под мышки и моментально придали им вертикальное положение.

— Кто вы такие, о чужеземцы? — начал было фараон, но тут его взор обратился на молодого жреца, и он весьма грозно закричал: — Как смел ты, о вероломный Рекх-мара, запятнать своим появлением мое Высочайшее Присутствие, когда твоя непричастность к известному тебе гнусному обману еще до сих пор не установлена?

— О несравненный владыка! — взмолился молодой жрец. — Ты, что являешь собой нетленный образ великого Ра и его божественного сына Гора! Ты, кому подвластны сердца и мысли небожителей и обыкновенных смертных! Ты наверняка уже прочитал в умах этих презренных скитальцев, что они являются детьми детей покоренной и попранной Твоею пятой Империи, где никогда не заходит солнце. О, боголикий! Им ведома магия, кото-

рая неизвестна египетским мудрецам, и они покажут Тебе свое искусство. А еще они принесли из своей рабской страны дары, которые и хотели бы поднести к благоуханным стопам Фараона, в сердце которого живет мудрость богов и устами которого глаголет их истина!

— Все это очень хорошо,— капризно сказал фараон,— но где же сами дары?

Четверо детей покоренной и попранной благоуханной пятой фараона нации внезапно оказались в центре внимания самого блестящего, самого золотого и самого разукрашенного общества из всех, что когда-либо существовали на земле. Немного оторопев от столь внезапного оборота событий, они неловко раскланялись на все четыре стороны и извлекли на свет Божий старый железный замок, несесер и булавку для галстука.

— Но это никакая не дань,— пробормотал Сирил себе под нос.— Англия еще никому не платила дани.

Главный распорядитель забрал у детей дары и, изогнувшись чуть ли не до самого пола, передал их фараону. Тот некоторое время изучал их с огромным интересом, а затем распорядился: — Отнесите все это в Царскую Сокровищницу!

Детям же он сказал следующее:

— Дары, конечно, незначительные, но все же достаточно чудные и даже, пожалуй, изысканные. А что там насчет магии, Рекх-мара? — добавил он, обращаясь к молодому жрецу.

— Эти недостойные сыновья покоренной нации... — начал разливаться Рекх-мара.

— Да ничего подобного! — сердито прошипел Сирил.

— ...покоренной и попранной нации могут на глазах у всех высечь огонь из крохотного кусочка древесины.

— Крайне было бы интересно посмотреть, как это у них получится, — сказал фараон, точь-в-точь как перед тем Рекх-мара.

Сирил выступил вперед и без лишнего шума зажег спичку.

— Хочу еще! — сказал фараон, на этот раз более всего на свете напоминая Ягненка, опустошившего очередное блюдо с вареньем.

— Он больше не может колдовать! — внезапно зазвенел под сводами зала голос Антеи. Тотчас же глаза всех присутствующих обратились на нее. — Не может, потому что у него в ушах звучат голоса свободнорожденных, но угнетенных людей, требующих пива, хлеба с луком и увеличения обеденного перерыва! Если эти люди получают все, чего требуют, колдовская сила вернется к нему.

— Какая невежливая девочка! — сказал фараон. — Однако распорядитесь, чтобы эти собаки, что беснуются на улицах, отныне получали по лишней луковице, — добавил он, не поворачивая головы. — Да, и увеличьте им обеденный перерыв. У нас всегда найдется, кому работать в это время.

Какой-то затянутый в золото чиновник тут же поспешил к выходу.

— Народ будет молиться на Тебя, о бессмертный! — только что не заплакал от счастья Рекх-мара. — Храм Амона едва ли сможет

вместить в себя все его подношения по этому поводу.

Сирил зажег еще одну спичку, и по Залу Славы прокатился сдержанный ропот удивления и восторга. А когда он вытащил из кармана великолепную парафиновую свечу (из зала донесся хрип затаиваемого дыхания), зажег ее третьей спичкой (в зале раздались первые жидкие хлопки) и поставил в горящем виде перед фараоном (в зале овация и треск ломаемых кресел), божественный повелитель Египта от возбуждения чуть было не свалился с трона.

— О величайший из всех живущих, о Ты, перед кем склоняются в поклоне солнце, луна и небесные звезды! — запричитал тут подлиза Рекх-мара. — Прощен ли я теперь? Доказана ли моя непричастность к гнусному обману?

— На сегодня да, — коротко ответил фараон. — А теперь оставь меня в покое! Ты прощен, вот и ступай себе с миром!

Улыбающийся до ушей молодой жрец окрыленной походкой выбежал из зала. А фараон снова повернулся к детям и ни с того ни с сего спросил:

— А что это там у вас шевелится в мешке? Покажите же мне скорее, о чужеземцы!

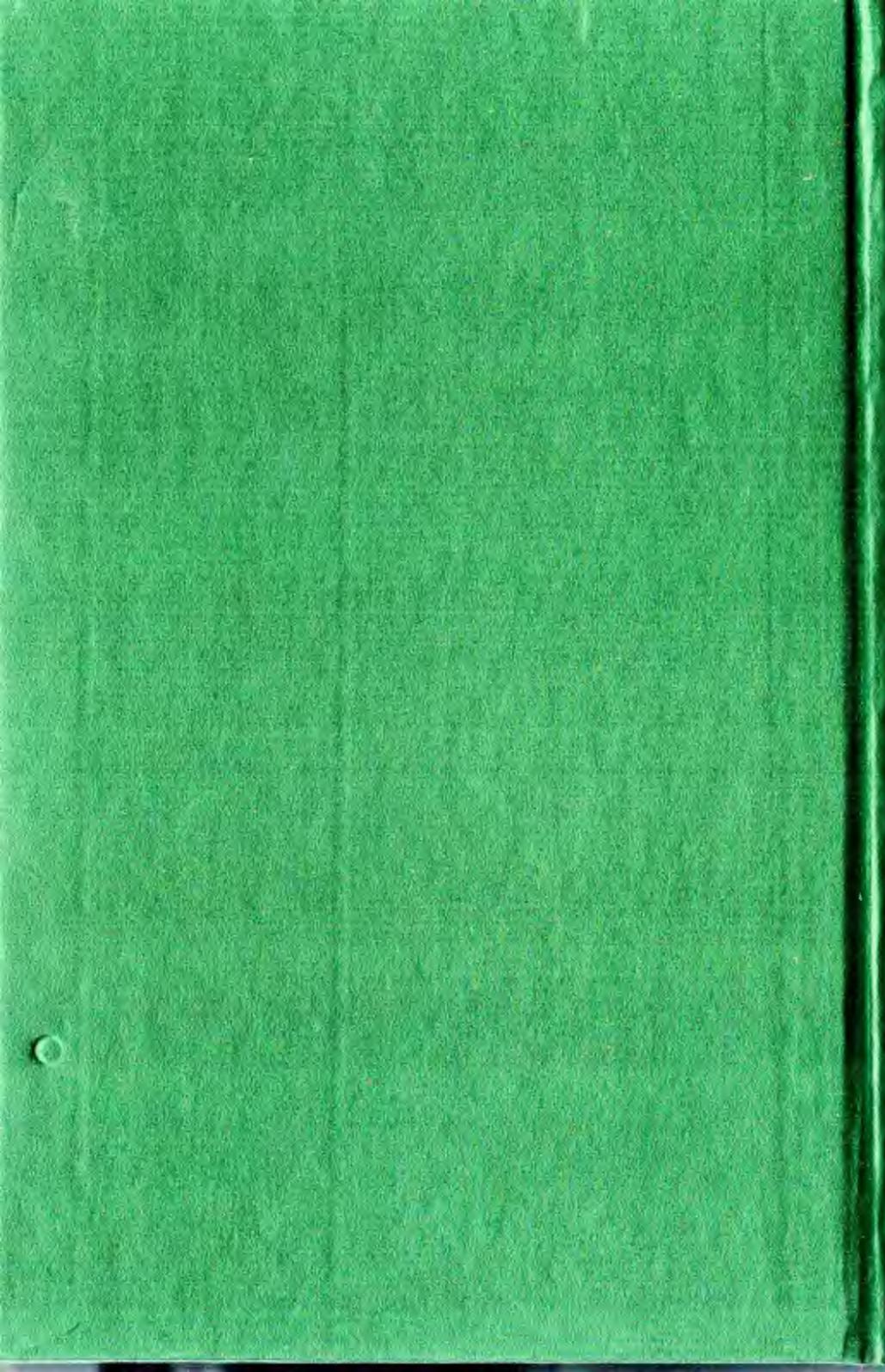
Детям ничего не оставалось, как извлечь из «адовой авоськи» Песчаного Эльфа.

— Возьмите ее! — небрежно приказал фараон слугам. — Очень любопытная мартышка. Она послужит отличным дополнением к моей коллекции бесхвостых нумидийских обезьян.

Синяя Птица

Сказочные истории английской писательницы
Эдит Несбит (1858—1924)
написаны более 70 лет назад,
но они до сих пор популярны
у детей всего мира.

Имена ее героев стали нарицательными,
книги тиражируются в миллионах экземпляров.

В сказочной повести «История амулета»
читатели вновь встретятся
с неутомимыми искателями приключений.

На этот раз дети становятся
обладателями половинки древнего амулета.

В поисках второй его части,
затерявшейся в веках,
они совершают головокружительные
путешествия в прошлое.